

ИРА ДАЛИНСКИ

НЕПОКОРНАЯ Для ГОРЦА Сюжет твои крылья

18+

Братья Сайдулаевы

Ира Далински

**Непокорная для горца.
Сломаю твои крылышки**

«Автор»

2026

Далински И.

Непокорная для горца. Сломаю твои крылышки / И. Далински —
«Автор», 2026 — (Братья Сайдулаевы)

– Ты должен уйти немедленно. Я выхожу замуж. Если ты уважаешь мою семью, если тебе дорого то, что было между нами, ты не станешь поднимать оружие и уйдешь. Потому что я больше не твоя.— Ты моя, пташка. Пять лет назад стала. И сейчас уйдёшь со мной. Вариантов два. Либо ты открываешь дверь, и я кровью отвоеываю тебя у Бараевых, либо ты добровольно идешь со мной, и крови будет чуть меньше. Он украл меня со свадьбы с другим, чтобы навсегда забрать себе. Я ненавижу его за это. Но себя – ещё сильнее. За то, что готова лететь за ним даже в ад. Но самое страшное, когда прошлое догонит и безумная любовь потребует платы. ЧЕРНОВОЙ ВАРИАНТ!

© Далински И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	10
Глава 5	13
Глава 6	16
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	25
Глава 10	29
Глава 11	33
Глава 12	36
Глава 13	39
Глава 14	42
Глава 15	47
Глава 16	51
Глава 17	53
Глава 18	56
Глава 19	60
Глава 20	62
Глава 21	64
Глава 22	67
Глава 23	70
Глава 24	73
Глава 25	75
Глава 26	78
Глава 27	84
Глава 28	86
Глава 29	89
Глава 30	91
Глава 31	93
Глава 32	95
Глава 33	97
Глава 34	100

Ира Далински

Непокорная для горца. Сломаю твои крылышки

Глава 1

Пролог

Я стою на палубе яхты. Ветер рвёт волосы, холод пробирает до костей. Губы дрожат, когда я шепчу:

– Не надо. Пожалуйста.

Внизу – чёрное море, холодное, глубокое. Передо мной – бывший жених с пистолетом. В его глазах то, чего я раньше не видела: белое, безжалостное безумие.

– Ты была моей невестой, Ясмин. Опозорила меня перед всей семьёй, перед гостями, перед городом. Убежала со свадьбы с этим дикарём.

Я смотрю на него и чувствую только пустоту. Никогда не любила. Ни секунды. Даже когда согласилась выйти за него под давлением родителей внутри была только тоска.

Он наводит дуло на того, кого я люблю пять лет. На того, с кем сбежала с собственной свадьбы.

– Я тебя не выбирала! – голос срывается. – Меня заставили! Я никогда не хотела за тебя, Мансур. Прошу...

– Мне плевать, – его голос становится жёстче. – Ты была обещана мне. Я привык получать то, что хочу.

Мой любимый на коленях. Лицо разбито, но глаза упрямо смотрят на меня. В них – пять лет ожидания, наша свадьба, наша любовь. Всего несколько дней назад мы лежали на этой же яхте, смотрели на звёзды, и я верила, что счастье возможно. А теперь он на коленях, а я должна прыгнуть в чёрную воду.

– Прыгай, – Мансур кивает за борт. – И я, возможно, отпущу его.

– Не смей! – кричит любимый, но его тут же бьют прикладом. – Ясмин, не смей!

Я смотрю на его разбитые губы, на кровь на скуле. Мы слишком многое пережили, чтобы всё закончилось так. Но я делаю то, что должна.

– Прыгай. Или я стреляю в него.

– Я беременна, – выдыхаю я, прикрыв на секунду глаза.

Тишина становится громкой, до звона в ушах. На секунду мне кажется, что это спасёт нас. Но взгляд Мансура становится ещё холоднее. Зря сказала.

Любимый смотрит на меня так, будто я ударила его в спину. В глазах – шок, неверие, надежда.

Я поворачиваюсь к нему, слёзы текут по щекам.

– Прости, Там... я хотела сообщить радость на ужине... не успела.

Он дёргается, пытаясь встать.

– Ясмин...

– Не надо, – я поднимаю руку. – Всё будет хорошо.

Мансур зло усмехается. А в глазах любимого одна мольба: «Не надо, птишка, не надо».

– Я люблю тебя. И нашего ребёнка.

Прыгаю за борт.

Вода принимает меня, как враг. Холодно. Темно. Я ухожу вглубь, и мир сжимается до одного ощущения – ледяной воды, обжигающей кожу.

Я вынырываю. Хватаю ртом воздух. Вокруг бесконечное море. Берег далеко. Яхта чернеет на фоне заката.

– ЯСМИН! – доносится ветром.

Я слышу. Всегда слышу.

И в этот момент – выстрел.

Пуля входит в спину. Мир взрывается болью. Я успеваю подумать только о том, как сильно люблю

А потом – темнота.

Глава 2

Сегодня я выхожу замуж.

За человека, которого не люблю.

На мне дорогое свадебное платье с национальным орнаментом горцев. Диадема украшает волнами распущенные тёмные волосы; с основания обруча вниз спускаются невесомые цепочки с крошечными прозрачными капельками.

Красивая кукла в свадебной обёртке.

Я не хотела этого. Я мечтала окончить учёбу в медицинском и уехать на практику в Германию. Родители поставили ультиматум: или я выхожу замуж за достойного человека из нашей общины, или навсегда забываю о карьере.

Узнав, что я подала документы без их ведома, мать взорвалась:

– До конца жизни учиться будешь? Тебе двадцать три, Ясмин! Пора детей рожать! К чему твоя учёба, если своей семьи нет?

Первое время я пыталась сопротивляться, но после разрыва с ним была опустошена. Германия уплывала. Любовь была потеряна. Родители давили. И я согласилась.

Касаюсь пальцами пустого места на пальце. Там, где три года было кольцо с вытесненным пером изнутри. Подарок самого дорогого человека. Я сняла его полгода назад, когда сказала ему те слова.

«Я хочу состояться, Тамир! А не сидеть на Кавказе и рожать тебе детей, пока ты на работе. Ты не понимаешь меня. Я хочу жить, а не сидеть в золотой клетке».

Я ушла. Он не остановил. Только смотрел так, будто я вырезала ему сердце без анестезии. А потом исчез. Полгода тишины – ни звонка, ни сообщения.

Я думала, что свободна. Что теперь всё будет легко. Что Германия, карьера, новая жизнь стоят той боли, которую я причинила.

Глупая.

Сегодня дом родителей полон гостей. Я стою перед зеркалом в свадебном платье и вспоминаю Тамира. Его глаза. Его голос, когда произносил: «птишка моя».

На глазах слёзы.

Меня настигло то, от чего я бежала столько лет. Только в разы хуже.

Скоро зайдёт мама, меня отведут в комнату, где я должна дать согласие на брак перед муллой. И всё... птишка Ясмин навсегда сломает свои крылья.

Мне предстоит жить с мажором, который избил меня из ревности. Который смотрит на меня как на очередной трофей.

Сквозь собственные рыдания я слышу приглушённый стук. Как будто кто-то ломится снаружи, но я не сразу понимаю, откуда он. Окно распахивается, ударяясь о стену и на подоконнике появляется Тамир.

Нет, я не сошла с ума. Я правда вижу его.

Он в чёрном. В глазах – бешенство. В руке – пистолет.

Спрыгивает на пол, выпрямляется во весь рост. Молча смотрит на меня в свадебном платье.

Затем цедит сквозь зубы:

– Красивая. Но не для него.

Глава 3

Я в шоке. Внутри всё обрывается, когда я узнаю фигуру на подоконнике.

Тамир Сайдулаев – мужчина из моего прошлого.

– Ты... ты что творишь? Ты с ума сошел? У меня вообще-то свадьба!

– Знаю, – Тамир берет меня за руку. Силой, но не больно. – Ты моя, пташка. Пять лет назад стала и сейчас уйдешь со мной.

Он тянет меня к двери. Я упираюсь, но он не отпускает.

– Я не пойду!

– Пойдешь, – сжимает мою руку чуть сильнее и оборачивается на меня. Смотрит волком, готовый устранить любую угрозу. – Потому что, если не пойдешь, я здесь всех положу. Не заставляй меня, Ямин.

В его голосе нет сомнений.

Вдруг в дверь стучат.

– Ямин?! Дочка, ты в порядке? Почему дверь заперта? – голос мамы. В ужасе смотрю на Сайдулаева, который держится уверенный как скала. – Мулла ждет. Открой дверь.

– Не смей, Ямин, – Тамир предупреждающе качает головой.

Я вижу, он не шутит. Он реально готов на всё, и я вместо того, чтобы ссориться с ним, драться за свою честь, чувствую не страх, а странное облегчение.

Потому что он пришел. Он не забыл. Он борется за меня.

– Mam! Дай мне две минуты... Я сама спущусь!

– Дочка, не задерживайся! Не красиво мулле заставлять ждать.

Мама перестала дергать ручку двери и по шагам я понимаю, что она ушла. Вдыхаю тяжело и разворачиваюсь к мужчине.

– Тамир. Ты должен уйти немедленно. Я выхожу замуж за сына Бараевых. Если... если ты уважаешь мою семью, если тебе дорого то, что было между нами, ты не станешь поднимать оружие и уйдешь. Потому что я больше не твоя.

Он даже не моргнул. Лишь спросил надменно:

– Всё сказала?

Киваю, еще не понимая, что скрывается за этим спокойствием. Тамир склоняется надо мной, хватая двумя пальцами за подбородок, заставляя смотреть в глаза.

– Теперь слушай меня, пташка. Мы сейчас выйдем: но вариантов два. Либо ты открываешь дверь, и я кровью отвоевываю тебя у Бараевых, либо ты добровольно идешь со мной, и крови будет чуть меньше.

Я смотрю на него. На пистолет в его руке. На дверь, за которой мама, гости, мулла, мой несостоявшийся жених. Если Тамир выйдет через ту дверь, он переступит порог с оружием и начнется бойня. Я знаю его. Сайдулаевы не отступают.

– Тамир, – говорю тихо, почти шепотом. – Не надо крови. Пожалуйста. Не открывай эту дверь.

Он хмурится, сжимает челюсть.

– Тогда как, по-твоему, мы отсюда выберемся?

Я перевожу взгляд на окно. Туда, откуда он пришёл.

– Через окно. Я уйду с тобой. Добровольно.

Он смотрит на меня, не веря. Но я киваю.

– Я не хочу, чтобы из-за меня кто-то пострадал. Ни моя мать, ни случайные гости. Забери меня отсюда тихо. Без выстрелов.

Тамир медленно убирает пистолет в кобуру.

– Предлагаешь мне украсть тебя как трус? – спрашивает недовольно.

– Я ненавижу себя за это, – отвечаю я. – Но да. Это единственный безопасный вариант. Он хватается меня за руку, тянет к окну. Я не сопротивляюсь.

Тамир держит меня за руку и поднимается на подоконник. Спрыгивает и в ожидании протягивает мне свои руки. Я нерешительно смотрю вниз.

Сделаю следующий шаг и назад дороги не будет.

– Ну же, пташка.

Я подбираю тяжёлое платье, спускаю ноги в атласных туфлях. Он ловит меня, смыкает руки на талии, сажает в машину.

Мы мчимся в аэропорт.

Приветствую в новой истории, мои дорогие. Здесь будет немного больно, но очень вкусно и страстно. Потихоньку загружаю весь цикл кавказских историй. Можно читать отдельно, но герои знакомы между собой.

Если еще не читали про Хана, то...

["Брат мужа. Отдана без прав"](#)

Глава 4

Меня как есть в свадебном платье сажают на борт частного самолета.

Там в салоне, сидя в удобном кресле, я и прихожу в себя:

– Ты идиот! Ты сломал мою жизнь! Меня теперь никто замуж не возьмет! Мои родители меня проклянут!

– Замуж? – усмехается Тамир, удобно раскинув ноги. – А кто тебе сказал, что я тебя похитил, чтобы вернуть? Я тебя похитил, чтобы жениться.

– Ты в своем уме? После всего, что было?

– А что было? – он резко становится серьезным. – Я пять лет ждал, Ясмин. Пять лет терпел твой характер, твои амбиции, твои побегі. Я дал тебе свободу на полгода. И что? Ты выходишь за первого, кого родители подсунули? Значит, не так уж ты хотела свою Германию.

– Меня заставили! – выкрикиваю я. – А ты... ты даже не позвонил!

– Ты первая сказала, что я старомодный.

– Потому что ты бесишь меня!

– А я без тебя с ума схожу. Эти полгода были адом, Ясмин. Я думал, что справлюсь. Не справился. Как узнал дату свадьбы – всё. Крышу сорвало.

Я смотрю на него и проваливаюсь в его взгляд.

Там – всё, что было между нами. Пять лет надежды, ссор, примирений. Каждый его прилёт в Москву. Каждое «пташка», сказанное хриплым шёпотом. Каждая минута, когда он сдерживал себя, потому что берег мою честь.

Он смотрит на меня так же, как в тот вечер на катке, когда я впервые нарушила все правила. Как тогда, когда дарил кольцо с пёрышком, и его пальцы дрожали.

Я зла и напугана. Но еще я... счастлива. Потому что он здесь. Рядом.

– Родители поднимут шум, мой жених будет искать! Бараевы подключат полицию.

Но Тамир спокоен:

– Разрулю. Я Сайдулаев. Тоже не из пальца сделан.

– Ты понимаешь, что из-за меня у тебя будут серьезные проблемы?

– Я всё понимаю, – отвечает он, теряя терпение. – Кроме одного: как ты могла выйти за другого?

– Ты даже не спросил, хочу ли я быть с тобой, – голос срывается, но я давлó обиду, прячу её поглубже. – Просто ворвался, перевернул всё и теперь решаешь за меня.

Тамир смотрит куда-то в иллюминатор, на облака, которые уплывают под крылом. Потом переводит задумчивый взгляд на меня.

– А ты разве не хочешь быть со мной?

Я открываю рот и закрываю. Потому что внутри всё кричит «да», а разум – тот самый, который полгода убеждал меня, что я всё правильно сделала, – молчит.

Тамир и не ждёт ответа. Отворачивается, достаёт из кармана пиджака маленькую бархатную коробочку. Кидает мне на колени.

– Открой.

Я смотрю на коробочку и сердце ухает вниз. Пальцы дрожат, когда я поддеваю крышку.

Там лежит оно.

Моё кольцо с пером, выгравированным изнутри. То самое, которое я сняла полгода назад и вернула ему.

– Ты... хранил его?

– А ты думала, выкину? – усмехается горько. – Оно лежало, ждало. Как и я.

Я сжимаю кольцо в ладони. Металл тёплый, живой, родной. Я столько лет носила его, не снимая.

– Тамир...

– Я не заставляю тебя, Ясмин, – голос усталый, глухой. – Могу развернуть самолёт. Отпущу. Снова. Если скажешь, что не хочешь быть со мной.

Смотрю на этого упрямого, невыносимого, любимого горца.

– Но я знаю, что ты хочешь, Ясмин. Я знаю тебя лучше, чем ты сама.

Он медленно, будто боится спугнуть, протягивает руку. Я замираю. Каждая клетка тела ждёт.

Его пальцы касаются моего виска.

Это не просто прикосновение. Это нить, которая связывает нас сквозь все эти полгода разлуки. Сквозь все «не надо» и «прощай». Кончики его пальцев чуть шершавые – я помню эти руки, помню, как они держали меня, как перебирали мои волосы, как сжимались в кулаки от ревности.

А сейчас они дрожат. Еле заметно, но я чувствую.

Он убирает прядь волос, выбившуюся из причёски. Движение такое медленное, будто он боится, что я исчезну, если поторопится. Будто я – мыльный пузырь, который лопнет от резкого дыхания.

Его пальцы скользят по моей щеке, останавливаются на скуле. Кожа горит там, где он касается. Я закрываю глаза на секунду – и вижу нас. На катке, в книжном, на кухне его московской квартиры, где он учил меня резать овощи и смеялся, когда я чуть не отрезала палец.

Я чувствую его запах – древесины, кожа, что-то горькое и сладкое одновременно. Этот запах преследовал меня все полгода. Я ловила его в толпе, в метро, в аудиториях. Мне казалось, что это просто память. А он здесь. Настоящий.

Его пальцы замирают на моём подбородке, чуть приподнимают, заставляя открыть глаза.

– Не плачь, пташка, – шепчет он.

А я даже не заметила, что плачу.

Слеза скатывается по его пальцу. Он не вытирает её. Просто смотрит на неё, на меня, и в его глазах такая бездна, что я забываю, как дышать.

Это прикосновение как обещание. Как просьба о прощении, которую он не произносит вслух. Как «я здесь» и «я никуда не уйду».

Я хочу ответить. Хочу коснуться его лица, провести пальцами по этим скулам, которые так любила целовать. Но не могу. Потому что если я сейчас прикоснусь к нему, то всё – я рассыплюсь на куски. Или, наоборот, соберусь впервые за полгода. – Поэтому мы летим домой. Разбираться со всем, что наворотили. Вместе.

У меня чешутся руки надеть кольцо на палец. Туда, где ему самое место. Я знаю, оно сядет идеально, ведь сделано аккуратно под мой безымянный палец им же.

Тамир выдыхает. Так, будто всё это время не дышал.

– Где твой телефон? – спрашивает вдруг.

– Зачем?

– Звони матери. Скажи, что жива, что в безопасности. Иначе она с ума сойдёт.

– Что ей сказать? – я смотрю на него растерянно. – Что сбежала с похитителем?

– Скажи правду. Что ты с тем, кого любишь. Остальное я улажу.

Зло поджимаю губы, отворачиваюсь к иллюминатору. Сердце сжимается от мысли, что я сделаю больно отцу своим побегом. Но другого выхода нет.

Тамир безумно улыбается.

– Моя пташка с характером.

– Горец с пистолетом и манией величия!

– Только ради тебя.

Самолёт идёт на посадку. В иллюминаторе уже видны величественные горы Кавказа. Как же давно я не была на Родине. Горы встретили меня сурово и молчаливо.

Не знаю, что будет завтра. Как отреагируют родители, что сделают Бараевы, но сейчас я добровольно лечу назад, в золотую клетку Сайдулаева.

Глава 5

По прилёту я набираю номер. Руки трясутся так, что я с трудом попадаю по кнопкам. Мама берёт после первого же гудка будто ждала у телефона всё это время.

– Ясмин?! Ты где Что случилось Тут люди говорят, что тебя украли... Мы проверили камеры

– Мам, – перебиваю я. – Со мной всё хорошо. Я... я с Тамиром.

Тишина. Мама знает о ком я.

Потом вздох, полный облегчения и ужаса одновременно:

– Дочка, ты понимаешь, что творишь Бараевы...

– Пусть Бараевы ищут себе новую невесту. Я люблю другого.

Резко сбрасываю. Смотрю на Тамира. Он не услышал последних слов – занят тем, что расставляет по периметру дома своих людей. Хмурый, сосредоточенный.

Горец боится, что пташка вздумает улететь.

Он отводит меня в одну из комнат. Большую, светлую, с окнами на горы.

– Живи здесь. Не вздумай сбежать: кругом горы, дикие животные, да и мои люди везде. Захочешь есть – кухня внизу. Захочешь поговорить – звони.

– Захочу убить тебя, где найду пистолет? – огрызаюсь, проходя внутрь и бросая на пол фату, которая путается в ногах.

– В тумбочке. Только патронов нет, – усмехается он. Делает паузу и смотрит на меня в упор. – Завтра наша свадьба, Ясмин.

Я поднимаю на него изумлённые глаза. Думала, ослышалась. В ушах шумит, сердце пропускает удар.

– Что?

– Свадьба, – повторяет спокойно, а у меня всё вулканом кипит внутри. – Мулла приедет сюда. Мои люди всё подготовили. Твои родители... ну, пусть злятся. Переживут. Ты станешь моей женой завтра. По всем правилам.

– Ты сумасшедший, – бессильно выдохнула я, желая замахнуться в него чем-нибудь. – Ты понимаешь, что ты творишь? Бараев тебя убьет!

– Мансур? – Тамир саркастично усмехнулся. – Бараевы получают назад сына с дырой в голове, если сунется. Но он не сунется. Он умный. А полиция... У меня свои люди везде, Ясмин. Ты думаешь, я не продумал план?

Я смотрю на него и вижу чужого. Тамир, который дарил мне цветы и ласково называл пташкой, исчез. Вернулся тот военный, просчитанный, опасный. Он оставил эту профессию ради меня, хотя практически все мужчины в его роду занимают должности в структурах.

– Ты не посмеешь, – прошептала я, но в груди уже разрастается ледяная уверенность: посмеет. Ещё как посмеет.

Наши отношения в прошлом тому доказательство.

Он делает шаг в комнату, и я невольно отступаю к окну. Свадебное платье тяжело волочится по полу, путается в ногах, но я не чувствую веса, потому что меня сейчас напрягает только его взгляд. Тяжёлый, чёрный, голодный.

Тамир разглядывает меня медленно, будто видит в первый раз. Задерживается на диадеме в моих волосах, на цепочках с капельками, на узорах платья.

– Пять лет, Ясмин. Я ждал, пока ты наиграешься в учебу, в свободу. Я дал тебе всё. А ты решила, что я слишком другой для тебя?

– Ты – мерзавец, – цежу в ответ, вспоминая нашу последнюю встречу в Москве. Мои слова, его лицо и тишина после. – Не думай, что после всего, я выйду за тебя.

Он усмехается. Невесело, с каким-то надломом.

– Я – мужчина, который устал ждать.

Разворачивается к выходу, но на пороге оборачивается.

– Будь паинькой, Ясмин. Мне нужно срочно съездить кое-куда. Обед тебе принесут. Если я вернусь и не увижу пустую тарелку, мы сильно поругаемся.

Мой отчаянный вздох и хлопок закрываемой двери раздаются одновременно. Всё такой же!

Я стою посреди комнаты и смотрю на закрытую дверь, чувствуя, как внутри закипает злость. Не на него. На себя. За то, что где-то там, на самом дне души, что-то ёкнуло. За то, что я всё ещё помню его запах. За то, что сердце колотится быстрее, когда он рядом.

– Нет, – говорю в пустоту. – Не дождёшься.

Я жду ровно час.

Слышу, как за окном стихают голоса, как хлопает входная дверь, как заурчал мотор машины и удаляется вниз по горной дороге. Тамир уехал. Его люди остались, но они где-то снаружи – охраняют периметр, следят, чтобы никто не вошёл. И чтобы никто не вышел.

Я выдыхаю и подхожу к окну.

Горы. Бесконечные, дикие, чужие. Внизу обрыв, дальше лес, а за ним, если верить карте на телефоне, трасса. До ближайшего города километров сорок. Пешком? Нереально. Но я не могу сидеть в этой клетке. Даже золотой.

Мне было больно. Полгода тишины, слёз, ночей без сна. Полгода безумия – после того как годами мы сходили с ума друг по другу. Я думала, он забыл. Я думала, что у нас всё было, а потом розовые очки разбились. А сегодня, узнав, что «птишку может запереть другой хозяин», он явился с оружием.

Не ради меня. Ради своей собственности.

Я оглядываюсь на дверь. Проверяю – открывается. Он что, совсем дурак? Или так уверен, что я никуда не денусь?

Я выхожу во двор, волоча тяжёлый подол свадебного платья. Глупость. Я в платье, в туфлях, с дурацкой диадемой в волосах. Куда я собралась? В горы? В лес? Но я не могу оставаться. Не могу сидеть и ждать, когда он вернётся и решит мою судьбу.

Воздух холодный, горький, пахнет мокрой травой и дальними снегами. Я делаю несколько шагов по траве, туфли скользят.

Меня настигают через несколько минут.

Двое мужчин – те, кого я видела во дворе. Один хватается за телефон, второй встаёт передо мной, загораживая путь.

– Не надо, – говорит тот, что постарше. – Вернитесь, пожалуйста. Тамир велел беречь вас...

– Пропустите! – я пытаюсь обойти его. – Я не его собственность!

– Нам неприятности не нужны, – устало вздыхает он. Не рад, что приходится нянчиться с невольницей хозяина. – Пойдёмте, пока целы.

Я делаю ровно наоборот. Иду в сторону ворот. Знаю, что не пропустят. Знаю, что не посмеют прикоснуться ко мне. Тамир им головы отрубит. Но я не буду драться, не буду кричать. Я просто пойду.

Внутри всё кипит от злости и отчаяния.

– Ясмин, – второй, молодой, делает шаг ко мне, но не касается. – Ну куда вы? Там горы, волки, темно скоро. Вернитесь, а?

Я не отвечаю. Иду.

Они переглядываются. Старший вздыхает и звонит по телефону.

– Тамир, – говорит в трубку. – Она вышла. Да. К воротам идёт. Не пускаем, но... Да, понял.

Я замираю. Они не тронут. Они будут уговаривать, загораживать путь, но не посмеют схватить. Тамир приказал беречь. А беречь – значит не навредить.

Я делаю шаг. Ещё один. Ворота уже близко.

– Ясмин, – голос старшего становится жёстче. – Не заставляйте нас делать то, за что потом и вам, и нам будет стыдно. Вернитесь в дом. Пожалуйста.

– Не вернусь.

– Тогда мы будем вынуждены...

– Что? – я оборачиваюсь, зло смотрю ему в глаза. – Связать меня? Запереть?

Мужчина молчит. Он понимает, что я знаю свои права и что у него связаны руки.

– Вы же умная девушка, – чуть ли не умоляет меня. – Сами понимаете: не уйдёте. В платье, на каблуках, в горы? Заблудитесь, замёрзнете... Вы нам потом спасибо скажете, что не пустили.

Я знаю, что он прав. И от этого ярость закипает с новой силой.

Я жила полгода в слезах и надежде. Полгода гадала, что он делает, с кем, думает ли обо мне. А он просто жил дальше. Или не жил. Я не знаю.

– Передайте моему хозяину, – говорю я, глядя на старшего, – что я не вещь. И что, если он думает, что я буду сидеть и ждать его милости, он ошибается.

– Передадим, – кивает мужчина. – А вы идите в дом, пока ноги не отморозили.

Я стою ещё секунду, глядя на ворота. Потом разворачиваюсь и иду обратно. Медленно, высоко подняв голову.

Через час приезжает Тамир.

Я слышу его тяжёлые и быстрые шаги в коридоре. Он входит, не стучась, с порога видит меня. Я сижу на кровати, всё в том же платье, грязная, уставшая, но с прямой спиной.

– Совсем дура? Там волки! Я тебя для волков, что ли, крал?

Рычит, подходя ближе.

– А для чего? Для себя? Чтобы в клетке держать?

– Чтобы ты наконец поняла, чего хочешь на самом деле. Но могу подсказать!

Тамир наклоняется, хватая меня за плечи, приподнимает. Я не сопротивляюсь – сил нет. Он разворачивает меня и увлекает на кровать, почти бросает, но подхватывает в последний момент, смягчая падение.

Глава 6

Я падаю на спину, пружины скрипят, платье задирается выше. Пытаюсь подняться, но он нависает сверху, блокируя руками, не дает встать.

– Если ты ещё раз попытаешься сбежать, я запру тебя в подвале. Поняла?

В глазах Тамира бешенство, боль и любовь. Всё то же, что и всегда.

– Пусти!

– Успокойся.

– Не трогай меня! – кричу я. – Не смей!

– Ясмин, – его рваное дыхание опалает щёку, а сам он становится тише, глубже, опаснее.

– Перестань.

– Я не твоя! Ты меня украл! Ты...

– Я знаю, что ты не хотела выходить за Мансура, – перебивает он. – Знаю, как тебе было хорошо со мной, как ты плакала в аэропорту каждый раз, когда я уезжал.

– Заткнись...

– Я знаю, что ты сняла моё кольцо не потому, что разлюбила, а потому что испугалась.

– Заткнись! – вырывается из меня вместе с рыданием. – Ты ничего не знаешь! Ты исчез! Не звонил! Не писал! Полгода! Я слышала, что у тебя другая что ты забыл меня. А теперь ты приходишь, крадёшь меня со свадьбы, везёшь в горы, запираешь и говоришь, что я твоя? Ты не имеешь права, Тамир Сайдулаев!

Он замирает. Руки, которые держали меня за плечи, ослабевают.

– Другая? – голос севший, чужой.

– Не притворяйся! Мне прислали фото! Ты сидел в гламурном ресторане с какой-то женщиной. Она улыбалась, ты слушал! Все говорили, что у тебя новая!

Тамир долго смотрит на меня, но как будто мимо, вспоминая что-то своё. Потом чертыхается и чуть отодвигается, слезая с меня, но не отпуская полностью.

– Это была дочь нашей соседки. Она просила разработать ей свадебный комплект. Мы сидели двадцать минут. Я даже не помню, как её зовут.

– И что, она вышла замуж?

– Нет.

Скалюсь, приподнимая брови. Тамир понимает намёк. Никакого свадебного комплекта. Соседка просто устроила свидание своей дочери с завидным женихом из достойного рода.

– Я не вру, – Тамир опускается на кровать рядом, не касаясь, но его бедро почти упирается в моё. – Я не встречался ни с кем, Ясмин. Ты ушла, и я просто ждал. Думал, ты одумаешься. А ты с этим...

– Я ждала, что ты позвонишь, – и мне ни капельки не стыдно, что я всё время плачу. – Я ждала полгода. Каждый день. Каждую ночь.

– Ты сказала, что я не вписываюсь в твою жизнь. Какое-то время думал... может, тебе правда лучше без меня.

Мне без тебя не лучше. Хочу сказать, но молчу. Мне без тебя никак, Тамир.

Твердость в его глазах уходит, остаётся только то, что я так боялась увидеть и так хотела.

– Ясмин.

Я смотрю на него всё ещё злая, всё ещё обиженная, всё ещё...

Мужской взгляд опускается ниже. На моё платье, которое сбилось, открывая грудь, прикрытую шелком. На ключицы, на шею. Чувствую его взгляд кожей. Горячий, почти осязаемый.

– Тамир...

– Ты сейчас скажешь что-то резкое, – говорит он глухо, не отрывая взгляд от декольте.

– Чтобы я отвлёкся. Чтобы не смотрел.

Кусаю губу, потому что он прав.

– Я смотрю, потому что не могу иначе, – его голос становится ниже. – Хочу тебя, Ясмин.

– Прекрати...

– Не могу, – наклоняется ближе. – Разве я недостаточно ждал?

Я не успеваю ответить. Его губы касаются моей шеи. Легко, почти невесомо. Тело замирает, чувствуя, как по коже бегут знакомые мурашки от затылка до копчика.

Тамир целует медленно, смакуя каждый сантиметр, который так долго ждал его. Спускается к ключицам, задерживается там, где бьётся пульс.

Хочу возразить, но реакция сильнее.

– Я скучал, пташка, – шепчет он, покрывая поцелуями везде: от уха до сгиба на шее, дальше вниз по краю декольте. – По твоему запаху. По твоему вкусу.

Я дрожу и ненавижу себя за это.

– Ты отвыкла от моих рук, – он тоже видит мою зажатость, хотя раньше всё было иначе. – Знаю, что прошло много времени, но ты не волнуйся, пташка. Если хочешь, я буду нежным.

Тамир поднимает голову, и я вижу каждую ресницу, каждую морщинку, каждый отблеск света в зрачках. Он тянется к моим губам.

Тело прекрасно помнит, как Тамир умеет быть нежным. И грубым тоже.

Я вспоминаю всё. Нашу первую встречу. Его взгляд, когда я танцевала под дождём. Его руки, которые держали меня, когда мы впервые

Я не могу. Не могу сейчас. Не могу забыть полгода ада.

Я помню про свои клятвы и обещания тогда в прошлом, но сейчас я не позволю этому предательскому теплу обмануть меня.

Не раздумывая, не сдерживаясь, я бью. Ладонь врезается в его колючую щёку с сочным звуком, от которого звенит в ушах.

Тамир замирает. Не злится. Он вообще никогда подолгу не злился на меня – остывал сразу. Вот и сейчас просто смотрит, и в его глазах – боль, которую я видела только раз. Когда сняла кольцо, созданное его пальцами для меня одной.

– Не смей, – шиплю от невозможности выбраться из-под него.

Он медленно поднимается на колени, давая мне мнимую свободу. Я сразу отодвигаюсь, вжимаюсь спиной в изголовье кровати.

Сайдулаев не понимает. Ничего не понимает.

– Ты не имел права красть меня со свадьбы.

– Имел. Потому что ты принадлежишь мне.

– Я ничья! – выкрикиваю. – Я была счастлива с Мансуром!

Тамир усмехается, и эта усмешка бесит меня до скрежета.

– Счастлива? С тем, кто избил тебя? С тем, от кого ты хотела сбежать?

– Он изменился! – вру и голос звучит фальшиво даже для меня самой. – Он любит меня! Обещал, что после свадьбы мы уедем в Германию! У меня будет лучшая жизнь, чем здесь, на Кавказе, в этой в этой клетке, которую ты для меня построил! Он исполнит мою мечту!

Тамир смотрит на меня тяжело. В глазах пляшет знакомая тьма, его челюсти сжимаются. Вздрагиваю вспоминая, чем закончилась последняя сцена с его ревностью.

– Ты врешь.

– Не вру! – кричу я. – Я хочу быть с ним! Я вернусь к нему, и он простит меня, и мы поженимся, и

– Не вернёшься, – перебивает он. – Я не отпущу.

Взгляд падает на тумбочку. Там, в ящике, пистолет.

«Только патронов нет».

У него всегда был заряжен пистолет. Этот раз не может быть исключением.

Я хватаю оружие, пользуясь заминкой мужчины. Металл в руке холодный, тяжёлый. Сжимаю обеими руками ствол, направляю себе в висок.

Тамир - бывший оперативник. Лично учил меня попадать в цель.

Глава 7

– Ямин! – голос Тамира срывается. Впервые за этот вечер я слышу в нём настоящий, животный страх. – Что ты делаешь?

– Открой дверь. Выпусти меня. Я вернусь к Мансуру.

– Ты не хочешь, – он делает шаг, и я вжимаю пистолет сильнее. Тамир замирает, подняв руки как перед диким зверем. – Ямин, положи оружие. Пожалуйста.

– Ты слышал меня, – слёзы стекают щекам на грудь. – Я хочу к нему. Он простит меня. Он обещал, что у меня будет лучшая жизнь. Что

– Ты врешь себе, – его голос глухой, сдавленный, как будто он сам в петле. – Ты не хочешь к нему, Ямин. Ты хочешь быть свободной. Ты хочешь летать, но не с ним. Не с тем, кто жестоко избил тебя.

– А с тобой? – истерично смеюсь сквозь слёзы. – С тобой я буду в клетке. Ты запрещаешь меня здесь. Не отпустишь воплощать мечту. Не дашь мне жить.

– Я не позволю тебе сделать глупость, – он делает ещё один осторожный шаг, как по тонкому льду. – Положи пистолет.

– Открой дверь.

– Не открою.

– Тогда я выстрелю.

– Ямин!

Слёзы душат меня, но руки держат оружие мертвой хваткой. Один палец уверенно на курке. Я чувствую запах пороха, готовность оборвать всё. Чувствую, как дрожит рука, но не могу разжать пальцы.

– Ты украл меня с моей свадьбы! Ты сказал, что завтра мы поженимся! Ты держишь меня здесь, как пленницу! Что я должна думать?!

– Что я люблю тебя, – его голос срывается, становится громким, почти злым – Только поэтому ты здесь. Не для того, чтобы сделать больно. А чтобы не дать тебе сломать нашу жизнь.

– Нашу?! Ты сломал всё сам! Пять лет мы... а ты даже не приехал, когда я просила! Ты выбрал работу, гордость, свою дурацкую старомодность!

– Я выбрал ждать, – перебивает он. – А ты выбрала выйти за другого.

– Меня заставили!

– А ты позволила! – Тамир кричит, я вздрагиваю. Его голос эхом разбивается о стены. – Ты, такая сильная, независимая, гордая – позволила себя заставить?! Или просто решила, что я не приду, и согласилась на запасной вариант?

Этот вопрос бьёт сильнее пощечины. Потому что в нём есть правда. Где-то глубоко, в самом темном углу души, я знаю: я согласилась на свадьбу с Мансуром от отчаяния, от обиды. От того, что Тамир не звонил. От того, что я хотела сделать ему больно так же, как он сделал мне.

Я хотела сделать ему больно и сделала. Только теперь эта боль вернулась ко мне дулом пистолета у виска.

– Отпусти меня. Пожалуйста, Тамир, отпусти. Я не хочу за тебя замуж. Не так.

Мой голос ломается.

– А как ты хочешь? – его руки опущены, ладони показательно раскрыты. – Скажи. Я сделаю. Только убери пистолет.

– Не подходи!

– Убери, Ямин. Ты не выстрелишь.

– Выстрелю!

Он бросается ко мне.

Я не успеваю даже вскрикнуть. Его пальцы впиваются в мои запястья, выворачивают, пытаются разжать. Я сжимаю рукоятку из последних сил, мы боремся, катаемся по полу. Моя спина ударяется о ковёр, потом о ножку кровати. Он тяжело дышит, я кричу. Пистолет дёргается, ствол смотрит то в потолок, то в стену, то в него.

Тамир Сайдулаев никогда и ничего не боялся, но я вижу страх, который он не может спрятать. Вижу любовь, от которой хочется выть.

– Отпусти! – кричит он.

Громкий хлопок.

Выстрел.

Глава 8

Прошлое. Пять лет назад

– Ты слишком взрослый для меня, – я смеюсь, но во мне уже загорелся интерес.
– А ты слишком дерзкая для девушки с Кавказа, – отвечает Тамир. – Мне это нравится.
Он берёт мой номер телефона и начинается пять лет... издалека.

Мы с Алиханом сидим на веранде столичной кофейни. Той самой, где любят собираться все «наши». В отличие от младшего брата, который метит в бизнесмены, я был далёк от подобных сходняков. Предпочитал охоту, скачки, полигон. Но согласился – Алихан редко просил. И открытие его первого эко-отеля было событием не только на Кавказе.

Но внутри я уже скучал. Московский шум, люди, которые пытаются казаться кем-то другим. Девушки стреляют глазами, парни меряются машинами, старшие с важным видом обсуждают бизнес, которого нет. Гости щебетали о своём – кто кого обогнал на новой трассе, чья сестра вышла не за того. Я вертел в пальцах телефон, смотрел на тающий лёд в чашке.

Алихан что-то обсуждал с новыми партнёрами; я слушал вполуха, разглядывая компанию молодёжи за соседним столиком.

Не сразу понял, что именно меня зацепило. Сначала голос – живой, эмоциональный, спорит с парнем напротив. Потом жесты, как она откидывает волосы. Потом лицо.

Маленькое, острое, с карими глазами, которые горят. Губы с сочным бархатным красным – не оторваться. Волосы длинные, волнистые, смешно подпрыгивают, когда она смеётся. По виду сразу: «наша» девочка, с Кавказа. Миленькая. И маленькая. Как колибри.

Пташка.

Она играет в шахматы с тем парнем. Господи, разве остались ещё девушки, умеющие играть в шахматы? Пташка двигает фигуры быстро, уверенно, не задумываясь. Заливисто смеётся, когда партнёр ошибается. Подкалывает без злости, легко, весело. Компания внимательно следит, вставляет комментарии.

– Да ты просто не умеешь проигрывать! – слышу её голос. – Признай, что природный ум не сравнится с клубом по шахматам.

Парень краснеет. Компания ржёт. Я невольно усмехаюсь.

Смелая пташка.

– Ты смотришь на неё больше двух минут. Это можно считать за интерес, – шепнул Алихан, отпивая свой горный чай, рецепт которого сам же придумал. На Родине он пользуется спросом.

– Я не смотрю, – а сам взгляд не отвожу ни на секунду.

– Конечно, – усмехнулся брат.

Я не стал спорить, просто продолжил смотреть. Не могу остановиться. Она такая... живая. Не такая, как эти высокомерные куклы в дорогих шубах, которые хищно стреляют глазами и высматривают парней с тачкой подороже.

Проходили уже. Такой паршивый осадок остался.

А эта пташка настоящая, открытая, весёлая.

Я таких девушек уже вечность не встречал.

Парень напротив сдался, откинулся на спинку стула. Пташка засмеялась, сложила фигуры обратно в коробку.

– Это Ясмин, – раздалось над ухом. Подсел Руслан, знакомый, с которым брат когда-то пересекался по бизнесу. – Дочка кого-то там, профессора, не помню. Наша, горская, но в Москве учится. Говорят, умная, но язык как бритва. Мужиков не боится.

– Вижу, – коротко ответил я, улыбаясь как дурак.

– Смотреть красиво, а подходить не советую. Обрежет так, что мало не покажется. Вон, уже третьего отшила за вечер.

Ясмин. Я попробовал имя на вкус. Оно тёплое, как горный мёд. Как она сама.

Я наблюдал, как она заправляет прядь за ухо, игриво кусает губу, как сводит брови, снова ввязываясь в спор. Интересно, сколько ей? Выглядит юной. Даже неудобно, что привлекает.

Интересно сколько ей лет? Выглядит очень юной. И мне даже неудобно, что она привлекает меня.

Ясмин встает, заходит внутрь кофейни и когда я уже хотел пойти следом, выходит со стеклянным чайником. Компания радостно хлопает, начинает пододвигать чашки.

А она стоит, наливает всем чай. Красный жакет, широкие джинсы, под которыми угадываются аккуратные бедра. Она невысокого роста, но этот переход с тонкой талии верх-вниз

– Ты куда? – удивился Руслан, когда я поднялся.

– Чай остыл. Хочу свежий.

Братан бросил в меня короткий взгляд – всё понял без слов.

Я остановился у их столика. Компания замолчала, уставившись на меня, оглядывая с головы до пят. Ах да. Двадцать девять лет, метр восемьдесят, таскаю железо трижды в неделю, дубайский парфюм, борода и удостоверение опера.

– Можно присесть? – спросил я, глядя прямо на Ясмин.

Она окинула меня быстрым взглядом, поджала губы, как если бы хотела хмыкнуть.

– Мест нет, – сказала она, указав на занятые стулья.

Я оглянулся. Нашёл свободный стул у соседнего столика, взял его без спроса, поставил рядом с ней. Сел.

– Теперь есть.

Она смотрит на меня так, будто я сделал что-то невероятно наглое. И, кажется, ей понравилось.

– Я хочу, чтобы мне дали спокойно посидеть с друзьями.

По компании прошелестел удивлённый вздох. Так со мной никто не разговаривал, конечно.

– А ты смелая.

– А ты наглый.

Я пододвинул стул ближе, игнорируя неловкость остальных.

– Тамир.

– Я поняла, – она откинулась на спинку, скрестила руки на груди. – Тебя и твоего брата здесь каждая собака знает. Стартапер в сфере туризма и ювелирный магнат. Горцы, красавчики. Девушки уши прожужжали.

– А ты не прожужжала?

– Я вообще не жужжу. Я говорю, когда есть что сказать.

Внутри разгорается что-то странное. То ли азарт, то ли интерес, которого я давно не испытывал.

Имя Алихана и правда охватило весь Северный Кавказ с Москвой. Он горит идеей создать на родине отдых, преуспевающий «заграничный». А моё ювелирное дело – это так, к слову, хобби и просто успешно разросшийся проект. Когда начинал, не думал, что будет такой спрос, а сейчас у меня свой цех с работниками и несколько точек по республике.

Опер, который в свободное время мастерит женские украшения.

– И что ты хочешь сказать? – спросил я девушки.

Было бы здорово, если бы нас не подслушивали несколько пар ушей, включая моего брата с Русланом.

Ясмин наклонилась ближе. Глаза в глаза. Они у неё очень красивые. Шоколадные, яркие, большие. Опасные.

– Я хочу сказать, что на таких, как ты, у меня аллергия. Самоуверенные, богатые, привыкшие, что девушки падают к ногам. Так вот: я не упаду. Можешь даже не начинать.

Компания замерла. Кто-то поперхнулся чаем. Алихан, видимо.

Я выдержал паузу, но не сдержался и рассмеялся от души.

Я – взрослый мужчина, который думал, что меня уже ничем не удивить, а эта дерзкая девчонка смотрит на меня как на равного.

– Зачем ты подсел? – спросила она.

– Хотел познакомиться.

– С кем? Со всей компанией?

– С тобой.

В компании кто-то хмыкнул, но Ясмин уже привыкла к таким набегам. Смотрит на меня из-под длинных ресниц. Красивая. И характер будь здоров.

– А если я не хочу знакомиться?

– Значит, ты потеряешь возможность узнать самого интересного человека на этом вечере.

– Ты так уверен в себе?

– Я так уверен в том, что тебе станет интересно.

Она прикусила губу. На секунду в её глазах мелькнуло что-то вроде растерянности и снова дерзость.

– Ты всегда такой наглый?

– Только когда вижу то, что хочу.

– И что же ты увидел?

– Девушку, которая играет в шахматы.

Она снова усмехнулась. Взяла со стола пешку, покрутила в пальцах.

– Ты играешь?

– Нет.

– А что умеешь?

– Ждать. Добиваться.

– Ждать?

– Да. Столько, сколько понадобится.

Ясмин смотрит на меня долгим взглядом, потом кладёт пешку на стол, толкает в мою сторону.

– Научись. Тогда и поговорим.

Я взял пешку. Маленькая, деревянная, тёплая от её пальцев. Спрятал в карман.

– Договорились.

– Эй! Я не давала тебе разрешения забирать её.

– Ты отдала её мне, когда толкнула.

– Я толкнула, чтобы ты посмотрел. Не чтобы забирал.

Она покачала головой, но на красных губах легкая улыбка. Ясмин встала, отряхнула невидимые пылинки с джинсов, и обратилась к своим друзьям, которые уже начали собираться:

– Мне пора, ребят. Увидимся.

Я поднимаюсь следом, даже не думая.

– Я провожу.

– Не надо, – бросает через плечо, но уже без резкости.

– Я всё равно провожу.

– Упрямый.

– Настойчивый, – поправляю я, становясь поближе.

– Есть разница?

– Конечно. Настойчивый – это когда знаешь, чего хочешь.

– И чего же ты хочешь?

Ветер доносит запах её духов: цветы и что-то свежее, как первая гроза после долгого зноя. Я запоминаю этот запах. Вдруг он мне больше никогда не встретится?

– Твой номер.

Но, когда она мягко и даже чуть устало улыбается, я понимаю, что дело даже не в пропасти лет между нами, не в том, что я другой, а она «принцесса на горошине».

Ей просто неинтересно.

– Слушай, Тамир. Ты хороший, наверное. Но я не из тех, кто уходит с первым встречным. Даже если он пьёт горный чай и красиво улыбается.

– Я не предлагаю уходить, – внутри поднимается что-то горячее. Она просто боится. – Я прошу номер телефона, чтобы через пять лет ты могла сказать, что не ошиблась.

– Самоуверенность – это не то, что меня заводит.

– А что заводит?

Меня, например, заводил ты, Ясмин. Без пяти минут знакомы, а уже внесла меня в список «отшитых за вечер».

– Честность. Упрямство. И умение ждать. Если ты правда хочешь меня заинтересовать – докажи.

– Я умею ждать, Ясмин. Я вообще терпеливый, когда знаю, ради кого.

Она смотрит на меня ещё несколько секунд, будто принимает решение поддаться или нет.

– Запиши номер, – бросает вдруг, и я не верю своим ушам. – Но звонить не спеши. Я сама решу, когда ответить.

Я достал телефон и вдруг выронил на асфальт удостоверение. Корочка шлёпнулась с глухим звуком, раскрылась. Я пнул её ногой под машину, сделав вид, что просто поправляю штанину. Ясмин отвернулась, будто ей скучно, и быстро продиктовала цифры. Я вбил, переспросил одну.

Мы прощаемся. Я смотрю ей вслед, сжимая в кармане деревянную пешку. Пташка ни разу даже не обернулась.

Внутри переворачивается что-то жгучее, новое.

– Ну? – Алихан подошёл сзади. – Познакомился?

– Познакомился.

– И что теперь?

– Буду учиться играть в шахматы.

Глава 9

Прошлое, продолжение

Ясмин

Я выбрала этот книжный не случайно.

Маленький, в переулке между старыми московскими домами, куда редко заглядывают случайные прохожие. Здесь пахнет бумагой и тишиной – той особенной, которая бывает только в местах, где живут истории.

Когда я впервые зашла сюда, мне показалось, что время остановилось. Старые деревянные полки, скрипучий пол, приглушённый свет бра – всё здесь дышало покоем.

Продавщица – милая бабушка с добрыми морщинками вокруг глаз, которую все зовут тётя Нина. Она всю жизнь проработала в библиотеке, а на пенсии открыла этот чудесный магазинчик. На полках много старинных книг и сувениров, а на стенах памятные фотографии.

Я ищу монографию по фармакокинетике, которую обещали привезти сюда. Нина сказала: – Третья полка справа, нижний ряд, в самом углу. Я её для вас отложила, Ясмин. Хорошая книга, редкая.

– Спасибо, тётя Нина, – улыбнулась я.

– Вы, главное, не спешите, – она махнула рукой в сторону зала. – Я пока чай попью. Если что, я в подсобке.

Она скрылась за прилавком, и я осталась одна в этом царстве тишины и бумажной пыли.

Здесь можно часами бродить между стеллажами, забывая о времени. На полках не только новые издания, но и старинные книги в потёртых переплётах, и забавные сувениры: фарфоровые статуэтки, подсвечники, закладки ручной работы, и чёрно-белые фотографии на стенах с видами старой Москвы.

Я люблю разглядывать их. Каждый раз нахожу что-то новое. В прошлый раз это был снимок Тверской начала прошлого века. В позапрошлый – крошечный дворик, которого уже давно нет.

Сегодня я не стала отвлекаться. У меня конкретная цель.

Я нырнула в узкий проход между стеллажами. Здесь так тесно что плечи почти касаются полок с обеих сторон. Приседаю на корточки, пробегаю пальцами по корешкам. Кожаные, тканевые, бумажные – каждый со своей историей.

– Фармакокинетика... где же ты... – бормочу, двигаясь дальше.

Я уже почти добралась до угла, когда что-то заставило меня поднять голову.

Не знаю, что это было. Шестое чувство? Или просто случайность? Но я посмотрела вверх, в щель между книгами на противоположной стороне стеллажа, и увидела глаза.

Мужские. Тёмные, глубокие, с каким-то знакомым блеском. Они смотрят прямо на меня не мигая, не отводя взгляда.

Я замерла, зажав в пальцах какой-то потрёпанный томик.

На секунду я подумала, что показалось, но уголок губ, который я смогла разглядеть в просвете между медицинскими книжками, дрогнул в улыбке.

Я узнаю эту улыбку.

Прижимаюсь спиной к стеллажу, надеясь, что он не заметит. Глупо. Я же не прячусь. Я просто... выбираю книги. Да. Именно это я и делаю. Имею полное право находиться в книжном магазине в три часа дня, в рабочий день, на окраине Москвы.

Но почему-то внутри всё сжалось в тугую комок.

Слышу мягкие шаги по старому линолеуму. Этот «кто-то» идёт по соседнему проходу. Я делаю вид, что изучаю обложку, хотя держу её вверх ногами.

– Здравствуй, Ясмин.

Ровный, спокойный голос с лёгкой хрипотцой.

Я вздохнула. Глупо притворяться. Подняла голову.

Тамир стоит в двух шагах от меня, в проходе, зажатый между полками с русской классикой и зарубежной прозой. В руках он держит... мою монографию по фармакокинетике. Ту самую, которую я ищу.

– Привет, Тамир.

Он сделал маленький шаг ко мне. Я стою на месте. Между нами узкий проход, заваленный книгами, и какая-то невидимая преграда, которую мы оба, как будто, не решаемся переступить.

Но Тамир снова сделал шаг вперёд. Я – назад. Спиной упёрлась в стеллаж. Книги больно вдавились в лопатки, но я не обращаю внимания. Всё забирают себе чёрные глаза, в которых пляшут чёртики.

– Ты следишь за мной? – тихо спросила я, глядя на него снизу вверх.

– Случайно встретил.

– В книжном? На окраине? В час, когда нормальные люди обедают?

Он улыбнулся той самой усмешкой, от которой у меня что-то ёкнуло внутри и достал с полки тонкий томик, показал мне.

– «Искусство огранки. От древности до наших дней». Видишь?

– Вижу.

– Я ищу вдохновение для новой коллекции.

– И находишь?

– Нахожу, – смотрит на меня.

Я отвернулась, сделала вид, что рассматриваю обложку своей монографии.

– Ты сегодня очень красивая.

– Я всегда красивая, – ответила я, не глядя.

– Сегодня особенно.

Я не нашлась, что ответить. Развернулась, пошла к следующему ряду. Он – за мной.

– Тамир, тебе не кажется, что это уже слишком? – бросила я через плечо. Кажется, у меня поднялась температура. Вокруг стало так жарко.

– Что именно?

– То, что ты преследуешь меня по всему городу.

– Я не преследую. Просто забочусь. Ты такая хрупкая, а книги тяжёлые.

Я открыла рот, чтобы возмутиться, но он уже взял с полки очередной сборник фармакологии, который я рассматривала, и переложил в свои руки.

– Это не моё, – сказала я.

– Ты долго смотрела на него. Значит, нужно.

– Я смотрела, потому что думала, купить или нет.

– купишь.

– Тамир!

– Что?

Он смотрит на меня с таким спокойствием, что я чувствую себя маленькой, глупой и... желанной. Потому что я вижу это в его глазах. Потому что там горит что-то, от чего забывается всё на свете.

Тётя Нина выглянула из подсобки.

– Нашли, Ясмин?

– Да, спасибо, тёть Нина! – крикнула я и быстро свернула в следующий ряд, в желании немного отстраниться от мужчины и сохранить самообладание.

Но Тамир легко поспевает за мной. Захожу в тупик, разворачиваюсь, но мне преградили путь. Не нарочно – он просто оказался рядом. Так близко, что я невольно вдыхаю его запах.

– Ясмин, – позвал тихо.

– Что? – упрямо не смотрю ему в глаза.

– Ты мне нравишься.

Сердце забилося где-то в горле.

– Я уже поняла.

– Повторю. Ты мне нравишься. Очень.

– Тамир

Он сделал шаг ко мне. Я попятилась, но стеллаж не пустил.

– Ты убегаешь, – напоминает, останавливаясь в шаге. – Каждый раз, когда я хочу познакомиться поближе, ты убегаешь.

– Я не убегаю. Я просто... выбираю книги.

– Ты выбрала уже несколько, – он кивнул на свои руки, где лежат три тома. – Я всё равно не отстану.

Не знаю, что сказать. Смотрю на него, на его глаза – тёмные, глубокие как горные озёра. Тамир – книга, которую я боюсь открыть. Слишком тяжёлая. Слишком опасная.

Разум кричит: не смей с ним заигрывать. Нам такое не надо.

– Зачем ты это делаешь? – спрашиваю тихо.

– Что именно?

– Говоришь мне это. Преследуешь. Тратишь своё время.

– Потому что я хочу, чтобы ты знала. Я не играю, Ямин. Я говорю то, что думаю и я хочу, чтобы ты была со мной.

– Я не могу быть с тобой, – выдохнула я с горечью. – Мы слишком разные. К тому же, ты живёшь на Кавказе, а я буду здесь в Москве. У меня карьера, учёба, планы на будущее.

Он слушает, не перебивая, только желваки заиграли на скулах. Потом шумно выдыхает будто отпускает что-то, что держал в груди и говорит:

– Прочти меня, Ямин. Не сразу. Не быстро. Но прочти. Я стою того.

– Ты слишком самоуверен.

– Я уверен в том, что чувствую.

– И что ты чувствуешь?

Тамир опирается плечом о полку. В взгляде спокойная, тягучая сила, от которой у меня потеют ладони. Я не могу отвести глаза, не могу вздохнуть, не могу даже моргнуть. Он держит меня на прицеле без оружия.

– Что ты – та, кого я искал. Не знаю, как объяснить. Просто... когда ты рядом, дышится иначе.

Я открыла рот, чтобы каверзно пошутить, но меня перебивают.

– Я не тороплю. Как я уже сказал: я умею ждать.

И направился к кассе.

– Тамир, я сама заплачу! – крикнула, выходя из прохода.

– Сегодня это подарок.

– Я не принимаю подарки от незнакомцев.

– От кого? – Тамир обернулся, нарочито возмутительно изогнув бровь.

– От... от тех, кого знаю меньше недели.

– Значит, будем знакомиться дольше.

Я пошла за ним, чувствуя, как горят щёки от взглядов тёти Нины. Она молча пробивает покупки, но её взгляд то и дело мечется между мной и мужчиной. На морщинистых губах играет понимающая, чуть лукавая улыбка.

– И я не собираюсь с тобой встречаться, – сказала, направляясь к выходу.

– Хорошо.

– И не звони мне.

– Хорошо.

– И вообще...

– Ясмин, – перебил он. – Я не прошу у тебя ничего. Просто прими книги и запомни: мне нравится, как ты краснеешь, когда я говорю, что ты мне нравишься.

Я выхватила пакет, развернулась и почти побежала к метро. На улице ветер ударил в лицо, и я на секунду замерла, прижимая к груди тяжелую ношу.

Остановилась у входа в подземный переход, пытаюсь отдышаться. Сердце сумасшедше стучится в груди. В пакете четыре книги. Четыре! А я хотела одну.

– Тамир, – позвала я, не оборачиваясь.

Я знаю, что он стоит сзади. Чувствую.

– М?

– Ты мне... тоже нравишься. Немного.

За спиной на секунду стало тихо.

– Немного – это начало.

– Это всё, что ты получишь.

– Мне этого хватит. Пока что.

Я развернулась и пошла к метро, так и не оглянувшись. Но знаю, что он смотрит мне вслед и улыбается.

Немного. Пока.

Сердце уже знает: это «немного» растянется на пять лет. На ссоры и примирения. На разлуки и встречи. На всё, что будет потом.

Глава 10

Прошлое, продолжение

Я не должна была приглашать Тамира на нашу закрытую вечеринку.

Во-первых, хотя бы, потому что мы знакомы ровно неделю.

Во-вторых, потому что он не из моей компании – безупречный стиль, уверенный взгляд, возраст, который на десять лет старше моих однокурсников.

В-третьих, потому что, если кто-то из «наших» увидит, как я вожу в общагу постороннего мужчину (даже кавказца), разговоров будет на полгода вперёд и мне дадут почетный статус шармуты.

И всё равно я написала, пока он находится в Москве.

«В пятницу у подруги день рождения. Будет шумно, тесно и очень по-студенчески. Хочешь прийти?»

Он ответил через две минуты. Всего одно слово:

«Адрес».

Я сбросила локацию и пожалела об этом сразу. Что я делаю? Зачем мне этот взрослый, серьёзный человек на вечеринке с пластиковыми стаканчиками и дешёвым пивом? Он же посмотрит на всё это, усмехнётся и уйдёт. А я останусь с дурацким чувством, что пыталась казаться кем-то, кем не являюсь.

Но было уже поздно.

В пятницу Лена, именинница и моя соседка по комнате, накрыла стол скатертью из «Фикс-прайса», расставила одноразовую посуду и торжественно открыла бутылку самого дешёвого спиртного. К которому я, к слову, не собираюсь притрагиваться. Лена помнит об этом и взяла для меня вишневый сок.

– Ты кого-то ждёшь? – спросила она, заметив в который раз я поправляю волосы в зеркале прихожей.

– Никого, – слишком быстро отвечаю я, растрепав причёску, нежели пригладив.

– Врёшь, – она усмехнулась. – Но ладно, твои тайны меня не интересуют. Главное, чтобы он был не из полиции и принёс что-нибудь покрепче.

Я закатила глаза, но внутри всё дрожало от трепета. А ещё Ленка оказалась права на счет полиции.

Тамир написал, что будет к девяти. Я не знала, как провести его в общежитие – вахтёрша тётя Зоя была зоркой, как горный орёл, и не пускала посторонних. Пришлось договариваться с соседками: одна отвлекла её разговором о ремонте, другая открыла чёрный вход.

Я выскользнула на улицу за пять минут до назначенного времени. Ветер трепал волосы, подол лёгкого, летнего платья, которое я надела специально. Я чувствовала себя глупо. Стою, как первоклашка на первом звонке, а мне восемнадцать, я учусь на фармацевта, у меня есть голова на плечах.

Но когда дутая, затемненная машина припарковалась у тротуара, голова перестала работать.

Из салона вышел мужчина в тёмных джинсах, чёрной рубашке с закатанными рукавами и маленьким пакетом в больших пальцах.

Кажется я своего нового друга совершенно не знаю.

– Привет, – сказал он, подходя.

– Привет, Тамир, – ответила я, чувствуя уже не жар по щекам, а холодок по позвоночнику. Он слишком взрослый, слишком красивый, слишком не для моего мира. – Ты... не переоделся?

– Это и есть моя повседневная одежда, – он усмехнулся, оглядев себя. – Или надо было в спортивном костюме?

– Нет, всё нормально, – я нервно сглотнула. – Идём. Только тихо.

Я уже собралась вести его через чёрный ход, как вдруг его телефон зазвонил.

– Подержи, – сказал он, передавая мне в руки пакет и принялся выуживать сотовый из кармана.

Пальцы застревали в тесной ткани, рубашка натянулась, бесстыже облепляя мужские мышцы, а динамик всё трещал. Тамир чертыхнулся, дёрнул сильнее и что-то со звоном упало на асфальт.

Маленькая тёмная книжица. Корочка.

Я смотрела на неё несколько секунд, не в силах осознать. Там была печать, герб, фотография. Его фотография.

– Ты... ты работаешь в полиции? – мой голос дрогнул.

Он быстро нагнулся, подобрал удостоверение, спрятал во внутренний карман. На лице ни тени смущения.

– Да. Только не в полиции, в другом ведомстве. Но для вахтёрши это не важно.

– Постой – я отступила на шаг, прижимая пакет к груди, будто он мог меня защитить.

– Кто ты?

– Оперативник, при исполнении. Если твоя вахтерша выйдет, я просто скажу: «по делу, гражданка».

Оперативник. Человек с оружием, с делами, с опасностью. И он всё это время молчал. А я... я пригласила его на студенческую вечеринку, как обычного парня.

– Ты боишься? – он заметил, как я побледнела, и в его голосе появилась осторожность.

– Я... не знаю, – выдохнула я. – Ты не говорил.

– Не говорил, потому что это не имеет значения. – он сделал шаг ко мне. Я назад, упёрлась спиной в стену. – Я тот же человек, который слушал про твою фармакологию.

– Но ты... у тебя оружие? Ты на задержания ездишь? Ты можешь погибнуть?

– Могу, – спокойно пожал плечами. – Но это не значит, что я не имею права на обычную жизнь. На вечеринку с девушкой, которая мне нравится.

– А ювелирка?

– Это моя отдушина, – Тамир улыбнулся. – Моё второе я. Там, где нет крови и приказов. Только красота и тишина.

Я смотрела на него и не знала, что думать.

– Ты меня боишься? – повторил он.

Я покачала головой.

– Нет, просто... это неожиданно.

– Я не хотел пугать. Но если мы будем встречаться, тебе придётся принять и эту часть меня. Не всю, конечно. Детали моей работы я рассказывать не буду. Но знать в общем будешь.

– А если я не хочу знать?

Опускаю момент про его уверенное «если мы будем встречаться».

– Тогда я просто гость на вечеринке, который пришёл с подарком. И который надеется, что его не выгонят.

Странно, но в глазах Тамира не было ничего угрожающего или опасного, как я успела себе надумать. Скорее безмолвная мольба, чтобы я не прогоняла его.

– Ладно, – сдалась я. – Идём. Но если ты натравишь на нас полицию...

– Не натравлю.

Он выхватил пакет с подарком из моей руки и прошёл к запасному входу, будто всю жизнь о нем знал. Вот тебе и ментовская чуйка, Ясмин.

– Идём, пташка.

Тётя Зоя как раз вышла в подсобку, и мы проскочили незамеченными. На лестнице Тамир чуть склонился надо мной и шепнул на ухо:

– Видишь? Без жертв.

Я фыркнула, но с дурацкой улыбкой.

– Ладно, пошли, «опер».

– Чтоб ты знала, я не люблю, когда меня так называют.

Ох, Тамир, мне, честно говоря, все равно.

Мы поднялись на третий этаж. Я толкнула дверь комнаты, и нас встретил шум, гам и запах пива из супермаркета. Тамир встал позади меня. Не касаясь ни разу, просто на шаг ближе.

Пространство будто сжалось, наполнилось им: его рост, его плечи, его молчаливая, тяжелая власть, от которой мои друзья застыли на месте. Кто-то со стаканом у губ, кто-то с недоговорённой шуткой.

– О, это кто? – Лена выплыла навстречу с пластиковым стаканчиком.

– Мой... знакомый, – запнулась я. – Тамир.

– Очень приятно, – Лена окинула его оценивающим взглядом и протянула руку.

Я внутренне напряглась. У нас на Кавказе мужчины нежимают руки чужим женщинам, да и вообще не касаются. Это не грубость – это правило, которое чтут все. И Тамир не подвёл. Он мягко приложил широкую ладонь к своей груди как в жест уважения или почтения, и слегка наклонил голову.

– Взаимно, – произнёс он ровно, без тени смущения.

Лена на секунду опешила, но быстро улыбнулась. Я же почувствовала странную гордость: он не переступил черту. Даже здесь, в тесной комнате, где все смешалось, даже когда никто из моих друзей не понял бы, если бы Тамир просто пожал подруге руку, он помнил о правилах.

– А подарок принёс?

А вот за Ленку стыдно. И я красноречиво зыркнула на нее.

Тамир протянул пакет. Внутри оказалась бутылка явно дорогого шампанского, судя по радостным откликам ребят, и коробка конфет. Лена присвистнула.

– Такого у нас ещё не было. Проходи, знакомый Тамир.

Он сел на свободный стул у окна, так, что с его позиции видно всю комнату целиком. Я примостилась рядом. Кто-то сунул ему пластиковый стакан, налил шампанское, но мужчина не спешил пить – просто держал в руке.

– Ты не пьёшь? – спросила я, стараясь, чтобы в голосе не звучало излишнее любопытство.

– За рулём, – ответил он. – И вообще не люблю терять контроль.

– А я не пью, потому что у меня завтра экзамен по фармакологии, – сказала я, и вдруг подумала: зачем я это сказала? Ему неинтересно. – Ну и потому что, нельзя тоже.

– Фармакология? Сложно?

Тамир деликатно сменил тему спиртного.

– Очень. Но интересно. Особенно раздел про антибиотики.

– Расскажешь?

– Ты серьёзно?

– Да.

Я начала рассказывать про механизм действия антибиотиков, про устойчивость бактерий, про то, как важно не назначать их без необходимости. Он слушал. Не делал вид – действительно слушал, задавал вопросы, уточнял. Я забыла, где мы. Забыла, что вокруг музыка и пьяные однокурсники.

– Ты умная, – сказал он, когда я закончила. – И красивая, когда увлечена.

– Я всегда увлечена, – гордо ответила я, чувствуя, как предательски краснею.

– Значит, ты всегда красивая.

Я не нашлась, что сказать. Отвернулась, сделала вид, что поправляю волосы.

Кто-то поставил медляк.

Пары потянулись в центр комнаты, топчась на тесном клочке свободного пола. Кто-то обнялся, кто-то прижался щекой к щеке. Лена кружилась со своим молодым человеком, и я смотрела на них с лёгкой завистью.

– Потанцуем? – неожиданно спросил Тамир.

Глава 11

Я удивленно покачала головой.

– Нельзя.

– Потому что здесь тесно?

– Потому что ты знаешь правила, – напомнила я. – Даже если мы в Москве.

Тамир засмеялся, невербально соглашаясь со мной. Откинулся на спинку дивана, положив руки себе на колени. Я сидела рядом, оставив между нами приличное расстояние. Достаточно, чтобы никто не подумал лишнего. И слишком маленькое, чтобы я не чувствовала тепло его тела. Или это его присутствие меня так воспламенило?

– Тогда просто посидим, – сказал он.

– Просто посидим.

Мы смотрели, как танцуют другие. Лена что-то шептала своему парню на ухо, тот заулыбался. Кто-то из однокурсников неловко топтался на месте, наступая на ноги своей девушке. Все были такими... свободными. Могли касаться, обниматься, целоваться.

А мы – нет.

– Не жалеешь, что пришёл?

– Нет, – ответил он, не глядя на меня. – А ты?

– Тоже нет.

– Даже с дурацкими правилами? – боковым зрением вижу, как он улыбается.

– Знаешь, я иногда думаю: а что, если бы мы родились не там? Не на Кавказе. Были бы обычными московскими ребятами. Встречались, держались за руки, целовались в парке.

– Я о таком никогда не задумывался, Ямин. Мне нормально живется на Кавказе.

– Ты прав, – тяжело вздохнула, затолкав мысли поглубже. Не стоит ему выкладывать все свои «западные» мысли. – Но иногда хочется простоты.

– Простота – это скучно, – Тамир повернулся ко мне. – А ты не скучная, Ямин. В этом твоя изюминка.

– Откуда знаешь? Мы знакомы всего неделю.

– Достаточно, чтобы понять: ты – не как все. Ты споришь, ты умная, ты не боишься говорить то, что думаешь. И ты смотришь на меня так, будто я – загадка, которую ты хочешь разгадать.

– А ты и есть загадка, – я улыбнулась. – Оперативник, который делает украшения. Кто же такую загадку не захочет разгадать?

Там усмехнулся.

Да, вот так. Буду называть его иногда Там.

– Может, я просто люблю красивое. В работе – порядок и ясность. В ювелирке – красота и покой. А в тебе... – он запнулся.

– Что во мне?

– В тебе есть и то, и другое. И порядок, и красота, и что-то ещё.

Я отвернулась, сделала вид, что смотрю на танцующих.

Мы молчали какое-то время. Музыка играла, пары кружились. Кто-то включил свет, и медляк закончился.

– Ты устала?

– Немного.

– Может, мне уйти?

– Нет! – слишком быстро ответила я. Потом добавила тише: – Не надо. Ещё рано.

– Хорошо, – он кивнул. – Посидим ещё.

Он не касался меня, не смотрел в упор, но я всё равно чувствовала его каждой клеткой. Запах его парфюма, среди духов подруг и спиртного, перебивал всё. Будто он принёс с собой кусочек гор, чистого воздуха, чего-то настоящего.

– Тамир, – сонно позвала я.

– М?

– Спасибо, что пришёл.

– Я рад, что ты пригласила.

– Даже при том, что мы не можем танцевать?

– Даже при том, – он улыбнулся. – Я и не такое выдерживал. А уж посидеть рядом с красивой девушкой и посмотреть, как танцуют другие – это не подвиг.

– Ты странный.

– Наверное.

– Но мне нравится.

Слова вырвались раньше, чем я успела их обдумать.

– Мне тоже, Ясмин.

Я не отвела взгляд как того требуют приличия. Мы смотрели друг на друга, и ничего больше не существовало. Молчание стало тяжелым и одновременно сладким грузом.

– Я рада, – сказала я, замороженно всматриваясь в его мужественные черты. – Что мы встретились.

– Я тоже, пташка.

И снова это слово. Пташка. Я хотела спросить, почему он так меня называет, но не стала. Пусть будет. Мне нравилось.

– Ладно, – я встала, отряхнула платье. – Пойду, возьму сок. Тебе принести?

– Воды, если можно.

Я кивнула и пошла к столу. Краем глаза видела, как он смотрит на меня. Провожает взглядом и улыбается.

Я улыбнулась в ответ. Потому что даже без танцев, без касаний, без поцелуев – этот вечер был идеальным. Потому что он был рядом.

А больше ничего и не нужно.

Вечеринка затихла только к часу ночи.

Кто-то уснул прямо на ковре, кто-то ушёл в свою комнату. Лена, именинница, уже кле-вала носом, сидя на коленях у своего парня. Я поймала себя на мысли, что не хочу, чтобы этот вечер заканчивался.

– Мне пора, – сказал Тамир, глянув на часы.

– Да, уже поздно, – я кивнула, хотя внутри всё сжалось.

Он встал, поправил рубашку. Я поднялась следом. Мы вышли в коридор, и я повела его к чёрному ходу. В ночной тишине лестничной клетки наши шаги звучали гулко.

Мы почти спустились, когда Там обернулся на последней площадке, а я осталась стоять на пару ступенек выше.

– Ясмин, я завтра уезжаю.

– Куда? – сердце пропустило удар.

– Домой. На Кавказ. Работа не ждет, – Тамир смотрел на меня снизу вверх и это казалось таким странным. Обычно мне приходится незаметно вставать на цыпочки или задирать голову. – Но я буду прилетать. Постараюсь раз в месяц, если позволит служба.

Я кивнула, стараясь, чтобы лицо не выдавало странного чувства, которое разливалось где-то в груди. Пустота? Тревога? Я не знала. Мы знакомы всего неделю, а он уже становится важным. Слишком важным.

– Раз в месяц – это не так часто, – и все же в голосе прорезалась грусть.

– Я буду звонить, писать. Насколько смогу.

– Ты же опер, у тебя наверняка секретные дела, – попыталась пошутить я, хоть на сердце стало горько. – Не проболтайся.

Он усмехнулся.

– Постараюсь.

Мы двинулись к выходу, а я вдруг поняла, что боюсь уже по-другому. Того, что он исчезнет так же внезапно, как появился. Что этот месяц растянется в вечность. Что он забудет обо мне, вернувшись на родину, где таких «пташек», как я пруд пруди.

– Знаешь, – сказала я, чтобы разрядить тишину, – если бы я знала, что ты опер, то не дала бы тебе номер.

Там скептически поднял бровь.

– Правда?

– Правда, – я скрестила руки на груди, стараясь выглядеть серьёзной. – Мало ли. Вдруг ты меня завербуешь? Или следить будешь.

– Я уже слежу, – он улыбнулся той своей тёплой, чуть насмешливой улыбкой. – Но только за тем, как ты краснеешь, когда я говорю, что ты мне нравишься.

– Я не краснею, – возразила я, чувствуя, что щёки горят вопреки словам.

– Краснеешь, – Там шагнул ближе. – Но я обещаю: вербовать не буду. Следить только за твоими постами в соц.сети. И звонить, когда смогу.

– А если не сможешь?

– Значит, я в деле. Но я вернусь. Обещаю.

Я запала на человека, который носит удостоверение оперативника, который рискует жизнью, который делает украшения в свободное время. Который пришёл на студенческую вечеринку и слушал про антибиотики. И который сейчас смотрит на меня так, будто у нас правда может быть что-то ну, что-то.

– Ладно. Прилетай раз в месяц. Я буду ждать.

Тамир задержал взгляд на моём лице немного дольше обычного. Улыбнулся мягко, как улыбаются люди, которые прощаются.

– Береги себя, Ямин.

– Ты тоже, Тамир.

Я смотрела, как его фигура растворяется в темноте, как загораются фары машины, как он уезжает. Потом поднялась в комнату. Лена уже спала, кто-то храпел на диване. Я легла на кровать, уставилась в потолок, потому что сон не шел.

Он уехал на Кавказ. Обещал звонить. Обещал прилетать. Обещал вернуться.

А я обещала себе, что не буду плакать. Не буду ждать. Не буду думать о нём каждую минуту.

Я соврала.

Потому что думала. И ждала. И считала дни до его звонка.

А он звонил почти каждый вечер. Иногда мы просто молчали в трубку, когда иссякали все слова и я слушала его дыхание.

Даже на расстоянии, даже между Кавказом и Москвой, даже когда его работа уносила его в неизвестность, Тамир был рядом. И я ждала.

Глава 12

Год спустя с первой встречи.

Лето. Москва, веранда ресторана.

Мы не объявляли себя официально парой. Никаких громких слов, никаких статусов в соцсетях. Просто в какой-то момент я поняла, что Тамир стал тем, кому я рассказываю всё. Даже то, о чём молчу перед подругами. Даже то, чего боюсь признаться себе.

Он прилетел в пятницу вечером. Я встретила его в аэропорту, с щемящим сердцем и диким желанием броситься ему в объятия. Но мы не переходим грань.

Тамир вышел из зоны прилёта, и я на секунду замерла. В толпе чужих лиц я сразу увидела его высокую фигуру в тёмном пальто, с дорожной сумкой через плечо. Он тоже заметил меня. На мгновение его шаг ускорился, он почти потянулся ко мне, но в последний момент остановился. Мы стояли в полуметре друг от друга.

– Здравствуй, пташка, – на губах легкая улыбка.

– Ну привет, горец, – ответила я, вцепившись в ремень своей сумки, чтобы не протянуть руку.

Тамир всегда берет авто на прокат. Мы садимся в машину, которую привезли к аэропорту и едем в центр.

В машине он включил негромкую музыку для фона и стал спрашивать, как поживает моя семья. Вежливый до чертиков. Но ему правда интересно. Моя семья живет за МКАДом, а я в общежитии с девчонками. В кавказских семьях так не принято – отпускать дочь в вольное плавание – но мой папа образованный человек, светских взглядов. Мама тоже выучилась, но работать по профессии не стала.

Я никогда не допускала плохого мнения о себе. Родители знают, что мне можно доверять, что я здесь только для учебы. Про моего опера они правда еще не знают, но это не важно. Скажу, когда придет время.

Тамир плавно выезжает из зоны аэропорта, и на миг отрывает правую руку, чтобы пристегнуть меня.

– Пора привыкнуть, Ясмин, – щелкает и возвращается к рулю.

– Мне нравится, когда это делаешь ты.

Кусаю нижнюю губу в попытке спрятать лукавую улыбку, смотрю как губы Тамира довольно расходятся, хотя сам неодобрительно качает головой.

Он говорит, что иногда я веду себя как ребенок. Но ведь я и есть ребенок! Мы познакомились, когда мне было восемнадцать. Говоря о дне рождения Там не смог тогда прилететь. Он вообще очень рискует каждый раз прилетая в Москву по моей прихоти, ведь его профессия не располагает поездки без разрешения начальства. Не знаю, как он это вообще делает.

Мне было грустно праздновать без него, однако даже на расстоянии этот мужчина сумел поднять мне настроение. Вечером после учебы меня ждала доставка. Тетя Зоя передала мне огромную корзину из ранункулюсов.

Я даже не знала, что такие цветы существуют, но боже, какие они были красивые! Не смогла одна дотащить корзину до лифта, слишком тяжелая была. Тетя Зоя охотно помогла мне и в благодарность я отдала ей купленный к столу шоколад. Девчонки потом всю неделю заходили ко мне, фоткались для соц.сетей. Я даже раздала им небольшие букеты и все равно в корзине осталось немало.

Лето в этом году было каким-то особенно щедрым – тёплым, зелёным, пахнущим липой и жареным мясом. Мы выбрали ресторан на крыше, с верандой, увитой плющом. Отсюда была видна вся Москва – бесконечная, шумная, но рядом с Тамиром она казалась почти родной.

Или все, потому что, он на меня *так* смотрит.

Официант принёс меню. Тамир пролистал, но смотрел не на страницы, а на меня.

– Ты будешь заказывать или так и будешь сверлить меня взглядом? – подколола я.

– Я уже заказал. Тебя. Но доставка через четыре года, – усмехнулся он. – А пока возьму зелёный чай и тирамису. Ты?

– Мохито без алкоголя и фруктовую тарелку. Мне еще учить билеты к экзамену.

Мы сидели за маленьким столиком. Ветер шевелил бумажную салфетку, которую я вертела в пальцах, слушая рассказы Тамира. Вживую его голос звучал еще прекраснее и с каждой встречей, я втягивалась в это новое и странное чувство все больше и больше.

А еще я украдкой фотографировала его, когда он не замечал. Точнее, когда он думал, что я люблю себя. Таким образом, у меня в галерее сотня фотографий моего опера: Тамир за рулем, мощная спина Тамира, идущего чуть впереди, Тамир наливает нам чай в ресторане, Тамир улыбается

Я пытаюсь сохранить все, чтобы потом день за днем разглядывать эти черты и грустить.

– Ты сегодня сияешь, – заметил он, прищурившись.

– Это потому, что я завалила экзамен по фармакологии, – серьезно ответила я. Выдержала паузу и рассмеялась. – Шучу. Сдала на отлично. Плюс солнце. Ты рядом. Что ещё нужно для счастья?

Я начала рассказывать ему о том, как мечтаю работать в лаборатории, где изобретают лекарства от неизлечимых болезней. О том, как иногда боюсь, что не потяну учебу, что это слишком сложно, но потом загораюсь желанием открыть свою аптеку.

– Ты – самая упрямая девушка из всех, кого я встречал. Если ты что-то решила – ты сделаешь.

– Ты правда думаешь, что у меня получится? – спросила я, зачем-то нуждаясь в его одобрении.

– Я уверен.

– Это комплимент, Там?

– Это факт, что моя Ясмин всю кровь выпьет, но сделает по-своему.

Я рассмеялась, откидываясь на спинку стула, подставив лицо предзакатному ветру. Он успел неплохо узнать меня за этот год, за эти двенадцать свиданий. Там ни разу не нарушал обещания прилетать раз в месяц.

Где-то внизу играла уличная музыка, смеялись люди, лаяла собака. Жизнь шла своим чередом.

– Ясмин, – позвал он вдруг.

Я повернулась, заметив смену на лице мужчины. Он смотрел серьезно, без улыбки, но в его жгучих глазах горела та же искра, что и в моих.

– Что? – мой голос дрогнул.

Он полез во внутренний карман пиджака и достал маленькую бархатную коробочку. Секунду держал её в кулаке, будто взвешивая решение. Потом разжал пальцы и тёмно-синий бархат лег на его широкую ладонь.

В груди будто что-то оборвалось и замерло.

– Тамир...

– Не бойся, – сказал он мягко и даже как-то иронично улыбаясь. – Это не предложение руки и сердца. Ты не готова, я знаю. Да и рано ещё.

– Тогда что?

– Открой.

Я взяла коробочку дрожащими пальцами. Подцепила крышку и не сдержала восторженного вздоха.

Внутри лежало кольцо. Тонкое, изящное, явно золотое. На полукруглом ободке с одного конца вырезан лист, а на другом порхает птичка. Зная Тамира, могу предположить, что эти сияющие камни, инкрустированные в форму птицы – не простые изделия.

– Это... ты сделал его сам? – у меня зашипало в носу.

– Конечно, – он кивнул, глядя в кольцо, а в мое лицо. – Это из моей новой коллекции. Я назвал её в честь тебя.

– В честь меня? – переспросила я, чувствуя, как внутри всё сжимается.

– А ты не догадалась? – он усмехнулся уголком рта. – Последние полгода всё, что я делаю, так или иначе связано с тобой. Просто переносу это в металл и камни.

Я смотрела на украшение, и глупые девичьи слёзы навернулись на глаза. От того, как много он вложил в этот маленький предмет. Как много значил для меня.

– Получается, я что-то вроде твоей музыки? – я прикусила губу, возвращая голосу игривость.

– У меня тысячи изделий, Ясмин. Но это – только одно. Для одной женщины. Видишь? – он показывает на внутреннюю гравировку в виде пера. – Это чтобы ты помнила: даже когда улетишь далеко, я тебя найду.

В его голосе, сквозь всю эту серьёзность, проступила тихая, почти неслышная просьба:

– Примерь.

Я надела кольцо на безымянный палец правой руки. Провела подушечками по гладкому ободку, потом по крылу птички. Нигде не царапало. Идеальная работа. Идеальная посадка. Оно село так, будто было создано специально для меня. Что, впрочем, так и было.

– Я не сниму его, – обещала я. – Никогда.

Я была его пташкой навсегда.

– Давай заказывать десерт, – сказал он, пряча улыбку. – А то ты ещё не всё рассказала про свои амбиции.

Я засмеялась и продолжила рассказывать о всяких глупостях, о том, что когда-нибудь обязательно изобрету что-то важное.

На моём пальце сияла маленькая птичка – символ обещания, которое мы дали друг другу в тот вечер. Обещания, что мы будем рядом. Не важно, как далеко друг от друга.

Глава 13

Продолжение того вечера

Мы сидели в машине у моего подъезда. Тамир заглушил двигатель, но не спешил выходить. Я тоже не двигалась. Сжимала ремень безопасности и смотрела на его профиль, освещённый светом приборной панели.

Силуэт, успевший стать для меня всем.

Завтра утром он улетит.

Я знала это с того самого момента, как он приземлился. Мы не успевали встретиться, как мысль о расставании убивала меня. Она сидела где-то в груди, мешала дышать, заставляла пальцы нервно впиваться в ткань куртки.

Я смотрела на его руки, лежащие на руле. Те самые, которые подавали мне книги в том маленьком магазине, которые изготовили для меня кольцо в единственном экземпляре. После завтра этих рук не будет рядом. Только голос в трубке. Только сообщения, которые я буду перечитывать по десять раз.

Я буду ждать следующего прилёта. Считать дни. Смотреть на кольцо с птичкой, которое он подарил, и вспоминать этот вечер.

– Поздно, – сказал Тамир, не глядя на меня, а куда-то в окно. – Иди, Ясмин.

Голос глухой, усталый. Он тоже не хочет, чтобы я уходила. Я это чувствую. Но он не скажет. Он вообще многое не говорит. Держит в себе. А я должна угадывать.

– Не хочу, – ответила я тихо.

– Что?

– Не хочу уходить. Давай ещё погуляем.

Он повернул голову, и в его глазах мелькнуло что-то твёрдое, почти строгое.

– Тебе пора в общагу.

– Тамир, я взрослая, – я разжала ремень, повернулась к нему. – Родители не имеют надобной контроля. Я сама решаю, когда мне возвращаться.

Он недовольно сжал челюсть.

– Ты кавказская девушка, Ясмин. Ты должна беречь себя. Нельзя так просто... оставаться с мужчиной допоздна. Даже, если этот мужчина – я.

– А мне все равно!

– А я не могу себе позволить плевать, – его голос стал жёстче. – Я отвечаю за тебя, даже если ты этого не хочешь.

Я отвернулась к окну. В груди kloкотала обида. Он прилетает раз в месяц, и то не всегда будет получаться. А когда прилетает – мы сидим в ресторане, гуляем прилюдно, не касаясь друг друга. Я скучаю так, что физически болит.

Болит где-то под рёбрами, когда вижу, как он смотрит на часы. Болит, когда понимаю, что завтра его не будет. Болит, когда ловлю себя на мысли, что готова нарушить любые правила, лишь бы он остался.

– Ты и без меня так себя ведёшь, значит? – вдруг спросил он, и в голосе прорезалась первая нотка ревности. – Гуляешь допоздна с кем попало?

Я удивленно повернулась.

– Ни с кем я не гуляю! Я учусь, готовлюсь к экзаменам, а вечерами сижу в общаге с книжкой. Но когда ты приезжаешь, я хочу быть с тобой. Неужели это так сложно понять?

Тамир подавил тяжелый вздох. Смотрит на меня неотрывно, и та твёрдость в его глазах начала понемногу таять. Я вижу, как он борется с собой – как он хочет сказать «останься», но не может.

– Я скучаю, Там, – сказала еще тише. – Каждый раз я считаю дни до следующей встречи. Не забирай у меня эти часы. Пожалуйста.

Он посмотрел на время. Обычно в такой час я уже сплю. Он всегда знает мой режим, мои привычки, мои слабости. Тамир горестно выдохнул. Провёл рукой по лицу.

– Ладно, – сказал глухо. – Погуляем, но недолго.

Я улыбнулась и быстро назвала адрес прежде, чем он передумал.

Мы поехали в Зарядье. Парк встретил нас вечерними огнями и запахом мокрой листвы. Гуляли по «парящему мосту», смотрели на Москву-реку, на Кремль, на огни, которые отражались в воде. Он шёл рядом, чуть сзади, не касаясь. Я чувствовала его присутствие как тепло, которое хотелось вдохнуть.

Потом вышли на набережную. Ветер стал сильнее, где-то вдалеке сверкнула молния.

– Дождь будет, – сказал он, глядя на небо.

– Ну и пусть, – ответила я с дурацкой влюбленной улыбкой.

Мы зашли в тихий, почти безлюдный переулок между старыми домами и тут хлынуло.

Я вскрикнула от холодного потока, прижала телефон к груди, но не побежала укрываться. Подняла лицо к небу и засмеялась.

– Ты с ума сошла! – крикнул Там, пытаясь прикрыть меня своим пальто.

– А ты никогда не танцевал под дождём? – спросила я, отступая на шаг и кружась.

Волосы намокли, прилипли к лицу, от влаги они сильнее распушились. Платье, элемент гардероба, которое я надевала только для встреч с ним, облепило тело. Я чувствовала себя сумасшедшей и свободной. А он стоял в двух шагах, промокший до нитки и смотрел. В его глазах не было неодобрения. Как бы Сайдулаев ни ворчал, его забавляют мои маленькие шалости.

И на ум пришла еще одна.

Я перестала кружиться. Подошла к Тамиру с легким головокружением больше от его близости, нежели от танцев. Встала на цыпочки, спрятав руки за спиной, будто я пыталась удержать себя, не позволить броситься ему на шею, и поцеловала.

Мои губы мокрые и холодные от ливня, но его ответный поцелуй был горячим. Он опешил – я почувствовала, как он замер на секунду – а потом его руки легли на мою талию, притянули ближе, и он целовал уже сам. Настолько жадно, настолько забыв про правила, про запреты, про то, что «нельзя».

Я обвила его шею руками, прижалась всем телом. Дождь хлестал по лицу, по спине, но нам было всё равно, потому что мы впервые целовались. Его пальцы скользнули по моей спине, сжали ткань, будто он хотел удержать меня, влить в себя, сделать частью себя. Где-то вдалеке сверкнула молния.

Тамир отстранился первым. Тяжело дыша, он уткнулся лбом в мой лоб.

– Ямин... – хрипло выдохнул он. – какая же ты чертовка.

– Знаю, – прошептала я с улыбкой, не открывая глаз.

– Я ведь не смог сдержаться.

– На то и был расчет.

Я облизнула горящие губы, на которых еще держался его вкус. Провела пальцами по его мокрой щеке, а он сжал мою руку своей, поднёс к губам, поцеловал костяшки.

– Поехали. Высушимся.

– К тебе? – нарочито наивным голосом спрашиваю, на что получаю тот самый строгий взгляд.

У Тамира есть квартира недалеко от центра. Обычно он ночует там, но меня никогда не приглашал.

– Для начала в машину.

Я улыбнулась. Он взял меня за руку, и мы побежали под дождём, смеясь, как дети. Нарушая все правила, какие только были, потому что иногда правила созданы, чтобы их нарушать. Ради любви.

Машина остановилась недалеко от общаги. Дождь уже почти кончился, только мелкие капли ещё падали с козырька, разбиваясь о лужи. В салоне тепло, и я с ужасом понимаю, что не хочу выходить. Не хочу, чтобы этот вечер заканчивался.

– Приехали, – тихо сказал Тамир, но сам не заглушил двигатель. Будто тоже тянул время.

– Спасибо, – ответила я, не двигаясь с места.

Там обжигает меня взглядом. В его темных глазах тот же огонь, что и час назад под дождём, когда мы целовались.

– Ясмин, – позвал он.

– М?

– То, что было в переулке... ты не пожалеешь?

Я уверенно покачала головой.

– Нет. А ты?

– Я? – он усмехнулся, но усмешка вышла грустной. – Я теперь спать не смогу, думая об этом.

Щёки горели от его признания, и я обрадовалась, что в темноте этого не видно. Наверное.

– Мне пора, – сказала я, но не сделала ни шага к двери.

Он протянул руку, осторожно убрал прядь волос, всё ещё влажную после дождя, с моего лица. Пальцы задержались на щеке.

– Иди, пташка. А то я не отпущу.

– Не отпускай, – вырвалось раньше, чем я подумала.

Секунду мы смотрели друг на друга, а потом он наклонился сам. Я не ждала, не просила, просто оказалась в его руках, и его губы нашли мои. Не жадно, как под дождём, а почти нежно. Будто он тогда не успел распробовать меня на вкус. Будто запоминал.

Я обвила его шею руками, прижалась ближе. В машине тесно, неудобно, но это все не важно. Главное – его тепло, его пальцы, скользящие по моей спине и не смеющие заходить дальше.

– Всё, – выдохнул. – Хватит. Все никак до кровати не дойдешь

– Вместе дойдем.

– Ясмин...

– Знаю. Нельзя.

Я отодвинулась, поправила волосы. Вышла из машины, взглянув на него в последний раз. Я помахала рукой и Тамир в ответ «моргнул» фарами.

Как только он уехал, я забежала в подъезд под пристальным взгляд тети Зои, поднялась на свой этаж, влетела в комнату. Подруга уже спала.

Я легла на кровать в чем есть мокрая, закрыла глаза. На горящих губах ещё остался вкус его поцелуя. Я провела пальцами по ним и улыбнулась в темноту.

Первый поцелуй под дождём. Второй – в машине у общаги. Я уже думала над третьим. Через месяц.

Я буду ждать.

Это единственное, что у меня так хорошо получается.

Глава 14

Два года спустя после первой встречи.

Москва, зима.

То кольцо я носила четыре года. Не снимала даже в душе, даже на экзаменах, когда пальцы сводило от волнения. Даже когда мы ссорились с Тамиром, а ссорились мы часто, потому что оба упрямые, оба горячие. Кольцо стало частью меня, как его голос в динамике по вечерам, как его ласковое «пташка».

В тот декабрь он прилетел на три дня. Чуть больше, чем обычно. Я встретила его в аэропорту и всю дорогу до центра ловила себя на мысли, что не могу надышаться. Мы договорились пойти на каток на Красной площади. Я плохо умела кататься, но не призналась ему. Гордость не позволяла. И ещё мне отчаянно хотелось, чтобы он держал меня за руку и научил.

Тамир ждал у входа, в чёрном пальто, с двумя билетами в одной руке и парой смешных варежек в другой. Голубые, с оленями, уши торчат в стороны.

– Это тебе, – сказал он, протягивая варежки. – Чтобы не замёрзли твои научные пальцы.

– Мои пальцы не мёрзнут, – ответила я, надевая правую. – Они привыкли к пробиркам.

– А к морозу? – он усмехнулся, глядя, как я натягиваю левую. – Смотри, какой холод.

Варежки оказались большими для моих рук, я утонула в них по самые запястья. Но внутри они были мягкими, тёплыми, как его взгляд, который не отрывался от моего лица. Я вдруг почувствовала себя маленькой и защищённой, будто в детстве, когда пряталась в отцовской куртке от дождя.

Лёд искрился под жёлтыми фонарями, и запах мокрых варежек смешивался с ароматом глинтвейна из киоска в углу. Где-то играла новогодняя музыка – старая, наивная, та, от которой хочется верить в чудеса. Дети визжали, пары кружились.

Я вступила на лёд и при первом же шаге мои ноги разъехались в стороны. Я вскрикнула, взмахнула руками, но Тамир подхватил меня за локоть, а потом взял за руку. Даже через плотную варежку я чувствовала, как уверенно лежат его пальцы.

– Не бойся, – сказал он спокойно, будто речь шла о чём-то само собой разумеющемся. – Здесь никому нет до нас дела.

– Есть, – выдохнула я, кивнув на скамейку. – Вон та тётя с сумкой с нашего двора.

– Тётя с сумкой смотрит на свой кофе, – он мотнул головой. – Идём.

Я сделала ещё один шаг и снова вцепилась в его руку.

– Ты не умеешь кататься, – констатировал он.

– Умею. Просто боюсь. Знаю даже, как надо падать.

– И как? – в его глазах заплескались искорки.

– На бок. И не выставять руки.

Он засмеялся, а потом приобнял меня за талию, сгребая своей большой, по-медвежьи тёплой рукой.

– Держись за меня. Я поведу.

Мы медленно поехали по кругу, ближе к бортикам. Я сжимала его руку так, что, наверное, было больно, но он не жаловался. Снежинки падали на ресницы, щипали щёки, таяли на губах. Я чувствовала себя неловко, неуклюже и одновременно счастливо, до головокружения.

– Ты слишком много дёргаешься, Ясмин, – заметил он. – Перестань, я не дам тебе упасть.

Он сжал мою руку крепче, и мы поехали дальше. Я почти не смотрела под ноги, смотрела лишь на него. На его профиль, на то, как снег запутывается в его темных ресницах, на лёгкую улыбку, которая не сходила с лица. На его руки, которые держали меня так надёжно.

– Ты так и будешь смотреть? – спросил он, не оборачиваясь.

– А что, нельзя?

– Можно. Но тогда мы врежемся в бортик.

Я посмотрела вперёд, до бортика оставалось несколько метров. Визгнула, дёрнулась, но он успел затормозить, ловко развернув меня в сторону.

– Я же говорил, – усмехнулся он. – Не отвлекайся.

– Ты сам отвлекаешь.

– Чем?

Я запнулась. Слова застряли в горле, но я заставила себя выдохнуть:

– Тем, что ты привлекаешь меня.

Тамир посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом, от которого у меня вся нервная система зачесалась.

– Это признание в любви? – спросил он тихо.

– Ещё чего! – фыркнула я, чувствуя, как горят щёки.

– Ясмин.

– Я сказала, что ты красивый и что мне нравится смотреть на тебя. И ещё

Он прижал палец к моим губам. Жест был лёгким, почти невесомым, но я замолчала на полуслове.

– Не говори таких вещей на катке, – сказал он глухо.

– Почему?

– Потому что я не смогу удержаться.

Я, кажется, поняла, что он имел в виду, и внутри всё затрепетало. Его палец всё ещё касался моих губ, и мне очень хотелось пошевелить ими.

Мы катались ещё полчаса. Я почти научилась не падать, Там почти перестал меня поддерживать. Но когда мы остановились у бортика перевести дух, он вдруг спросил:

– Ты замёрзла?

– Немного, – призналась я, хотя замёрзла до костей.

– Тогда иди сюда.

Он снял свой шарф, пахнувший его парфюмом и снегом, намотал на мою шею в несколько оборотов.

– Теперь ты похожа на гусеницу, – сказал он, глядя на мои многочисленные слои одежды.

– Спасибо за комплимент, – улыбнулась я.

Тамир не убирал руки. Они спокойно лежали на моих плечах. Я смотрела ему в глаза, нагло скользя взглядом по его покрасневшим щекам и чуть обветренным губам. В голове крутилась шальная мысль, но Там, будто прочитав её, вдруг предложил:

– Выпьем кофе?

– Не откажусь.

– Дождёшься меня? – я кивнула, уже петляя на месте. – Стоять будешь или кататься?

– Буду кататься, – ответила я с вызовом.

– Не упади, – усмехнулся он и пошёл к киоску.

Я осталась одна. Лёд под коньками привычно скользил, но без его поддержки я чувствовала себя неуверенно, как новорождённый жеребёнок. Сделала несколько осторожных шагов, потом ещё. Вокруг кружились люди, кто-то обогнал меня слева, кто-то справа. Я попыталась прижаться к бортику, но нога предательски поехала в сторону.

В тот же миг кто-то врезался в меня сзади. Я не удержала равновесие, полетела вперёд, инстинктивно выставила руки, и тут же острая боль пронзила ладонь.

– Ай! – закричала я, падая на лёд.

Рядом остановился парень, которого я даже не рассмотрела, только размытое пятно куртки.

– Извините, я не специально! – затараторил он, пытаясь помочь мне подняться. Но это давалось ему трудно, я скользила по поверхности, как сыр в масле.

На моей ладони расплывалось красное пятно. Лезвие конька – чужого или моего, я не поняла – полоснуло по пальцам, и кровь капала на белый лёд, оставляя алые точки.

– Ясмин!

Голос Тамира прорвался сквозь шум в ушах. Он бежал ко мне, расталкивая людей локтями. Без коньков, в обычных ботинках, скользя, хватаясь за воздух, но не останавливаясь.

– Что случилось? – он упал рядом на колени, схватил мою руку. – Откуда кровь?

– Порезалась, – прошептала я, чувствуя, как мир начинает кружиться.

Он схватился за свой шарф, что только что обнимал мою шею, и замотал им мою ладонь. Потом с удивительной легкостью подхватил меня на руки и понёс. Я не сопротивлялась, было слишком больно и почему-то странно спокойно.

– Поедем в больницу, – сказал он, усаживая меня в машину.

– Не надо, – попыталась возразить. – Просто пластырем

– Ясмин, ты истекаешь кровью, – он завёл мотор, и мы рванули с места, вжимаясь в сиденья.

В травмпункте нас приняли быстро. Тамир сидел рядом, сжимая мою здоровую руку, пока врач промывал рану и накладывал швы. Было больно. Так, что слёзы наворачивались на глаза, но я терпела. Не хотела плакать при нём.

– Повезло, – сказал врач, заканчивая. – Сухожилия не задеты, но пару недель поберегите руку.

– Спасибо, – ответил Тамир, помогая мне встать.

Мы вышли на улицу. Ночь уже опустилась на город, и я вдруг запоздало вспомнила:

– Общага она же закрывается в одиннадцать.

Тамир посмотрел на часы. Половина двенадцатого. Если бы не моя рана и больница, мы бы успели, ведь Сайдулаев всегда рассчитывал время наших прогулок так, чтобы я не оказалась на улице.

– Не пустят? – спросил он, хотя уже знал ответ.

– Не пустят, – выдохнула я, чувствуя, как паника поднимается в груди.

– Тогда снимем отель, – сказал он спокойно. – Я оплачу.

– Нет, – я покачала головой. – Не хочу в отель. Это глупо.

– А что хочешь? На вокзал к бездомным?

Ответ пришёл быстро – даже быстрее, чем я успела подумать.

– Поехали к тебе, – выдохнула я и наивно хлопнула ресницами.

Тамир замер. Смотрел на меня долгим, хмурым взглядом, будто не мог поверить, что я это сказала.

– Ясмин, ты понимаешь, что предлагаешь?

– Понимаю, – ответила я, чувствуя, как внутри все горит от собственного безумства. – Но мне негде ночевать, Там. А в отеле я буду бояться одна.

– Ты будешь не одна, – уточнил он. – Я буду рядом. В соседнем номере.

– А если я не хочу в соседнем?

Он сжал челюсть.

– Не играй в опасные игры, Ясмин. Ты же знаешь, что будет, если мы останемся вдвоём.

– Ничего не будет, – я надула губу. – Ты же мужчина чести. А я всего лишь хочу спать в тепле и безопасности.

Я сделала щенячьи глаза. Те самые, против которых он никогда не умел устоять.

– Не смотри на меня так, – попросил он, отворачиваясь. Но лёд в его глазах треснул. Я заметила.

– Там, пожалуйста, – я коснулась его руки, погладила пальцами. – Я устала, мне больно, и я не хочу быть одна.

Он выдохнул. Провёл рукой по лицу – жест отчаяния и капитуляции.

– Ладно, – сдался он. – Но никаких нарушений. Поняла?

– Не волнуйся за свою честь, горец. Приставать не буду, – кивнула я, пряча улыбку.

– Я серьёзно, Ясмин. Ты спишь в спальне. Я на диване. И никаких

– Никаких, – перебила я. – Обещаю.

Он не поверил ни единому слову. Я это видела по тому, как дёрнулся его глаз, но Там всё равно завёл машину.

Мы поехали к нему на квартиру недалеко от центра, с панорамными окнами на ночной город. Тамир провёл меня внутрь, показал ванную, положил на кровать свою чистую футболку.

– Переодевайся, – сказал он и вышел, закрыв за собой дверь.

Я смотрела на свои забинтованные пальцы, на его футболку, которая пахла им, на кровать, где он спал. Всё вокруг было пропитано его запахом.

– Не нарушать, – прошептала я в пустоту. – Легко сказать.

Я переоделась, вышла в гостиную. Он сидел на диване, листал телефон, все также хмуро сдвинув брови.

– Всё, – сказала я громко. – Готова.

Он поднял голову. Посмотрел на меня в своей футболке, которая болталась как платье, на мои босые ноги и смачно выругался, прикрыв лицо рукой.

– Иди спать, Ясмин, – сказал он глухо.

– В чём дело?

Его грудь тяжело вздымалась и опускалась. Он не убирал руки от лица.

– Ты почему появляешься передо мной в таком виде?

Я оглядела себя с ног до головы. Футболка, бинты, растрёпанные волосы.

– А что не так? Ты мне сам разрешил надеть футболку.

Тамир выругался снова. Он никогда не использовал грязных слов при мне, но сейчас его что-то очень разозлило или, наоборот, взволновало до предела.

Я хотела сказать что-то ещё, но его голос прозвучал почти умоляюще:

– Иди спать, Ясмин. Пожалуйста.

Я вздохнула, развернулась и пошла в спальню. Легла на его кровать, укрылась его одеялом. Всё вокруг пахло им – подушка, простыни, воздух. Я закрыла глаза и долго не могла уснуть. Слишком громко стучало сердце. Слишком близко был он за стеной.

Через полчаса бесполезных метаний я встала, на цыпочках вышла в гостиную.

Там спал на диване, свернувшись неудобно, под тонким пледом. Лицо во сне было спокойным, руки сложены на груди. Я села на пол рядом, положила голову на край дивана, думая, что он уже уснул.

– Я знаю, что ты здесь, – сказал он вдруг хриплым голосом, не открывая глаз.

– Не спится, – прошептала я.

– Иди в кровать.

– Не хочу.

– Ясмин

– Просто посижу рядом. Ничего не нарушаю.

Он вздохнул, но не прогнал.

Я сидела и смотрела на его черты в темноте. На его ресницы, на аккуратную бороду, на шрам на скуле – я не знала, откуда он. Хотела спросить, но не стала.

– Тамир, – позвала я тихо.

– М?

– Подвинься.

Он открыл глаза. В полумраке гостиной они блеснули тревогой и чем-то ещё – тем, что он пытался скрыть.

– Что ты делаешь?

– Ложусь спать, – ответила я, забираясь на диван.

– Ясмин, нельзя

Я видела, как в нём борется желание и долг. Желание прижать меня к себе и долг, который приказывал встать, уйти в другую комнату.

Я легла рядом, положила голову на его плечо. Тамир напрягся, замер, не дыша.

– Не надо, – выдохнул он. – Не заставляй меня переходить эту грань.

– Не могу, – ответила я, удобнее устраиваясь на его груди.

Он молчал долго. Так долго, что я почти уснула. А потом его рука легла на мою спину, притянула ближе. Там обнял меня крепко, прижался щекой к моим волосам.

– Пташка непоседливая, – прошептал он больше себе под нос. – Что же ты со мной делаешь?

– Ничего, – ответила я, уткнувшись носом в его шею. – Просто сплю в объятиях любимого.

Он не выдержал. Поцеловал меня в макушку.

– Спи, Ясмин.

Я закрыла глаза. Его сердце под моей щекой билось ровно, сильно, успокаивающе. А его руки, которые гладили мою спину, быстро убаюкали меня.

Мы уснули так в обнимку, на тесном диване, нарушая все мыслимые и немыслимые правила.

Утром, когда я проснулась, Там всё ещё обнимал меня, но уже не спал, а разглядывал меня. Я вообще не испытывала неловкости за свой несвежий, сонный вид. Знала, что нравлюсь ему какая есть.

– Доброе утро, пташка, – сказал он хрипло, с лёгкой улыбкой.

– И правда доброе, – прошептала я.

Он не спешил отпускать меня, а я не пыталась встать. Мы лежали так ещё какое-то время, и мне было всё равно на остальной мир, потому что это утро пахло им. Потому что его рука лежала на моей талии.

– Завтрак? – предложил он.

– Не хочу, – ответила я, зарываясь носом в его грудь.

– Ясмин

– Ещё пять минут. Дай вдохнуть тебя.

Он усмехнулся. Прижал меня крепче.

– Хорошо. Пять минут.

Мы пролежали так полчаса. А потом Тамир всё-таки встал и пошёл готовить омлет. Я смотрела, как он возится на кухне, и улыбалась. Горец, который готовит. Редкий музейный экспонат.

Правила были нарушены. И я ни капли не жалела.

Глава 15

Мы сидели за маленьким кухонным столом, и солнечный свет пробивался сквозь жалюзи, рисуя полосы на его голых предплечьях. Тамир в футболке и тонких домашних штанах, с чашкой кофе в руке, выглядел почти... обычным. Не оперативником, не ювелирным магнатом, не горцем, от которого веет опасностью. Просто мужчиной, который только что приготовил мне завтрак.

Омлет получился идеальным – нежным, тающим во рту. Я пыталась есть левой рукой, потому что правая была замотана бинтами, и чувствовала себя беспомощной, но при этом странно... защищённой. Тамир кормил меня с руки.

– Ты умеешь готовить лучше, чем я, – призналась я, принимая в рот очередной кусочек.

– Это не сложно, – он пожал плечами, отпивая кофе. – Яйца, сковородка. Даже горец справится.

– Скромничаешь.

– Нет. Просто не люблю, когда меня хвалят за ерунду.

Я хотела возразить, но в этот момент он глянул на часы и вдруг чертыхнулся. Так сочно, что я даже поперхнулась.

– Что? Что случилось?

Тамир отставил чашку, провёл рукой по лицу.

– Свадьба! Сын какого-то инвестиционного партнёра Алихана женится. Я должен был уже быть в аэропорту, встречать брата, ехать с ним на торжество.

– А сейчас? – я округлила глаза.

– Сейчас... – он снова выругался, но уже тише. – Сейчас я сижу здесь, смотрю на тебя и понимаю, что из головы вылетело. Всё вылетело из-за твоих приставаний.

– Моих приставаний? – я возмущённо вскинула бровь. – Это я приставала? Это ты меня всю ночь обнимал!

– Ты сама пришла на диван, – парировал он, но в голосе не было злости. Только досада на самого себя.

Я смотрела на его растерянное лицо и вдруг почувствовала, как внутри разливается тепло. Серьёзный, взрослый мужчина, который мог одним звонком решить любые проблемы, сейчас переживал из-за того, что забыл про важную встречу, потому что провёл ночь, обнимая меня.

– Тамир, – позвала я тихо.

– М?

– А свадьба... там будут танцы?

Он поднял на меня удивлённый взгляд.

– Конечно. Свадьба будет с размахом, а что?

– Я хочу поехать с тобой, – выпалила я, чувствуя, как загораются щёки от своей наглости.

– Я очень люблю танцевать.

Там посмотрел на меня так, будто я предложила ему прыгнуть с самолета без парашюта.

– Ты? На кавказскую свадьбу?

– А что такого? Ты же горец, я почти местная. И потом, я сто лет не была на настоящем торжестве. С музыкой, лезгинкой, с этой... как ее... балалайкой?

Он усмехнулся, но уже не так хмуро.

– Ты даже слова не знаешь.

– Я много чего не знаю, – я отодвинула тарелку, подалась вперёд. – Тамир, пожалуйста. Я обещаю быть пайинькой. Никому не мешать. Только потанцую.

Он покачал головой, но я заметила, как дрогнули уголки его губ, сдерживая ухмылку.

– Не мужчина, а мечта, – восхищённо выдохнула я, складывая руки в молитвенном жесте.
– Умеет готовить, опер, ювелир, ещё и на свадьбы водит.

– Не вожу, – осадил он меня, но без жёсткости. – Я тебя никуда не вожу. Ты будешь сидеть в углу и смотреть.

– А танцевать?

– Танцевать будешь только со мной. Один танец. И то, если я решу, что захочу. Что навряд ли. Не люблю танцевать на чужих свадьбах.

– Тамир!

– Это не обсуждается, – он встал, убрал чашку в мойку. – Кавказские свадьбы – не московские клубы. Там люди смотрят, обсуждают, делают выводы. Если я приведу девушку, которая не моя невеста, и она будет плясать со всеми подряд – это создаст ненужные разговоры.

– Я не собираюсь плясать со всеми подряд, – надула губу я.

– А я не собираюсь рисковать, – он повернулся ко мне, опираясь спиной о столешницу.

– Хочешь ехать, договорись с подругой. Поняла?

Я просяла.

– Ленка обожает кавказские танцы! И мужчин, – хихикнула я. – Она согласится в ту же секунду!

– Тогда звони, – он кивнул в сторону моей сумки, где валялся телефон. – И поторопись. У нас три часа, чтобы тебя собрать.

– Три часа? – я вскочила, путаясь в его футболке, которая всё ещё была на мне. Тамир ожидаемо прячет глаза, чтобы не смотреть на мои голые ноги. Иногда мне хочется засмеяться. Даже я столько не пячусь о своей чести, как этот мужчина. – А как же а твой брат?

– Алихан скорее всего приземлился уже, я встречу его на месте, – Тамир уже набирал чей-то номер. – Иди одевайся, пташка. Я отвезу тебя в общагу, и через два часа заберу.

– А платье? – я замерла на пороге кухни. – У меня нет с собой ничего нарядного. Все осталось у родителей.

Он говорил в трубку, но краем глаза посмотрел на меня.

– Иди уже.

Я метнулась в комнату, натягивая свои вчерашние джинсы и свитер. Сердце бешено стучало в груди.

Свадьба. Танцы. Он будет рядом.

Лена, когда я позвонила, заверещала так, что пришлось отодвинуть телефон от уха.

– Кавказская свадьба? Реально? Я туда влезу?

– Ты, главное, веди себя прилично, – предупредила я. – Тамир сказал, что там свои порядки.

– Твой Тамир пусть не волнуется. Я дипломатичная, как кошка.

– Это я заметила, – усмехнулась я.

Мы договорились, что она будет ждать у общаги через полчаса.

Тамир уже надел свою выходную одежду. Полуклассический костюм светло-серого цвета: брюки с защипками, белое поло и сверху пиджак. Я посмотрела на обувь и закусил щеку изнутри.

Идеальный мужчина.

– Готова?

– Почти, – я подошла к нему, оглянула с головы до пят. – Ага. Значит, сам вырядился как ходячий тестостерон, и хотел один пойти? Не получится, мистер «я берегу твою честь». Глаз с тебя не спущу!

– Ясмин, ты чего – он откровенно засмеялся и не с первой попытки попал ключом в скважину.

– Попробуй только косо посмотреть.

Мои угрозы выглядят как лаянье маленькой болонки на овчарку. Но овчарка почему-то слушается.

Мы зашли в лифт, Тамир нажал кнопку подземного паркинга. Механизм дёрнулся, плавно поехал вниз. Я стояла рядом, чувствуя, как он смотрит на меня в зеркальной стене.

Он шагнул ближе, а я инстинктивно отступила, спиной вжалась в прохладную стенку лифта.

– Ты чего? – теперь в моём голосе появилась настороженность.

– Просто хочу прояснить кое-что, – он не касался меня, но стоял так близко, что это физически ощущалось. – Ты едешь на свадьбу не танцевать со всеми подряд. Ты едешь со мной. Это разные вещи.

– Я помню, – я старалась говорить спокойно, хотя сердце колотилось где-то в горле от непонятной смеси чувств. – Один. И то, если ты разрешишь.

Он усмехнулся, но усмешка в этот раз вышла жёсткой.

– Ты ещё и подшучивать надо мной вздумала.

– Ни капли, – я прижала ладони к стене за спиной, делая вид, что мне не страшно. Но я знала, что Тамир не причинит мне зла. Знала. И всё равно от его резкой смены настроения спарывало дыхание.

И глаза у него как будто потемнели.

– Лучше позаботься о себе, Ясмин.

– В каком смысле? – я решила включить дурочку. Моргнула, наклонила голову набок. – Я не понимаю, о чём ты.

Тамир сделал ещё один маленький шаг – теперь нас разделяли сантиметры. Я вжалась в стену, хотя понимала: он не сделает больно. Никогда. Но его близкий, тяжёлый взгляд словно прожигал кожу.

Он задержал паузу на мгновение, потом его голос стал низким, с хрипотцой:

– Придушу, если станцуешь с другим.

Я замерла. В груди разлилось странное, тягучее тепло. И страх, и предвкушение. Знала, что он не тронет меня. Но слова от этих слов у меня внутри всё перевернулось.

– Ты не посмеешь, – выдохнула я, прикидывая кого именно будет душить: меня или партнера по танцу?

– Посмею, – Там оперся одной рукой поверх моей головы и чуть наклонился ко мне. Его взгляд всё ещё не отпускает. – Не при всех. Но потом дома.

– Ты ведёшь переговоры как гангстер, – я попыталась улыбнуться, чтобы сбросить напряжение, но получилось только облизнуть губы.

– А ты ведёшь себя как девушка, которая хочет меня проверить, – он повернулся к дверям лифта, уже не смотря на меня. – Не стоит, Ясмин. Не заставляй меня показывать тебе «эту» мою сторону.

Двери разъехались. Тамир вышел первым, не оборачиваясь. Я поспешила за ним, ловя себя на мысли, что мне очень хочется увидеть его другую сторону.

Мы выехали на улицу. Утро было солнечным, холодным, с запахом снега.

– Держи, – Там бросил на мои колени маленький пакет.

– Что это?

– Обезболивающее, – он завёл мотор. – Чтобы рука не болела, когда будешь танцевать.

Я заглянула в пакет. Там лежали таблетки, новая упаковка бинтов и молочная шоколадка. Моя любимая.

– Когда ты успел это купить?

– Не важно, – он уже включил режим водителя, осторожно выезжая со двора.

Я сжала пакет в руках и улыбнулась.

– Спасибо, Тамир. За то, что не оставил меня одну. И за вкусный завтрак. За то, что везёшь на свадьбу тоже.

Он молчал секунду, потом протянул руку и осторожно убрал прядь волос с моего лица.

– Скажешь ещё раз спасибо, оставлю дома, – в голосе не было угрозы, но я поняла: он смущён.

– Молчу, – я прижала палец к губам.

У общаги нас уже ждали.

Лена топталась на крыльце, нарядная, с блестящими глазами. И откуда она достала платье в пол? Еще и макияж сделать успела. Ну ничего себе!

– Боже, какая машина! – выдохнула она, когда Тамир вышел из автомобиля. – Ясмин, ты ничего мне не говорила!

– Ты не спрашивала, – я выбралась следом, чувствуя, как горят щёки.

Тамир кивнул Лене, коротко, приветливо, и закрыл за мной дверь.

– Через два часа буду здесь, – сказал он. – Буду ждать пять минут, потом уеду без вас.

– Мы успеем, – пообещала я.

– Надень что-нибудь скромное, – добавил он, одобрительно глядя на Лену. – Без декольте и коротких юбок.

Захотелось закатить глаза, но Тамир уже сел в машину.

Мы смотрели, как его автомобиль скрывается за поворотом и сорвались в комнату. Время поджимает!

– Ясмин, – Лена схватила меня за руку на лестнице. – Он не просто «знакомый», да?

– Нет, – ответила я, улыбаясь как дура. – Не просто.

– И что вы делали всю ночь?

– Спали, – ответила как есть. А потом увидела ошарашенные глаза подруги и поняла.

– Ну, не в том смысле, Лена-а! На диване, – я потянула её в общагу. – Идём, нужно успеть переодеться и сделать нормальную причёску.

Лена хотела спросить ещё что-то, но я приложила палец к губам. Она вздохнула и замолчала.

А у меня в груди пело и плясало, ведь этот день обещал быть особенным.

Глава 16

Тамир

Я сидел за столом в банкетном зале, пил остывший чай и смотрел, как моя жизнь идёт под откос. Всё из-за того, как на ней сидело это черное платье.

Ясмин не танцевала. Стояла в углу с каким-то мужиком, и они о чём-то «мило» беседовали. Она смеялась, знакомо запрокидывая голову, поправляла волосы, и от каждого её движения у меня сводило челюсть.

Я не знал этого типа. Классический костюм, уверенная улыбка, взгляд, который мне не нравился. И Ясмин не отодвигалась. Не пресекала. Улыбалась в ответ.

– Спокойно, – рядом сел Алихан. Положил руку мне на плечо, придавил.

– Убери, – процедил я, не отрываясь от них.

– Не убери. Знаю, что у тебя в голове.

– И что там? – я повернулся к брату. Внутри всё кипело. – Я смотрю, как мою женщину обрабатывает какой-то хлыщ. А ты мне «спокойно»?

– Я говорю, подумай, – Алихан не повышал голоса, но это бесило ещё больше. – Ты сейчас подойдёшь, устроишь сцену. Что дальше? Скандал, полиция, свадьба коту под хвост. Хозяева – наши партнёры. Ты подставишь меня и себя. И её опозоришь.

– Плевать.

– А ей не плевать. Хочешь, чтобы она запомнила этот вечер как тот, где ты устроил цирк? Или как тот, где она просто поговорила с человеком?

Я сжал челюсть – зубы закрипели.

– Я ему глаза выколю. Чтобы на мою женщину больше никогда так не смотрел.

– Выколешь, – кивнул Алихан. – Не сегодня. Не здесь. Потом. Сейчас сиди и не рыпайся.

Она нарочно так себя ведет. За то, что я не подошёл, когда она звала этим своим просящим, требовательным взглядом. За то, что не станцевал, когда началась музыка. Отвлёкся на разговор с друзьями брата. Думал, она подождет меня, но нет, гордая пташка нашла себе компанию поинтереснее.

– Ты выбрал необычную девушку, – продолжал брат. – Привыкай, что к ней всегда будут подходить. Не ты один видишь её красоту.

Я резко встал, не желая слушать его наставления. Глянул на Ясмин в последний раз – она слушала того мужика и улыбалась. Чёрт бы побрал эту улыбку.

Вышел на улицу, потому что, если бы остался, итальянский костюм мажора превратился бы в саван для погребения.

В машине я смотрел на забитую гостями парковку, отсчитывал минуты, пытался успокоиться. Но меня накрывало с каждой секундой. Если позвоню – сорвусь. Если не позвоню – сойду с ума. Я набрал её номер.

– Алло? – голос пташки счастливый, чуть растерянный. – Там, ты где? Я тебя потеряла.

– В зале было душно, – ответил я, глядя в лобовое стекло. – Ты как там? Не скучаешь?

– Ой я думала, ты ушёл в разговор, и я решила не мешать.

– Вижу, – я не скрывал сарказма. – Нового друга нашла?

– Ты про Мансура? – она произнесла его имя легко, будто они сто лет знакомы. Очередной скрежет в моих зубах. – Да, подошёл, познакомились. Ничего такого.

– Ничего такого, – повторил я. – А что он хотел?

– Просто поболтать. Спросил, кто я, откуда. Обычные вещи.

– У него был не «обычный» взгляд, Ясмин.

Она вздохнула.

– Тамир, он вежливо общался. Не больше.

– И что дальше? – я сжал трубку.
– Что?
– Он что-то предлагал?
Я услышал, как она мнётся.
– Ну он спросил, могу ли я дать ему номер. Сказал, что я ему симпатична, и хотел бы встречаться, если я не против.
У меня внутри всё передёрнулось.
– И что ты ответила?
– Отказала, конечно, – в её голосе появилось удивление. – Сказала, что не заинтересована.
– Ты сказала, что у тебя есть мужчина?
Ясмин помолчала. Всего-то на долю секунды, но я уже все понял для себя.
– Нет. Сказала, что просто не хочу.
– Почему не сказала обо мне? – я чувствовал, как подхожу к краю.
– Потому что это не его дело, Там, – ответила она спокойно. – Я не обязана отчитываться перед каждым, кто подходит. Я отказала – этого недостаточно?
– Недостаточно, – отрезал я, почти рыча. – Потому что он будет думать, что у него есть шанс. Что ты свободна. И будет подходить снова.
– Не будет. Я чётко дала понять
– Ты не знаешь таких, как он.
– А ты знаешь? – в её голосе появилась колкость.
– Я такой же. И, если бы девушка, которая мне нравится, сказала «просто нет», я бы не отстал. Ни за что.
– Тамир, не начинай, – устало выдохнула она. – Я просто поговорила с человеком и отказала ему.
– Ты улыбалась ему.
– Потому что вежливая.
– Поправляла волосы, с которых он глаз не спускал.
– Это нервное.
– Кокетничала.
– Он рассказывал смешную историю, – она уже начинала злиться. – Ты сейчас серьёзно?
– Я сейчас поднимусь и заберу тебя. Увезу домой. Будешь сидеть, пока не поймёшь, что у моей женщины не может быть никаких «просто поговорить» с чужими мужиками.
Она вспыхнула:
– Эй, не смей!
– Посмею, Ясмин. Я не хотел этого. Просил тебя.
– Это безумие, Тамир, – тихо сказала она.
– Может быть, но я предупреждал.
Она сбросила звонок первой.
Я отшвырнул телефон, ударил кулаком по рулю. В груди кипело. Я понимал, что перегнул. Что напугал её. Что, возможно, всё профукал. Но остановиться не мог.
Ясмин должна понять раз и навсегда: я – не тот, с кем можно играть в кошки-мышки. Я – не тот, кто будет смотреть, как она кокетничает с другими, и терпеть это ради её «свободы».
Если сломать пташке крылья, она больше не сможет летать.
Я хотел, чтобы она сама поняла: есть границы, которые нельзя переступать. Если она их переступит, я переступлю свои. И тогда будет поздно.

Глава 17

Три года спустя со дня первой встречи

Ясмин

Третий курс оказался не просто сложным – он выжимал меня досуха. Фармакокинетика, биохимия, лабы, практикумы. Я приходила в общагу только ночевать, а просыпалась с мыслью об учебниках. Даже голос Тамира в трубке по вечерам уже не спасал, я засыпала, не успев ответить на его «как ты, пташка?».

– Ты превращаешься в мумию, – сказала Лена, заглянув в мою комнату в пятницу вечером. – Мы идём в клуб. Без вариантов на отказ.

– Но у меня зачёт через три дня, – простонала я, зарываясь лицом в учебник.

– У тебя всегда зачёт, – парировала она. – Один вечер тебя не убьёт. А вот паранойя Тамира, который даже будучи на Кавказе глаз с тебя не спускает – возможно, но ему мы не скажем.

Я хотела возразить, но внутри что-то дёрнулось. Тоска по движению, по музыке, по тому, чтобы просто выдохнуть и не думать о медицинских формулах. Тамир прилетит только через две недели – он был занят на Кавказе, запуская новый цех. Я скучала, но не хотела ныть. И не хотела объяснять, почему не беру трубку, когда он звонит в полночь.

– Ладно, – сдалась я. – Но если он узнает

– Да не узнает твой ревнивый горец, – отрезала Лена. – Что я, первый раз что ли?

Клубом оказалось модное место в центре, полумрак, хорошая музыка, дорогие коктейли. Мы заказали столик в углу, подружки взяли что-то алкогольное, я – безобидный напиток без сахара. Медицинские привычки не исчезают.

Я танцевала. Просто двигалась в такт музыке, закрыв глаза, раскинув руки. Волосы летели, платье на мне сегодня короткое, открывает выше ноги выше колен и облепляет тело. Я не красилась ярко, только тушь да помада для губ. И чувствовала себя почти свободной от собственных терзаний.

– Ясмин?

Послышалось сквозь шум.

Я открыла глаза, обернулась.

Передо мной стоял тот мужчина со знакомым взглядом. Свадьба год назад у друзей Али-хана (брат Тамира).

Мансур, кажется. В элегантном пиджаке, с улыбкой, которая не была навязчивой, а скорее заинтересованной, ведь он узнал меня. Даже спустя год. Как и я его.

– Я думал, мне показалось, – он сделал шаг ближе, но не касаясь меня. – Танцуешь ты также красиво, как и говоришь.

Я остановилась. Лена с подружками уже исчезли где-то в толпе. Мы остались вдвоём в углу танцпола.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я, чтобы что-то сказать.

– Отдыхаю, – он кивнул в сторону бара. – Обмываем успешный старт друга. И, кажется, не зря.

Мансур смотрел прямо своими темными, глубокими глазами. Без раздевания, без давления. Просто смотрел, и это было почти приятно. Почти.

Вообще, он вполне симпатичный молодой мужчина. Видно, что стильно одевается: что сейчас, что тогда на свадьбе. Явно не офисный клерк, а крутится среди больших денег.

– Я не ищу знакомств, – сказала я. – Если ты все еще об этом.

– А если я ищу? – он не отвёл взгляда. Тамир был прав тогда в своем гневе. Мой отказ ничего не значит для Мансура. – Ясмин, ты мне понравились ещё на той свадьбе. Твой ум,

манера говорить, твоя харизма. Я не предлагаю ничего пошлого. Просто хочу общаться. Узнать тебя лучше.

Я усмехнулась.

– Мансур, ты красиво говоришь, но я не свободна.

Он сделал паузу, оглянулся на танцпол, потом снова посмотрел на меня.

– И где же он? – в голосе появились нотки скептицизма. – Тот, кому ты принадлежишь? Почему ты здесь одна, веселишься, танцуешь, а его нет?

– Он на Кавказе, – ответила я спокойно, хоть в груди и скребли кошки. Тамир мне голову открутит, если узнает. – У него работа. Очень серьёзная. Он не может бросить всё и прилететь каждый раз, когда мне захочется потанцевать.

Мансур усмехнулся. Не зло, скорее с иронией.

– На Кавказе, говоришь. И ты так спокойно это принимаешь? Ты же светская девочка, Ямин, – он наклонил голову. – Зачем ограничивать себя?

Я почувствовала, как внутри закипает раздражение.

– Ты ничего не знаешь о наших отношениях, – сказала я, глядя ему прямо в глаза. – Я сама решила, что сегодня буду здесь. И я не ищу утешения, потому что мне не от чего утешаться. Я люблю его. Даже на расстоянии. Даже когда он в командировках. Даже когда мы ссоримся.

– И поэтому ты танцуешь одна? – он не унимался. – И пьёшь в одиночестве?

– Я танцую для себя. Пью мохито без алкоголя. А улыбаюсь из вежливости, – отрезала я. – Но если ты ждёшь, что я скажу «да», то нет. Не дождёшься.

Мансур смотрел на меня долго. В его глазах мелькнуло что-то – не обида, не злость. Скорее мужской азарт.

– А мне нравится, – сказал он тихо. – Ты не прогибаешься. Это редкость, Ямин. Я не привык проигрывать, и мне нравится добиваться того, что хочется.

– Увы, я не приз, – холодно отрезала я. – И не цель. У меня есть сердце, и оно занято. Навсегда. Даже если ты будешь подходить снова и снова, ответ будет один.

– Посмотрим, – он улыбнулся, но улыбка была уже недоброй или это свет на танцполе так падал. – Я терпеливый. И чувствую: мы ещё встретимся.

Он развернулся и пошёл к бару, не оглядываясь.

Я осталась стоять, замечая, как все это время у меня дрожали руки.

Лена подскочила через минуту.

– Господи, Ямин, тебя нельзя оставлять одну ни на секунду! Что он хотел? Он так плотоядно на тебя смотрел

– Ничего, – ответила я, выдыхая.

Но внутри я знала: этот разговор не закончен. И это пугало.

Я вернулась в общагу за полночь. Лена ушла к своему парню, подруги разбежались. Я сидела на кровати, поджав под себя ноги, уставшие от каблуков. Полежала в телефон. Сотня сообщений от однокурсников в групповом чате, почта, уведомления из соцсетей.

Я открыла одну. Лена успела выложить видео из клуба, мелькание огней, чьи-то силуэты. И одна фотка – крупный план нашего столика. Моя рука с бокалом мохито. Кольца на пальце нет, потому что я сняла его перед выходом, чтобы не потерять, оставила в тумбочке. Сейчас палец чесался в непривычно пустом месте.

Я лайкнула фото, не думая.

И через пять минут зазвонил телефон.

Тамир

– Привет, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Ты в клубе? – без предисловий.

Сердце ухнуло вниз.

– Что?

– Не ври мне, Ясмин, – его голос был ледяным. – Я видел фотку. Твоя рука с бокалом. Ты думаешь, я не узнаю твои пальцы, даже если на нем нет кольца?

Я молчала. Странное холодное чувство прошлось по позвоночнику.

– Тамир

– Ты не сказала мне. Не предупредила. Я сидел, работал, а ты развлекалась в клубе с кем-то в такой час!

– Ни с кем я не развлекалась! – возмутилась я. – Я была с подругами. Танцевала одна.

Я слышала, как Тамир тяжело дышит. Всё. Теперь его не успокоить.

– Я про то, что ты скрыла. Обманула.

– Я не обманула. Просто не сказала.

– Это одно и то же, Ясмин.

Я закрыла глаза. Усталость навалилась с новой силой.

– Тамир, не дави на меня. Я скучала, – сказала я тихо. – По музыке. По движению. По тому, чтобы просто быть собой, а не медиком заучкой. Ты далеко, Тамир. Я не жалею. Я жду тебя каждый день. Но сегодня я хотела выдохнуть.

– Выдохнула? – голос стал глуше. – А я теперь не усну. Буду думать, кто на тебя смотрел, кто подходил.

– Никто не подходил, – перебила я. – Хватит ревновать меня к каждому столбу!

– И откуда у тебя это платье? – вдруг спросил он.

У меня перехватило дыхание. Платье?

– У подруги взяла а что?

– Говоришь, никто не подходил? Никто не тёрся рядом, когда у тебя платье едва задницу прикрывает?

Я сглотнула. Медленно опустила взгляд на свои голые ноги.

– Тамир, это обычное коктейльное платье. Я взяла его у подруги на один вечер. Что в нём такого?

Я слышала, как он дышит. Глубоко, сбивчиво, будто сдерживает себя из последних сил. Потом его голос стал низким, почти хриплым, и внутри всё сжалось.

– Ты спрашиваешь, что в нём такого? Я хочу, чтобы ты запомнила, Ясмин. Если я ещё раз увижу тебя в чём-то выше колен, когда меня нет рядом, я приеду и на твоей попке будут красные следы от моих ладоней.

У меня перехватило дыхание от того, как он это сказал. Тихо, вкрадчиво, с обещанием. По спине пробежали мурашки.

– А потом я сниму его с тебя. И покажу, как скучал по тебе.

– Нет, – солгала я. И тут же пожалела. – Тамир, прекрати. Ты не можешь контролировать каждый мой шаг.

– Могу. Буду. Пока ты не начнёшь уважать наши отношения.

– Я уважаю! Я люблю тебя! Но я не кукла, которую можно вынимать из шкафа, когда удобно!

– Я прилечу завтра, и мы поговорим.

– Тамир

– Спокойной ночи, Ясмин.

Он сбросил звонок.

Я откинулась на подушку, уставилась в потолок. Слезы не шли – только тяжесть в груди.

Я не хотела его терять. Но я не хотела и задыхаться.

Я положила телефон на тумбу и долго лежала в тишине, чувствуя, как на губах застыла улыбка. Он был ревнивым, собственником, иногда невыносимым. Но от этого я любила его только сильнее.

Глава 18

Мама позвонила посреди учебной недели вечером.

– Ясмин, ты приедешь в эти выходные домой? – ее голос был до приторности ласковым. Таким она бывала только когда что-то задумала.

– Мам, у меня же учёба. Экзамены один за другим

– Два дня тебя не убьют. Мы все соскучились. И у нас для тебя сюрприз.

– Какой еще сюрприз? – я насторожилась.

– Приедешь – узнаешь, – отрезала она. – В пятницу вечером выезжаешь сразу после занятий. Я приготовлю твой любимый плов.

Я хотела возразить, что мне нужно готовиться к сессии, но мать уже бросила трубку.

Я сидела на кровати в общежитии и смотрела на телефон. Что-то было не так. Слишком сладкий голос. Слишком настойчивое приглашение. Я знала мать: за этим кроется что-то, что мне не понравится. Но спорить с ней было бесполезно. Она всё равно добьётся своего – либо лаской, либо скандалом.

Вообще не понимаю, как они с отцом сошлись и построили семью.

В пятницу вечером я собрала рюкзак, надела удобные брюки и легкий свитер. Тамир позвонил буквально перед выходом. Я раздумывала отвечать или нет, в итоге приняла звонок. Мне удалось уговорить его не прилетать, ведомый ревностью и злостью. Наша встреча немного отложилась.

– Домой? – спросил он. В его голосе слышалось напряжение.

– Да. Мать звала, говорит, сюрприз.

– Слушай, Ясмин. Я планировал встретиться с тобой на этих выходных, но раз такое дело

– Ты опять за своё? – я вздохнула.

– Нам нужно поговорить, – сказал он жёстко. – Я не собираюсь на тебя давить, но есть вопросы, на которые я бы хотел получить от тебя ответы.

– Хорошо, – ответила я, хотя внутри уже закипало раздражение. – Я позвоню, как приеду обратно.

– Только не тяни, – он сбавил тон, но предупреждение осталось.

– Я поняла, Там.

Мы попрощались, и я вышла из общежития.

До дома я добралась электричкой. Полтора часа тряски в вагоне, потом такси до посёлка, где мои родители жили уже пятнадцать лет. Частный дом с большим участком, яблонями вдоль забора, старой беседкой, которую никто не чинит, потому что папа вечно на работе, а мама не хочет вызывать мастеров.

Отец возился в гараже, когда я вошла во двор. Если другие мужчины чинят авто или байки, то мой вечно придумывает что-то из инженерии.

Увидев меня, он удивленно улыбнулся, вытер руки ветошью.

– Ясмин, – папа обнял меня, и я почувствовала запах машинного масла и табака. – Хорошо выглядишь. Похудела только. Опять на зеленой диете сидишь?

– Учёба, пап, – улыбнулась я.

– Заходи, мать уже накрывает на стол.

В доме пахло пловом и вишневой выпечкой. Младший брат Самир, шестнадцатилетний сорванец, сидел за столом и что-то листал в телефоне. Старшая сестра Амира, уже замужняя, приехала с двухлетним сыном. Семья собралась почти в полном составе.

Что меня сильно удивило.

– Ясмин! – сестра кинулась обниматься. – Столько не виделись! Ты как?

– Жива, – засмеялась я, снимая с запотевших ног кроссовки.

Мама выплыла из кухни. Она была в новом платье, с укладкой, накрашенная – явно готовилась.

– Доча, как добралась? – она чмокнула меня в щёку. – Давайте все за стол.

Ужин прошёл в обычной семейной суете: брат спорил с отцом о политике, племянник опрокинул стакан с соком на льняную скатерть, Амира рассказывала, как они ремонтируют квартиру. Я почти расслабилась. Может, я накрутила себя зря?

Но мать поглядывала на меня как-то странно. За столом она откладывала разговор, переводила тему, когда я пыталась спросить о «сюрпризе».

– Потом. После ужина.

Когда все разошлись по комнатам, я осталась помогать на кухне. Сестра ушла укладывать ребёнка, Самир удрал в свою комнату. Мы с матерью мыли посуду вместе. Я терла тарелки, она стояла у окна с чашкой чая.

– Ясмин, – начала она наконец, и голос стал мягким, вкрадчивым. – Недавно к твоему отцу пришло предложение.

– Какое предложение? – я насторожилась, но продолжала мыть.

– Очень хорошее, дочка. От уважаемой семьи. Из нашего круга. – она поставила чашку, повернулась ко мне. – У меня для тебя новость.

Я замерла. Сердце начало биться быстрее.

– Какая? Ну, не томи!

– У семьи Бараевых оказывается есть сын. Взрослый мужчина, успешный предприниматель, образованный, красивый. И он хочет на тебе жениться.

Я уронила тарелку в раковину. Звон разбитой керамики, но я даже не обернулась.

– Мама, я не пойду ни за какого Бараева. Я их даже не знаю!

– И это проблема в наше время? Встретитесь, познакомитесь.

– Откуда они вообще узнали обо мне?

– Ну, знаешь ли через знакомых и так далее. Сама знаешь, как у нас у кавказцев устроено. Это, наоборот, хорошо, что пришло предложение от такой семьи. Парень чуть старше тебя, самое время жениться.

– Мама, не пойду я за незнакомца замуж! – я в сердцах швырнула губку в раковину. – У меня уже есть молодой человек и я люблю его!

– Какой еще С кем это ты встречаешься, не сообщив мне? – мать смерила меня долгим, тяжёлым взглядом. Она скрестила руки на груди, и в этом жесте было столько привычной властности, что у меня свело скулы.

Я сжала кулаки, чувствуя, как от гнева перехватывает дыхание.

Мать молчала. Секунду. Две. Я видела, как её лицо меняется – от удивления к раздражению. Я почти слышала, как она перебирает в голове моих возможных знакомых, пытается угадать, кто он.

– Что за парень? – спросила она, как будто пробуя имя на вкус. – Откуда он? Кто его родители? Чем он занимается?

– Он он с Кавказа. – я запнулась, потому что знала: следующий вопрос будет самым сложным. – Занимается ювелирным делом. У него свой бизнес, он серьёзный, взрослый.

– Насколько взрослый? – мать ухватила за слово, как за ниточку, и её глаза сузились. Она не спросила, сколько ему лет. Она спросила: насколько. И я поняла, что она уже считает, прикидывает, сравнивает.

– На одиннадцать лет старше.

Мать ошарашенно выпрямилась. В её голосе появились стальные нотки, которые я слишком хорошо знала – она готовилась к атаке.

– Дочь, ты что сдурела? – она взяла тряпку, начала медленно вытирать стол, хотя он был чистым. Это был жест-уловка, она притворялась спокойной, но я знала – она готовит удар. – И давно ты с ним встречаешься?

– Три года года, – ответила я. Слова вырывались тяжело, будто я вытаскивала их из самой глубины.

– И ты молчала? Целых три года?! Три года я ничего не знала. – она отложила тряпку и посмотрела на меня в упор. – А что он за человек? Есть ли у него дом, работа, планы на будущее?

– Он опер. Оперуполномоченный. И у него ювелирный бизнес, я же тебе сказала. Он живёт на Кавказе и работает. Но часто прилетает в Москву, у него здесь дела

– На Кавказе?! – мать всплеснула руками, будто я сказала что-то невероятное. – Ты хочешь сказать, что он живёт там, в горах, и ты собираешься уехать к нему?

– Мы ещё не решили

– А что решать? – она резко поставила чашку на стол, чуть не разбив её. – Ты что, собираешься бросить учёбу, Москву, всё, что мы с отцом для тебя строили? Уехать в эту глушь?

– Мама, там не глушь! – я почувствовала, как гнев поднимается к горлу. – Там города, цивилизация, он живёт в приличном доме

– И ты будешь сидеть там, в его доме, пока он будет пропадать на своей опасной работе? – мать говорила всё быстрее, голос срывался. – А я? Я буду видеть тебя раз в год? А внуки? Они будут расти за тысячу километров от меня?

– Мама, это не так далеко, мы будем приезжать

– Не так далеко? – она почти закричала. – Тысяча километров – это не далеко? Ты меня за дуру считаешь?

– Я никогда не считала тебя душой!

– Тогда зачем ты это делаешь? – она схватила меня за руку, сжала так, что стало больно. – Зачем ты хочешь уехать туда, где тебя никто не знает? Где ты будешь одна, без семьи, без поддержки? Он тебя там запрёт, Ямин! Они все такие, эти горцы! Женщина для них – это собственность!

– Тамир не такой! – я вырвала руку, отступила на шаг. – Ты даже не знаешь его!

– Ах, Тамир значит, – мать смотрела на меня в упор, и в её взгляде была такая смесь боли и ярости, что у меня внутри всё оборвалось. – Ты его знаешь? Ты знаешь, что он сделает, когда ты надоешь ему? Ты останешься там, в горах, с детьми, без денег, без работы, и что ты будешь делать?

Она говорила то, что я сама иногда боялась произнести вслух.

– Я хочу тебя защитить, – мать перешла на шёпот, и это было страшнее крика.

– Мама

– Я не хочу, чтобы ты уехала на Кавказ. Я хочу, чтобы ты была здесь, рядом. Чтобы я могла приехать к тебе в любой момент. Чтобы твои дети росли у меня на глазах. И чтобы у тебя был мужчина, который не заберёт тебя на край света, а останется здесь, где ты выросла.

– Тамир не забирает меня на край света, – я сглотнула ком в горле. – Он любит меня. Он никогда не сделает мне больно.

– Ты не знаешь этого, – мать покачала головой. – Ты думаешь, что знаешь. Но ты не знаешь.

Она взяла мою руку, сжала пальцы.

– Тамир – это ошибка, – жёстко сказала она. – Он тебя не достоин. А Бараевы – это связи, деньги, имя. Ты будешь жить как королева.

– Я не хочу быть королевой! – выкрикнула я. – Я хочу жить с тем, кого люблю!

– Любовь пройдёт, – мать скрестила руки. – А статус останется. Ты должна думать о будущем, о семье. Кто ты без нас, Ясмин? Студентка с дипломом, которая будет работать в аптеке? А будешь женой Бараева – у тебя будет всё. Целая сеть своих аптек, а может и лаборатория.

– И ты согласилась на их предложение?

– Конечно! Потому что я твоя мать и знаю, что для тебя лучше.

Я стояла, не в силах вымолвить ни слова. Грудь сдавило от обиды и злости.

– А кто он вообще? – спросила я наконец, почти сдаваясь под ее давлением. – Этот твой «красивый юноша»?

Мать всплеснула руками.

– Ой, у меня ж фотка есть! – она засуетилась, полезла в телефон, бормоча себе под нос: – Сын Умара Бараева, а внешность какая! Ты ему приглянулась, дочка, он хочет свадьбу поскорее сыграть

Она протянула мне телефон.

Я взяла его дрожащими руками. На экране было фото, сделанное на корпоративе или приеме: дорогой костюм, уверенная улыбка, взгляд, который я знала слишком хорошо. Тот самый мужчина. Тот, кто дважды подходил ко мне и получал отказ. Тот, кто смотрел на меня так, будто я его добыча.

Я не знала его фамилии тогда. Но теперь знала.

Мансур Бараев.

Глава 19

Я ещё лежала в кровати, когда мать беспардонно зашла в мою комнату утром и скинула с меня легкое одеяло.

– Ясмин, – голос был ледяным. – В пять вечера ты поедешь в ресторан. Мансур уже заказал столик.

Мне не нужно было объяснять, что происходит. Я поняла: она не успокоится.

– Мама, я не пойду.

– Пойдёшь, – отрезала она. – Я уже всё обсудила с его матерью. Ты не можешь просто так отказаться. Это оскорбит их семью.

– А мои чувства тебя не волнуют?

– Твои чувства, – она вздохнула с такой тяжестью, будто я сказала что-то невероятно глупое, – никого не волнуют, кроме тебя самой. Ты должна думать о будущем. О том, что будет через пять, через десять лет. Мансур – хороший вариант. И ты с ним встретишься. Я не прошу тебя выходить за него завтра. Просто поужинай. Посмотри на него.

– Я уже видела его.

– Ты видела его мельком, – она не сдавалась. – А теперь познакомишься нормально. В пять. Ресторан. Давай собирайся!

Она вышла, хлопнув дверью.

Я сидела на кровати и смотрела на экран с мелькающими сообщениями от Тамира. В груди разрасталась ледяная пустота. Я не хотела идти. Не хотела видеть Мансура, слышать его голос, чувствовать его взгляд на себе. Но я знала мать: если я не приду, она устроит скандал, будет кричать, угрожать. Я видела, как она это делала с отцом, как продавливала его. Она сделает мою жизнь невыносимой, пока не добьётся своего.

Я встала и подошла к зеркалу. Кудрявые волосы растрёпанные, лицо бледное, глаза с красными прожилками, потому что проплакала всю ночь, думала о нём. О Тамире.

Бараевы – это не просто «хорошая семья». Это клан. У них нефтяной бизнес, несколько отелей по всему Кавказу, сеть ресторанов в Москве. Отец Мансура – Ахмед Бараев – человек, с которым считаются в администрации и в правительстве. Говорят, у него есть свои люди в Госдуме.

Мансур закончил ВШЭ, стажировался в Лондоне. Его уважают в деловых кругах. Он старше меня на пять лет и мать считает, что это идеальная разница.

После обеда я стояла перед шкафом и выбирала платье. Что-то, что не было бы вызывающим, но и не делало меня жертвой.

Я надела закрытое бежевое платье с длинным рукавом, но облегающее, с вырезом, который открывал ключицы. Волосы распустила как обычно. Если я соберу свои кудри, то моя голова будет похожа на птичье гнездо. Мать настояла на каблуках и макияже.

Я вышла из дома, когда начало темнеть. Ресторан находился в здании старой усадьбы, переоборудованной под дорогой интерьер. Мрамор, дерево, золото, запах дорогих парфюмов и приглушённый свет. Мансур уже ждал меня за столиком в углу.

Когда я подошла, он встал. Во всём его облике чувствовалась уверенность человека, привыкшего получать то, что хочет. Статный серый костюм, белая рубашка, часы, которые стоят больше, чем моя стипендия за год. Улыбка – широкая, но какая-то чуждая для меня. Он смотрел на меня так, будто я уже его. Будто моё сопротивление – лишь вопрос времени.

– Ясмин, – он шагнул ко мне. – Ты неотразима.

– Здравствуй, Мансур, – я села на стул, не дожидаясь приглашения. – Давай сразу к делу. Он усмехнулся, но усмешка была не злой, а скорее заинтересованной.

– Как скажешь.

Он сел напротив, не сводя с меня глаз. Официант принёс меню. Я открыла, но не видела букв, только его взгляд, который ощущался кожей. Мне казалось, что меня раздевают без рук одними глазами. И это было отвратительно.

Тамир тоже смотрел на меня, но его взгляд я любила.

– Я не хочу играть в игры, – сказала я, закрывая меню. – Моя мать заставила меня прийти. Я не хочу ни знакомиться, ни встречаться, ни выходить за тебя замуж. Я люблю другого человека. И он тоже любит меня. Я не изменю ему и не предаю его.

Мансур слушал внимательно, не перебивая. Потом положил локти на стол, сплёл пальцы.

– Я знаю, – сказал он спокойно, откидываясь на спинку стула. – Ты говорила мне это дважды. Я помню.

– Тогда зачем ты согласился на эту встречу?

– Потому что я хочу тебя, Ясмин, – он сказал это так буднично, будто речь шла о еде или погоде, а у меня вся кровь от лица отлила. – Хочу как жену. Как партнёра. Мать моих детей. Я уже принял решение. Остальное – вопрос времени.

У меня перехватило дыхание. Бараев говорил об этом так спокойно, так уверенно, что я на секунду засомневалась – это вообще нормально? Или это я не понимаю, как устроен этот мир? Но страх быстро сменился гневом.

– Ты не можешь решать за меня, – я чувствовала, как голос становится твёрже. – Это моя жизнь. Я не хочу быть с тобой.

– А с кем хочешь? – Мансур наклонил голову, рассматривая меня с хищным интересом. – С тем, кто живёт на Кавказе и прилетает раз в месяц? С тем, у кого работа, связанная с риском? С тем, чья семья, говорят, не очень-то рада невесткам не из своего круга?

– Откуда ты знаешь про его семью? – я сжала салфетку, чтобы занять руки. Даже я сама не была знакома с семьей Сайдулаевых. Все эти годы мечтала полететь на Кавказ, увидеть хотя бы мельком как живет мой мужчина, но мой отец не может уговорить маму.

– У нас общие знакомые, – он улыбнулся, уловив смену моего настроения. – Я навожу справки.

– Играешь нечестно.

– Это разумно, – поправил он. – Я не хочу тратить время на то, что не принесёт результата. Я хочу тебя. И я получу тебя, Ясмин. Рано или поздно.

– Я снова скажу «нет».

Мансур повел плечами.

– Я не отказываюсь от своих слов.

Я встала. Стул с грохотом отодвинулся, и несколько посетителей обернулись.

– Разговор окончен.

– Ясмин, – он тоже встал, но не шагнул ко мне. – Ты можешь уйти сейчас, но это не изменит того, что я сказал. Я буду ждать. И я не отступлю.

– Это смахивает на преследование.

– Возможно, – его губы растянулись в совершенно безобидной улыбке.

Я развернулась и пошла к выходу, высоко подняв голову, чувствуя его взгляд на своей спине. Когда я вышла на улицу, вечерний ветер ударил в лицо, и я наконец выдохнула.

Бараев не отступит. Он помнил обо мне целый год. Но и я не собиралась сдаваться.

Я достала телефон. Набрала сообщение Тамиру:

«Мы должны встретиться. Как можно скорее».

Уважаемые читатели, книгу планирую оставить бесплатной в процессе написания. От вас очень прошу обратную связь)

Глава 20

Я встретила Тамира не в аэропорту, как обычно, а в его квартире.

Он только снимал кожанку, когда я без стука влетела внутрь. Дверь хлопнула, и он замер, глядя на меня. Остановился на полпути, одна рука в рукаве, другая уже свободна. Тёмные глаза прошлись по мне и в них мелькнуло удивление, которое быстро сменилось настороженностью.

– Ясмин?

А потом, не отрывая взгляда, он медленно стянул куртку. Кожа скользнула с плеч, Тамир аккуратно отложил её на подлокотник дивана. И только тогда развернулся ко мне всем корпусом.

Мой любимый горец.

Как мне сказать ему то, что гложет сердце?

Как объяснить про Мансура, избежав кровопролития?

Он же не поймёт. Он взбесится.

Тамир смотрел на меня со смесью недовольства, тревоги и желания. Он не показывал явно своё настроение, но я видела всё. Каждое его движение, каждое напряжение в плечах. Последние недели были для нас трудными. Мы страшно ссорились. Я уставала объяснять, он уставал сдерживаться. И вот мы снова стояли друг перед другом, на грани взрыва.

– Ясмин? – он сделал небольшой шаг навстречу.

И я не выдержала.

Я бросилась на него. Обвила руками за шею, ногами его крепкую талию. Уткнулась носом ему в грудь и блаженно прикрыла глаза. Его запах – всё, что мне нужно, чтобы успокоиться. Я вдыхала его глубоко, будто могла впитать его в себя, раствориться в нём, забыть о Мансуре, о матери, которая продала меня как вещь.

– Тамир, я люблю тебя.

Шепчу в сгиб его шеи, наслаждаясь теплой близостью. Под щекой раздается вибрация от его смеха.

– Я тебя тоже, птичка, – он слегка сжимает меня в своих руках. – Может, ты все-таки встанешь на ноги?

Качаю головой, сильнее обвивая его тело руками и ногами. Не отпущу. Иначе сойду сума. Сейчас он – единственное, что держит меня на плаву. Если я отпущу, я разобьюсь.

Всё, что я копила неделями – страх, злость, отчаяние, – вдруг нашло выход. Я хотела закричать, но закричала поцелуем.

По спине скользнули его ладони. Прошлись вверх-вниз мягко, успокаивающе. И мне этого, черт возьми, хватает, чтобы забыть все обиды. Чтобы отцепиться от него, но не разжимая объятий, впитаться в его губы в нетерпеливом поцелуе.

Я еще не позволяла себе так «грязно» выражать эмоции, и сегодня понимаю, что больше сдерживаться не буду. Не тогда, когда вижу в его глазах такую сильную любовь, что сердце болит.

Хватаю Тамира за волосы на затылке, опускаю к себе, потому что даже на цыпочках мне не хватает. Целую губы, жадно покусывая, вызывая в нем совершенно новые стоны.

Я хочу почувствовать его. Всю его силу, всю его нежность, всю его ревность, которая тоже была частью его любви.

– Ясмин – хрипит он, когда я засасываю его нижнюю губу до крови. И мне все мало.

Наши языки сталкиваются. В глазах разгорается огонь. Тот самый, от которого я когда-то пряталась, а теперь хочу сгореть в нём дотла.

Его руки гладят мои бедра, задирают короткое платье, которое я надела для него, прижимают меня к себе крепче. Я чувствую, как он возбуждён, как напряжено его тело.

Знаю, что дальше Тамир никогда не зайдет. Он и целуется со мной, потому что я вынуждена. Мне очень хотелось, и горец сдался.

Когда я кладу руку на выпуклую ширинку, он чертыхается и разрывает поцелуй.

– Ты что творишь?

Голос хриплый, сбитый. В глазах – паника и желание, которые он пытается спрятать за строгостью. Но я вижу: он на пределе.

– То, что хочу, – я смотрю на него снизу вверх, не убирая руки с возбужденного паха.

– Ясмин, мы не можем

– Можем, – перебиваю я. – Я хочу тебя, Тамир. Без «подождём до свадьбы». Просто возьми меня. Жестко и без нежностей.

Его кадык дергается. Глаза расширяются в удивлении, будто не верит, что я это сказала.

Отступаю на шаг, не разрывая зрительного контакта и не давая ему времени что-либо сказать. Медленно тяну молнию платья вниз под его пристальным вниманием. Ткань скользит по коже, падает к ногам. Я остаюсь перед ним в красивом белье, и чувствую себя сильной. Потому что в его глазах я всегда была женщиной, которую он боялся коснуться.

Чёрный лифчик едва прикрывает грудь, соски видны сквозь прозрачный узор. Трусики такие же, тонкие полоски, едва скрывающие. Я вижу, как его взгляд темнеет, как он тяжело дышит.

– Тамир, – я беру его руку и кладу на свою грудь, где сосок твердеет под его ладонью. – Я хочу секса с тобой. Прямо сейчас.

Он смотрит на меня жадно, тяжело. Я вижу, как в нём борется желание и долг. Как он пытается сдержаться, но напряжение уже видно в каждой линии его тела.

– Ясмин – голос севший. – Как без нежности? Это же первый раз

Я провожу пальцами по его груди, опускаясь ниже, к ремню.

– Хочу почувствовать всё, что ты держишь внутри. Это тоже часть твоей любви.

Он закрывает глаза на мгновение. Когда открывает – в них уже нет сомнений.

Тамир подхватывает меня на руки и несёт в спальню, не глядя, не касаясь лишнего. Я обвиваю его шею. Сердце бьется громко, как перед бурей.

В спальне он опускает меня на кровать, нависает сверху. Его руки скользят по моим бёдрам, сжимают, приподнимают. Он целует шею, ключицы, ласкает грудь – нежно, но с нажимом. Я выгибаюсь, ловя каждое прикосновение.

Целует внутреннюю сторону моего бедра, поднимается выше. Я чувствую его дыхание на коже, и от этого по телу бегут мурашки. Он не торопится, но в каждом движении чувствуется напряжение, контроль, который он едва удерживает.

– Если будет больно, сразу скажи.

– Не скажу.

– Ясмин

– Тамир, – я поднимаю руку, касаюсь его щеки, – просто сделай это.

Я задержала дыхание. В эту секунду я была готова на всё лишь бы он перестал сдерживаться. Я чувствовала, как его тело сдаётся, как он сжимает край кровати. Я ждала.

Глава 21

Внутри меня пульсировала одна мысль, которую я не решалась произнести вслух.

Я должна сделать это. Если я стану его, если я отдамся Тамиру до свадьбы, никто не сможет выдать меня за Мансура.

В нашем обществе невеста должна быть чистой. Моя мать потеряет все козыри. Мансур откажется от меня, потому что ему нужна безупречная жена и я буду свободна. Свободна быть с тем, кого люблю.

Я знала, что это преступление в глазах моей семьи, моих традиций, моего народа. Но я также знала, что это единственный способ вырваться из клетки, которую для меня построили. Я не хотела быть вещью, которую передают из рук в руки. Я хотела быть собой. И если для этого нужно сломать все правила, я ломаю их.

Тамир опустился к моим согнутым коленям. Аккуратно развел в стороны, чтобы поцеловать кожу поверх прозрачных трусиков. По телу пробежала дрожь от его дыхания.

Его губы коснулись внутренней стороны бедра, прокладывая дорожку поцелуев. Медленно, с нажимом. Я с трудом дышала, вцепившись в простыни.

Он целовал всё дальше, пока не достиг самого центра. Пальцы стянули трусики, его язык скользнул по влажной плоти, и я застонала от неожиданности. Тамир ласкал меня медленно, глубоко, и я чувствовала, как внутри разгорается пожар. Каждое движение языка отзывалось во мне дрожью, и я уже не могла дышать ровно.

– Тамир – стонала я, запрокидывая голову.

Он не отвечал. Только продолжал и моё тело откликалось, я текла для него. Влажно, горячо, без остатка.

Я хочу этого. Не только ради свободы. Я хочу его. Хочу чувствовать его внутри. Хочу, чтобы он оставил след во мне, который никто не сможет стереть.

Тамир приподнялся на локтях, и его влажные губы нашли мои соски. Он сосал их, покусывая, пока его пальцы продолжали ласкать мою промежность. Я выгибалась, ловя каждое прикосновение. Всё внутри пульсировало, требовало продолжения.

Мы прервались лишь на мгновение, чтобы он снял с себя одежду, и я увидела его сильную, смуглую грудь с парой мелких шрамов, которые хотелось целовать.

Тамир нетерпеливо навис надо мной, и его возбужденный член коснулся моего входа.

Он ждал моего согласия, даже теперь.

– Только не зажимайся, – горячо выдохнул он, сам сгорая от желания взять меня. – Я старался расслабить тебя надеюсь, не будет больно.

– Давай, Тамир, – прошептала я, притягивая его к себе за шею и глубоко целуя. – Войди в меня.

Больше не нужно было просить. Он вошёл медленно, но без остановки. Я моментально почувствовала, как меня разрывают, и вскрикнула от боли. Тамир замер, словно давая мне привыкнуть.

– Ещё немного, Ясмин

Я зажмурилась, а предательские слезы сами покатались по щекам.

Меня всегда привлекала разница в нашем росте и телосложении. Он выше и крупнее среднестатистического мужчины. А меня природа обделила. Узкие бедра, невысокий рост. Это смотрелось романтично пока дело не дошло до первого секса.

Сначала все натянулось. Мне хотелось выть от дискомфорта, но потом все резко изменилось. Тамир сделал плавный толчок, навсегда лишая меня моей невинности.

Я даже не сразу поняла, что выдохнула с облегчением и улыбнулась ему.

Я больше не та, кем была.

В моём мире это называют позором. А я называю это любовью. Я знала, что за этим последует. Сплетни, осуждение, может быть, проклятия. Моя мать скажет, что я опозорила семью. Сестра отвернётся. Но внутри меня не было страха. Только облегчение. Потому что я перестала быть чьей-то вещью. Я стала собой

Теперь Мансур не захочет меня. Никто не сможет заставить меня выйти за него. Я выбрала свой путь.

Тамир начал двигаться чуть развязнее. Я чувствовала его внутри, его силу, его жар. Он заполнял меня, и я закрывала глаза, позволяя себе быть полностью с ним. Никаких левых мыслей. Только он. Только его тело, его дыхание, его сильные руки.

Его член раздвигал меня, наполнял до предела. Боль была острой, но она ушла почти сразу, сменившись ощущением полноты. Я чувствовала его внутри. Каждый сантиметр, каждый удар сердца. И в этом было что-то древнее, правильное. Я принадлежала ему. Я хотела чувствовать это каждой клеткой.

– Тебе хорошо? – спросил он. Голос сорванный, сбитый.

– Да, – выдохнула я.

Постепенно его движения стали плавными, почти нежными. Руки скользили по моей груди, губы касались плеч. Это было красиво. Это было правильно.

Но я не за этим пришла.

– Тамир, – сказала я тихо.

– М?

Он замедлился, заглядывая мне в глаза.

– Это всё, на что ты способен? – спросила я с лёгкой усмешкой, глядя как с каждой секундой темнеют его глаза.

Внутри него что-то переключилось. Как будто напряжение, которое он сдерживал, прорвало плотину.

Тамир ответил мне усмешкой. Невеселой, с каким-то звериным прищуром. Я увидела тот самый огонь, который просила. Его рука скользнула по моей спине, пальцы сжались на затылке, притягивая к себе.

– Не говори потом, что я тебя не предупреждал.

А потом резко вышел, перевернул меня на живот и поставил на колени. Мои волосы рассыпались по спине, он натянул их, запрокидывая голову, и я почувствовала, как его член входит в меня резко, глубоко, без подготовки.

– Так? – прорычал он.

Я не успела ответить. Вскрикнула, вцепившись в простыни, чувствуя, как он заполняет меня до предела. Боль смешалась с удовольствием, и я не знала, где заканчивается одно и начинается другое.

Тамир двигался жёстко, сильнее вбиваясь в меня с каждым толчком. Мои волосы были натянуты в его кулаке, каждое его движение отдавалось во мне вибрацией. Я слышала он рычит, слышала, как мои собственные стоны срываются с губ, становясь всё громче, всё отчаяннее.

Я кончила, когда он вбил в меня на всю глубину. Внутри всё сжалось, и я закричала. Тамир последовал за мной, замирая на короткие резкие толчки. Нежно, горячо, заполняя пустоту, которую я носила в себе так долго.

Я упала на кровать, обессиленная. Он лег рядом, притянул меня к себе, обнял. Его пальцы гладили мои волосы.

– Прости, – шепнул он.

– За что? – удивленно подняла голову, заглядывая ему в глаза.

– За то, что я мог сделать тебе больно.

Я провела пальцем по его скуле. Все лицо в испарине, а в груди бешено колотится сердце.

– Я хотела этого.

Тамир поцеловал меня в кончик носа. Нежно, почти благоговейно.

Мы были наедине в нашей маленькой вселенной, наслаждаясь друг другом, пока резкий телефонный звонок не прервал эту идиллию.

Глава 22

Это был звонок от Мансура.

Я не сохранила его номер, но знала проклятые цифры наизусть.

– Не ответишь? – раздался за спиной хриплый голос Тамира, который вогнал меня в еще больший ужас.

Он не должен узнать.

– Известный номер. Не хочу говорить.

Я отклонила звонок и поставила телефон на беззвучный. Убрала экраном вниз на тумбу и вернулась к Тамиру. Уткнулась носом в его грудь, вдыхая мужской запах.

Я впервые видела его таким домашним, расслабленным. Таким уязвимым. Без брони.

Тамир гладил меня по спине, по волосам, ужасно спутавшимся после бурного секса.

Это было прекрасно. Я никогда не думала, что близость с любимым мужчиной может так свести сума. И почему мы раньше не попробовали? Почему столько ждали, почему запрещали?

Думаю об этом и желание снова нарастает с двойной силой.

– Что ты делаешь? – удивился Тамир, когда я села на него верхом и стала двигать бедрами.

– Хочу еще.

Его пах с каждой секундой наливался тяжестью. Я терлась об него, чувствуя как легко становлюсь влажной.

– Ты только что лишилась невинности

– Я в порядке. И буду еще лучше, если ты возьмешь меня снова.

– Какая же ты чертовка, Ясмин. Совершенно ненасытная.

Я ухмыляюсь и тянусь к его губам. Он сам насаживает меня на свои бедра, легко входит, потому что больше нет преграды. Никакой боли – только полнота, тепло, ощущение, что я наконец там, где должна быть.

Я двигаюсь медленно, пробуя, как глубоко могу принять его, под каким углом лучше. Каждое движение отзывается во мне дрожью, внутри разливается жар. Тамир смотрит на меня снизу вверх и в его глазах столько обожания, что у меня перехватывает дыхание.

Он целует меня, а его руки скользят по моей спине, притягивая ближе. Я чувствую, как он пульсирует внутри меня, как его дыхание становится глубже. Я ускоряюсь, и он стонет, запрокидывая голову.

– Тамир, – шепчу я. – Я хочу чувствовать тебя всю ночь.

– Всю ночь? – он усмехается. – Ты меня убьешь, птишка.

– Может быть, – соглашаюсь я, двигаясь быстрее. – Но перед этим ты кончишь в меня. Снова.

– Ясмин

Я зажимаю ему рот поцелуем, не давая возразить. Хочу чувствовать его внутри, хочу слышать его стоны, хочу знать, что он мой. Что никто не сможет отнять его у меня.

Тамир переворачивает меня, и я оказываюсь на спине. Нависает сверху, входит глубже. Его глаза горят, и я вижу, что он тоже на пределе.

– Так лучше?

– Да, – выдыхаю я, обвивая его ногами. – Ещё.

Он двигается быстрее, и я чувствую, как внутри меня всё сжимается. Я кончаю, впиваясь ногтями в его спину. Он следует за мной, и я чувствую, как его тепло разливается внутри меня.

Я знаю, что эта ночь станет одной из тех, которые я буду вспоминать всю жизнь.

Я чувствовала себя живой. Свободной. Счастливой.

Закрываю глаза, думая о том, что у нас есть будущее. Что мы справимся. Что я никогда не откажусь от него. Даже если мир попытается нас разлучить.

Эти два дня мы впервые проводим взаперти, не выходя на улицу. Мы любим друг друга так часто, как только желаем. Тамир оказался страстным в постели и мы успели испробовать несколько новых поз.

Казалось, что вся квартира пропахла нами.

Мы занимались сексом везде, где вздумалось. Самым пикантным я считаю момент, когда готовила нам ужин, а Тамир подошел сзади, согнул мою ногу, упер в столешницу и взял прямо на кухне. Его собственный аппетит рос с каждым разом все больше.

– Осталось немного, пташка, – шептал он, водя носом по моей щеке.

– Всего лишь год. И мы будем вместе.

Через год я получу диплом и смогу выйти замуж за Тамира. Мое воображение рисовало сотню сценариев нашей совместной жизни. Я придумывала свадебный образ, фуршет, какую фотосессию устроим.

Через год я пойму, какого же это просыпаться каждый день рядом с любимым. Знать, что ночью вы будете вместе и никто никуда не уйдет.

Через несколько дней после того, как Тамир улетел, я получила огромный текст от матери, в котором говорилось, что я должна сходить на свидание с Мансуром.

Снова.

– Мама, я не пойду.

– Пойдешь, – голос не терпел возражений. – Я уже всё обсудила с его матерью. Ты не можешь просто так отказаться.

– Я сказала «нет». Я не хочу его видеть. Ни завтра, ни через год, ни когда-либо ещё.

– Ясмин, ты ведешь себя как капризный ребёнок. Ты должна подумать о будущем, о семье. А не о своих глупых капризах.

– Это не капризы, мама. Это моя жизнь. И я не хочу, чтобы ты решала за меня.

Я бросила трубку, чувствуя, как внутри закипает злость.

Но я должна была пойти.

Ресторан находился на верхнем этаже небоскрёба. Оттуда открывался потрясающий вид на ночной город, но мне было всё равно на эти «эстетичные» прелести. Я прошла мимо хостес, поднялась по лестнице и вышла в зал. Мансур уже ждал меня за столиком у окна.

Увидев меня, он поднялся. На нём был привычно роскошный костюм, уверенная улыбка. Но она сразу же погасла, когда он увидел мою одежду.

Я пришла в джинсах и простом лонгсливе. Никаких каблучков, никакого макияжа.

– Я не собираюсь с тобой ужинать. Пришла, чтобы сказать тебе это в лицо.

– Ясмин

– Ты слышал меня. Я не хочу с тобой встречаться. Я не хочу выходить за тебя замуж. Я хочу, чтобы ты понял: между нами ничего не будет.

Я развернулась и направилась к выходу, но он догнал меня на лестнице. Его рука схватила меня за локоть, и я почувствовала, как внутри всё сжалось от этого прикосновения.

– Не уходи.

В его голосе был только приказ.

– Отпусти, – я вырвала руку. – Всё кончено, Мансур.

– Ничего не кончено, – он сделал шаг ко мне, и я отступила. – Я не принимаю отказа.

– А я не даю тебе выбора, – я смотрела ему прямо в глаза. – Моё сердце и моё тело принадлежат Тамиру.

Мансур замешкался.

– Что ты имеешь в виду?

– Я была с ним! И у нас было не один раз. Теперь ты понимаешь?

В его глазах промелькнула тень – злость, смешанная с чем-то более тёмным.

– Ты ты спала с ним? – переспросил он тихо.

– Да, – ответила я дерзко. – Не один раз. И я не жалею об этом. Я люблю его. Только его. И никогда не буду твоей.

Он смотрел на меня, и я видела, как его лицо меняется. Улыбка исчезла, осталась только холодная ярость.

– Ты сделала это специально, – сказал он.

– Чтобы ты понял, что я не твоя, – я отступила ещё на шаг. – Оставь меня в покое, Мансур. Найди себе другую невесту. Ту, которая будет счастлива стать твоей женой.

Я развернулась и пошла вниз по лестнице.

Почти дошла до следующего пролёта, когда услышала за спиной резкий шаг.

– Ясмин!

Я не успела обернуться. Его рука вцепилась в моё плечо, развернула меня к себе. Я увидела его перекошенное лицо, с горящими глазами, в которых не осталось ничего человеческого.

– Ты думаешь, что можешь просто уйти? – прошипел он, больно впиваясь пальцами в мою руку. – Что я позволю тебе опозорить меня? Значит, надо было драть тебя как шлюху, а не цветы дарить?

– Мансур, отпусти

Он ударил меня.

Открытой ладонью, но с такой силой, что моя голова мотнулась в сторону. Я не успела сгруппироваться – нога соскользнула со ступеньки, и я полетела вниз.

Лестница была крутой, ступени мраморными и безжалостными. Я ударилась спиной, потом головой, потом снова спиной. Каждый удар о камень отдавался глухим стуком, пока я не рухнула на площадку этажом ниже.

Вышел завершённый роман о брате Тамира.

"Строптивая любимая для горца"

Глава 23

Я пролежала в частной клинике несколько часов, прежде чем поняла, где нахожусь и что случилось. Голова гудела, тело болело, на лице ссадины. Но я помнила всё. Каждое мгновение, каждое слово.

Мансур привёз меня сам. Я не знала, почему он не бросил меня там, на лестнице. Может, испугался, что я умру. Может, хотел сохранить лицо перед своей семьёй. А может, просто не хотел иметь на руках труп. Какая разница! Он был здесь. В этой же клинике. Ждал, пока я приду в себя.

Когда я открыла глаза, он сидел в кресле у окна. Увидел, что я очнулась, подошёл к кровати. Его лицо было бледным, в темных глазах читалось беспокойство. Он выглядел почти искренним.

– Ясмин, – сказал он тихо. – Ты как?

Внутри поднималась волна холода.

– Ты ударил меня, – голос звучал сипло. – Сбил меня с лестницы. Как, по-твоему, я себя чувствую?

– Я не хотел... – он покачал головой. – Это был порыв. Ты меня спровоцировала!

– Спровоцировала? – я усмехнулась, но тут же сморщилась из-за раны на губе. – Я сказала, что не хочу быть с тобой. Сказала, что люблю другого. И это, по-твоему, провокация?

– Ты унизила меня, – он сжал кулаки, но быстро разжал, словно возвращая себе самообладание. – Ты специально наврала, чтобы я отказался.

– Если бы я ударила головой сильнее, я бы умерла. Ты понимаешь это?

Его челюсть сжималась от злости. Мансур пытался казаться спокойным, но я видела его насквозь.

– Всё кончено. Между нами больше ничего не будет. И я не врала тебе на счет Тамира.

Он замирает на секунду, а потом его лицо искажается в гримасе, которую я не видела раньше. Глаза становятся пустыми, почти мёртвыми. Он смеётся сухо, прерывисто, будто внутри него что-то сломалось.

– Ясмин. Не заставляй меня искать твоего горца по всему Кавказу и выпытывать из него правду.

Я пытаюсь сглотнуть, но горло пересохло. Слова застревают где-то в груди, не находя выхода, а внутри разрастается ледяной страх. Но все равно нахожу в себе силы ответить:

– Я не вру.

Он подходит ближе, хватая меня за подбородок, сжимая так, что у меня челюсть свело. Зажмуриваюсь от боли, но не отвожу взгляда.

– Ты принадлежишь мне, Ясмин. С того самого момента, как твоя мать согласилась на этот брак, – шипит на меня, усиливая хватку. – Я сотру этого твоего Тамира в порошок, если он тронул тебя.

И в этот момент я чувствую, как страх разрывает меня изнутри.

Я уже пережила его удар, его ненависть. Но он угрожает *ему*. Тому, кто держал меня в объятиях всего несколько дней назад.

Я отворачиваюсь, чувствуя, как слёзы обжигают разбитые ссадины на щеках. Я не хочу, чтобы он видел мою слабость. Но я не могу дышать от мысли, что Мансур сделает с ним то же, что сделал со мной.

Он всё ещё держит мой подбородок. Я собираю всю свою злость, чтобы не разрыдаться прямо перед ним.

– Только попробуй, – шепчу я, но голос звучит так тихо, что я сама едва его слышу.

Мансур усмехается, наклоняясь к самому моему уху, и я слышу, как его голос становится почти ласковым, отчего мне становится ещё страшнее:

– Я не хочу тебя пугать, Ямин. Но твой Тамир – всего лишь маленькая пешка в этой игре. Ты можешь любить его сейчас, но, если он встанет на моём пути, я сделаю так, что ты его больше никогда не увидишь. У Бараевых длинные руки, запомни.

Я закрываю глаза. Его угрозы впиваются в меня глубже любых ударов. Я знаю, что он способен на это. Я вижу жестокость в его глазах.

Мансур отпускает мой подбородок, и я почти падаю обратно на подушку. Слышу его шаги, хлопок двери и только тогда я позволяю себе тихо заплакать, чтобы никто не услышал.

Через час в палату влетела моя мать.

Она выглядела так, будто не спала несколько дней, но её глаза горели не беспокойством, а гневом. Она подошла к кровати, смерила меня взглядом, и я увидела, как её лицо меняется, когда она замечает синяки, повязки, разбитую губу.

– Ямин, – вопреки ожиданиям в ее голосе не было ни капли жалости. – Что ты натворила?

– Мама, он ударил меня, – я смотрела на неё, чувствуя, как внутри всё обрывается. – Он сбил меня с лестницы.

– Ты что-то натворила! – она сказала это с такой уверенностью, будто была там. – Я знаю тебя. Ты всегда ведёшь себя вызывающе. Что ты ему сказала?

– Я сказала, что люблю другого. Что не выйду за него.

Мать побледнела. Она подошла ближе, схватила меня за плечи, сжала так, что стало больно.

– Ты что, с ума сошла? – прошипела она. – Ты рассказала о нем Мансуру?

– Да, – ответила я, глядя ей в глаза. – И я не жалею об этом. Он должен был знать, что я не его.

– Ты разрушила всё, – мать резко оттолкнула меня, отступая назад. – Если Бараевы узнают... ты понимаешь, что будет?

– Мне всё равно.

– Ах, тебе всё равно? – она засмеялась, но смех был злым. – Ты думаешь, что это просто так закончится? Ты опозорила нашу семью.

– Это ты опозорила меня, пытаешься выдать замуж за человека, который поднимает руку на женщин.

– Замолчи! – она ударила ладонью по тумбочке, и тарелка с лекарствами с грохотом упала на пол. – Ты будешь молчать. Ты никому не расскажешь, что случилось. Скажешь, что упала сама. Скажешь, что Мансур ни при чём.

– Нет.

– Я сказала, будешь молчать!

Она нависла надо мной, и я увидела в её глазах страх. Нет, не за меня. А за свою репутацию. Я еще не поняла зачем ей так нужен союз с Бараевыми, предполагаю, дело в материальном. Но почему Мансур такой упертый? Почему его не остановило даже оскорбление в виде моей любви к другому?

– Если ты расскажешь, Бараевы разорвут помолвку. Мы потеряем всё. Ты понимаешь?

– Мне плевать на помолвку. Я не выйду за него. Можешь не готовиться.

– Выйдешь, – мать выпрямилась, и её взгляд снова стал спокойно ледяным. – Ты выйдешь за него, потому что я так сказала. А если ты расскажешь кому-то о том, что случилось, я сделаю так, что ты пожалеешь об этом. Ты поняла меня? Отец не должен знать!

Собственная мать не была на моей стороне. Никогда не была. Она боялась потерять статус, деньги, связи. Наши жизни не имели для неё значения. Сестра также вышла замуж за того, кого она одобрила.

– Я поняла, – сказала я тихо.

Она кивнула, развернулась и вышла из палаты, оставив меня лежать в одиночестве среди белых стен.

Моя мать выбрала деньги и репутацию вместо меня.

Но я не сдамся. Буду игнорировать Мансура, пока не окончу учебу. А там я выйду за Тамира и... уеду на Кавказ? Или он переедет в Москву ради меня?

Не знаю. Подумаю об этом через год.

Глава 24

Я оказалась в ловушке.

Той самой, о которой читала в статьях про абьюз, но никогда не думала, что попаду сама.

Мансур оказался монстром. Контролировал каждый мой шаг хуже Тамира, требовал отчёта, угрожал за непослушание, а потом присылал цветы и подарки, пытаюсь задобрить.

Его сообщения приходили в любое время суток, а если я не отвечала, Бараев приезжал сам. В общагу, в университет, к подругам. Он везде находил меня.

Я боялась, но не могла никому рассказать. Мать пригрозила, что, если я разрушу помолвку, она лишит меня всего. Поддержки, денег, дома.

У нас с Тамиром был свой маленький ритуал. Каждый день мы присылали друг другу фото, просто чтобы знали, что с нами всё хорошо. Он не проверял, он... заботился так. А я смеялась, называла его параноиком, но присылала.

В эти дни была тишина. Мои синяки и ссадины потихоньку заживали, но следы были видны на лице слишком явно. На учебу я ходила в маске, списав на грипп и от меня шарахались все одноклассники. Врать о том, что я больна, было проще, чем признаться, что меня избил человек, за которого меня хотят выдать замуж.

Тамир не получал фотографий в эти дни. И на видеозвонки я не отвечала. Ссылалась на занятость, на усталость, на то, что вообще разбила телефон. Я придумывала сотни оправданий, но каждое из них звучало всё более жалко.

Но мой горец не унимался.

Я поняла, что пора прекратить ходить вокруг да около, когда он предложил мне приобрести новый телефон за свой счет.

Мне пришлось ответить на видеозвонок на третий день молчания.

Когда я подняла трубку, то натянула на лицо медицинскую маску, спрятала волосы под капюшоном и села в углу комнаты, где свет почти не падал на лицо.

– Привет, – помахала я, делая голос бодрее.

– Привет, – ответил Тамир, но в его голосе уже чувствовалась сталь. – Ты куда пропала, пташка?

– Я приболела, Там. Горло болит, температура. Лежу пластом, пью чай, – я попыталась улыбнуться, но маска скрывала улыбку. – Не хотела, чтобы ты видел меня такой.

Он долго смотрел на меня. Буквально сверлил своими опытными глазами оперативника. Казалось, что его взгляд проникает сквозь экран.

– Зачем тебе маска, Ясмин? – спросил он наконец.

– Я же сказала, болею.

– Ты одна в комнате.

Внутри резко похолодело.

Тамир всегда чувствовал, когда я врал. Он знал меня лучше, чем я сама.

– Я просто... боюсь заразить соседку.

– Твоя соседка уехала к родителей на пару дней, – сказал он тихо. – Я помню, ты говорила. Я замерла.

Я забыла, что говорила ему об этом. А Тамир запоминал всё: каждую мелочь, пророненную мной.

– Сними маску, Ясмин. Хочу тебя видеть. Соскучился.

– Там...

– Ну же, сними.

Его голос был спокоен, но в нём звучала та самая ласковая терпкость, за которой стояло предупреждение.

Я медленно стянула маску, морщась, когда ткань касалась разбитых ссадин. Я не поднимала глаз, боясь увидеть его реакцию. Тишина между нами стала тяжёлой, почти осязаемой.

Свет упал на моё лицо, и я сидела так в молчании несколько секунд, потому что не смела смотреть в экран.

Знаю, что он увидел.

Огромный синяк под глазом, разбитую губу и опухшую скулу.

– Б****, – тихо выругался он, смотря в экран с расширенными глазами. – Что с твоим лицом, Ясмин?!

– Я упала... Споткнулась, ударилась...

– Врёшь, – он не повышал голоса, но мое тело все равно вздрогнуло. – Ты врёшь мне, Ясмин. Кто это сделал?

– Говорю же...

– Ясмин, – Тамир зашипел так тихо, что я едва расслышала. – Просто скажи мне КТО?

Не трудно было догадаться, что я что-то скрываю. Все эти дни наше общение было минимальным. С моей стороны никаких фото, никаких видеозвонков.

Я понимала, что если скажу правду, он уничтожит Мансура.

И все равно была вынуждена рассказать.

– Мансур Бараев, – прошептала я.

В глазах Тамира мелькнуло узнавание. Вероятно, он знал эту фамилию ведь Бараевы – влиятельный клан не только в столице.

– Бараевы? – переспросил он. – Те самые?

Я кивнула, и больше не сказала ни слова. Потому что не нужно. Потому что Тамир Сайдулаев сам выкопает нужную ему информацию.

И он просто смотрел на меня, с такой яростью в глазах, что я испугалась.

– Через пару часов я буду у тебя. Не выходи никуда.

– Тамир, не надо! Я сказала не для того, чтобы ты...

– Я сказал, никуда не выходи.

Он сбросил звонок.

Я смотрела на потухший экран, чувствуя, как слёзы смешиваются с болью от ссадин. Страшное понимание накрыло минуту спустя.

Все стало только хуже.

Дорогие читатели, ухожу в отпуск на неделю. Постаралась в эти дни почаще обновлять книгу. Вернусь с новыми силами и идеями! Буду признательна, если поддержите книгу комментарием и лайком.

А пока приглашаю в историю про старшего брата Тамира.

Про полковника Анзора Сайдулаева, он еще встретится в этой истории "Строптивая любимая для горца"

Глава 25

Дверь квартиры распаивается с таким грохотом, что я подпрыгиваю на диване. Тамир стоит на пороге, тяжело дыша. В глазах бешенство, боль, предательство. Одежда забрызгана кровью. Не пятном. А брызгами. Будто он стоял совсем рядом, когда кого-то били...

В правой руке пистолет опущенный вниз, но палец всё ещё лежит на спусковом крючке.

Я медленно поднимаюсь.

Сердце начинает больно колотиться.

– Тамир...

Он молчит. Небрежно закрывает дверь ногой, щёлкает замком, и медленно проходит внутрь.

Каждый его шаг отзывается внутри меня обжигающим холодом.

Я никогда не видела его таким.

Не злым. Не ревнивым. Не властным.

А безумным.

Он бросает ключи на стол. Пистолет так и остаётся в руке.

Мой голос дрожит, когда я спрашиваю:

– Ты ранен?

Тамир смотрит на кровь на одежде так, словно только сейчас замечает её. Потом спокойно отвечает:

– Нет.

И продолжает идти.

Я невольно делаю шаг назад.

Он замечает и усмехается. Но усмешка выходит страшной.

– Боишься меня?

Молчу, потому что да. Впервые за столько лет боюсь.

Он подходит к окну. Несколько секунд смотрит во двор, потом неожиданно со всей силы ударяет кулаком по подоконнику.

Стекло звенит.

Я вздрагиваю.

– Чёрт...

Будто пытается удержать внутри что-то огромное, но не может.

– Четыре грёбанных года я жил одной тобой...

Его голос трескается.

– Ради тебя бросил службу... Я чуть с ума не сошёл, когда увидел твоё лицо! Я в самолёте три часа сидел и представлял, как убиваю того, кто это сделал!

Он резко оборачивается.

– А ты?

Внутри всё сжимается. Это правда, что Там ушел с работы, посвятив себя ювелирному бизнесу. Чтобы в любой момент быть рядом со мной. Работа опера лишала его этой возможности.

– Тамир...

– Ты ездила к нему.

– Послушай...

– Ты врала мне.

– Всё было не так...

– Не так?

Он смеётся без капли веселья.

– За моей спиной встречалась с человеком, который хотел сделать тебя своей женой.

– Я не встречалась...

– Не ври!

Его голос ударяет по комнате.

Тамир делает несколько быстрых шагов ко мне, я же отступаю пока спиной не упираюсь во что-то.

– Ты любишь его, Ясмин?

– Что?! Нет...

– Тогда зачем?!

Я закрываю лицо руками.

– Потому что он не оставлял меня в покое!

– А ты молчала!

– Я боялась! – слёзы сами текут по щекам. – Знала, что будет хуже, если ты узнаешь...

Повисает тишина. Такая тяжёлая, что становится трудно дышать.

Тамир смотрит на меня невыносимо долго и невыносимо больно.

Потом опускает голову.

– Правильно знала...

И начинает нервно ходить по комнате.

Пистолет всё ещё в его руке. Каждый раз, когда он разворачивается, дуло невольно оказывается направленным в мою сторону.

Я чувствую, как немеют ноги. Он этого даже не замечает. Он разговаривает сам с собой.

– ...Надо было раньше... Давно надо было...

Я тихо всхлипываю и только теперь Тамир понимает, что ствол смотрит прямо мне в грудь.

На секунду мы оба замираем.

Он не опускает оружие.

Наверное... Просто забыл, что держит его.

Я смотрю только на чёрное отверстие дула, слыша, как в ушах шумит кровь.

– Тамир...

Шёпотом.

– Пожалуйста...

Он делает ещё шаг совершенно машинально. А пистолет движется вместе с ним.

Я больше не выдерживаю, опускаюсь на пол, закрываю лицо ладонями. Начинаю плакать, не сдерживаясь.

– Не надо... Пожалуйста... Не надо... Я не хочу... Я люблю только тебя...

В комнате становится тихо. Слышу только собственные рыдания, затем металлический стук.

Пистолет падает на паркет.

Тамир стоит в нескольких шагах.

Смотрит на свои пустые руки будто только сейчас понял, что творил.

Лицо становится бледнее.

– Пташка...

Он произносит это едва слышно.

Я плачу ещё сильнее.

Теперь Тамир подходит медленно, осторожно. Опускается передо мной на колени.

– Посмотри на меня.

Я качаю головой.

– Пожалуйста...

Не могу...

– Ясмин...

Там осторожно касается моей руки.

Я вздрагиваю, и он сразу убирает ладонь.

– Прости... Я напугал тебя...

Я снова всхлипываю.

– Очень...

Он устало проводит ладонью по лицу.

– Никогда, слышишь? Никогда в жизни я не поднял бы оружие на тебя. Я даже не понял...

Я... Чёрт...

Он ударяет себя кулаком по лбу.

– Совсем с ума сошёл...

Я впервые за всё время вижу в его глазах страх. За то, что он только что едва не сделал.

Я медленно подползаю ближе. Беру его горячую ладонь. Сама поднимаю его лицо.

Наши взгляды встречаются.

И вся его ярость рассыпается.

Остаётся только мой горец.

Уставший.

Разбитый.

Несчастный.

Я обнимаю его первой и он словно перестаёт дышать.

Через секунду сжимает меня так крепко, будто боится потерять.

Несколько минут мы просто сидим на полу. Молча. Пока сердце наконец не начинает биться ровнее.

Потом я тихо спрашиваю:

– Тамир...

Он гладит мои волосы.

– М?

– Что... что ты сделал с М... с ним?

Я чувствую, как его ладонь на моем затылке замирает.

Он долго молчит, прежде чем ответить совершенно спокойно, без злости, без эмоций.

– То, что должен был.

И от этих слов мне становится страшнее, чем от пистолета, который ещё лежит на полу.

– Я люблю тебя, пташка, – шепнул в макушку. – Но врать не буду – сдохну, но не отпущу.

Глава 26

До окончания учёбы оставалось всего полгода.

Я сидела на кровати в своей комнате в общежитии и перебирала документы, разложенные передо мной ровными стопками.

Заявление на медицинские курсы в Германии. Подтверждение языкового теста. Копии справок. Письмо из университета. Паспорт.

Всё было готово.

Почти всё.

Отец обещал оплатить поездку и первые месяцы проживания. Мама заявила, что ни за что не отпустит меня одну в чужую страну. И что вообще хватит уже, замуж пора.

Я мечтала об этой поездке годами.

Германия казалась мне не просто страной на карте. Это была моя возможность наконец стать тем специалистом, которым я всегда хотела быть. Но сейчас, глядя на документы, я думала вовсе не о Германии.

Я думала о нём.

Тамир.

Перед внутренним взглядом сразу возникло его лицо.

Тёмные глаза. Легкая улыбка.

Рука, которая всегда находила мою ладонь, даже когда мы сидели среди десятков людей.

Я невольно улыбнулась, а потом улыбка исчезла.

Мы виделись реже.

Его бизнес разрастался, он постоянно мотался между Кавказом и Москвой, решал какие-то вопросы, встречался с людьми, уезжал на несколько дней, возвращался ночью.

Но каждую свободную минуту проводил со мной.

Иногда он прилетал всего на сутки. Иногда только на вечер.

Иногда просто появлялся у моего общежития без предупреждения, и я уже по одному взгляду понимала, что он соскучился.

У нас был свой маленький мир.

Кольцо с пером грело палец почти пять лет с того дня, когда он впервые появился в моей жизни.

Всё было хорошо.

Слишком хорошо.

Я уже знала, мне придётся сделать выбор. Не между Тамиром и Германией.

Я хотела и то, и другое.

Но Тамир не видел этого так. Он хотел меня рядом всегда.

А я начинала задыхаться от одной мысли, что после свадьбы моя жизнь будет зависеть от его решений.

Я вспомнила нашу последнюю ссору: его беспричинную ревность, его вопросы.

Знала, что он действительно любит меня и от этого было только тяжелее. Потому что если бы он был мне безразличен, всё было бы просто.

Я бы ушла.

Но я любила его до боли. И именно поэтому разговор, который мне предстоял, пугал меня сильнее всего.

Я сидела у окна в нашем любимом кафе, обхватив ладонями чашку с уже остывшим кофе.

Тамир вошёл, снял пальто и сразу нашёл меня взглядом. На его лице появилась привычная улыбка.

Он подошёл, наклонился и поцеловал меня в висок.

– Привет, пташка.
Я закрыла глаза на несколько секунд.
Мне хотелось остановить время. Сказать ему, что всё хорошо. Что я никуда не поеду.
Что выйду за него. Что мне ничего больше не нужно.
Но это была бы ложь.
Тамир сел напротив, внимательно посмотрел на меня. Улыбка исчезла.
– Что случилось?
– Ничего страшного.
Он прищурился.
– Когда ты говоришь «ничего страшного», обычно случается что-то очень страшное.
Я попыталась улыбнуться.
Не получилось.
– Я отправляю документы в Германию.
Тамир замолчал.
Я ждала. Секунду. Две. Пять.
– На курсы, – добавила после. – Медицинские. После окончания учёбы. Всего полгода.
А он продолжал смотреть на меня неподвижно.
Я уже знала этот взгляд.
Тамир не кричал.
Не спорил.
– Нет, – сказал он наконец.
Я моргнула.
– Что?
– Нет.
– Тамир...
– Ты не поедешь.
Я даже нервно рассмеялась от неожиданности.
– Что значит «не поеду»?
– То и значит.
Он взял чашку, сделал глоток кофе, словно разговор был совершенно обычным.
– Я сказал – нет.
Внутри меня что-то оборвалось.
– Это моя мечта.
– Мечта может подождать.
– Полгода.
– Нам через полгода жениться.
– И?
Он поставил чашку на блюдце.
– И? Какая к черту Германия, пташка?
Я смотрела на него и не верила, что он такое говорит.
– А кто сказал, что после свадьбы я не могу поехать?
– Я сказал.
Пауза, за время которой во мне медленно поднималась злость.
– Ты не имеешь права.
Он подался вперёд.
– Я твой будущий муж.
– Будущий, – я выделила это слово. – Именно будущий. Ещё не настоящий.
Его взгляд стал жёстким.
– Не начинай.

– А что мне делать? Молчать? – голос начинал дрожать. – Ты вообще слышишь себя? Я говорю тебе о своей мечте. О том, чему посвятила всю жизнь. А ты просто говоришь «нет».

– Потому что я не хочу, чтобы ты ехала одна.

– Я не одна. Там будет программа, университет, общежитие...

– Мне всё равно.

– Конечно, – я горько усмехнулась, откидываясь на спинку стула. – Тебе всегда всё равно, когда дело касается того, чего хочу я.

– Не говори глупости.

– Это я глуплю?

Тут я не выдержала и резко встала. Несколько человек за соседними столиками обернулись. Мне было всё равно.

– Это я глуплю, потому что хочу учиться? Потому что хочу состояться? Потому что не хочу всю жизнь быть просто женой Тамира Сайдулаева?

Он тоже поднялся.

– Я никогда не говорил, что ты будешь просто женой.

– Но именно так ты себя ведёшь!

– Я хочу, чтобы ты была рядом. Чтобы я знал, что с тобой всё в порядке. Чтобы мог защитить тебя.

Я покачала головой.

– От чего, Тамир? От моей мечты?

– Ясмин...

– От самой себя?

Он сжал челюсть.

– Ты не знаешь, что там будет.

– А ты не знаешь, чего я хочу!

– Я знаю, что ты нужна мне здесь.

На секунду в груди стало больно, потому что я услышала в его голосе не приказ.

Это был страх.

Он действительно боялся меня потерять. Но любовь не могла каждый раз становиться оправданием для запретов.

– А я не могу быть счастливой в клетке, – тихо ответила я.

– Я не собираюсь запираить тебя в клетке.

– Уже запираешь.

Он сделал шаг ко мне.

– Ясмин, сядь. Давай спокойно поговорим.

– Мы и так спокойно говорим.

– Сядь.

– Не указывай мне!

Моя грудь тяжело поднималась, слёзы подступали к глазам, но я не позволяла им пролиться.

– Пять лет я ждала тебя. Пять лет верила, что когда-нибудь мы сможем быть вместе. Я согласилась ждать, пока ты уезжал. Ждала звонков. Ждала возвращения. Я строила планы на нашу жизнь.

– Также, как и я...

– Тогда почему в твоих планах нет меня?

Он нахмурился.

– Есть.

– Нет, – я покачала головой. – В твоих планах есть я, но нет моего мнения.

Он хотел что-то сказать, а я не дала.

– Ты решил, где мы будем жить. Решил, когда поженимся. Решил, что я не поеду в Германию. А потом что? – я засмеялась сквозь слёзы. – Решишь, когда мне работать? С кем мне дружить? Когда мне рожать?

– Ясмин.

– Что?

– Не перегибай.

– Я перегибаю?

Я с вызовом посмотрела ему прямо в глаза.

– Или ты правда хочешь, чтобы я отказалась от всего ради тебя?

Это его молчание стало ответом.

Внутри что-то ломалось.

Не любовь.

Нет.

Любовь никуда не исчезла.

Она была здесь. Слишком сильная. Слишком живая. И оттого ещё больнее.

Я посмотрела на кольцо, которое никогда его не снимала.

До сегодняшнего дня.

Медленно провела большим пальцем по металлу.

Тамир заметил движение.

– Что ты делаешь?

Я сняла кольцо. Он сразу изменился в лице.

– Ясмин?

– Если ты уже сейчас начинаешь меня душить... Какого чёрта мне ждать свадьбы?

– Надень кольцо обратно.

– Нет.

Он сделал шаг ко мне. Я отступила.

– Я не хочу тебя потерять, – сказал он.

И вот тут я чуть не сломалась, потому что это был мой Тамир.

Тот самый.

Не мужчина из наших ссор.

Не ревнивый и властный горец.

А тот, которого я любила.

– Тогда пойми меня, – прошептала я уже в слезах. – Мне нужна эта поездка.

– А мне нужна ты.

– Я никуда не исчезаю.

– Ты уедешь.

– На полгода.

– Полгода – это много.

– Для нас с тобой – нет.

Он покачал головой.

– Я не согласен.

И вдруг я поняла, что больше не могу. Не потому, что не люблю его, а потому, что люблю слишком сильно. Настолько, что рядом с ним постепенно переставала слышать собственный голос.

Я протянула ему кольцо.

Он посмотрел на меня так, будто я только что ударила его.

– Ты не посмеешь.

– Уже смею.

Я разжала пальцы. Кольцо упало на стол.

Тихий металлический звук оказался громче любого крика.
Оно покатилося. Остановилось возле его чашки.
Тамир смотрел на него, не двигаясь.
Я тоже.
Несколько секунд мы просто стояли напротив друг друга.
Потом он поднял взгляд. В его глазах была боль. Такая настоящая, что мне захотелось броситься к нему. Обнять.
Но я заставила себя остаться на месте.
– Всё, Тамир.
Он едва заметно покачал головой.
– Мне нужна пауза.
– Пауза?
– Да.
Я сама почти поверила в это слово.
Пауза.
Не конец.
Просто пауза.
Мне нужно уехать. Окончить учёбу. Восстановить себя. Разобраться в том, чего я хочу и вернуться.
Наверное, вернуться.
Когда мы оба успокоимся. Когда Тамир поймёт, что я не собираюсь бросать его. Когда я пойму, что рядом с ним могу оставаться собой.
– Я не говорю, что перестала тебя любить, – прошептала я.
Он тяжело смотрел на меня.
– Тогда зачем уходишь?
– Потому что сейчас рядом с тобой я перестаю любить себя.
Я впервые увидела, как эти слова действительно дошли до него.
– Если ты будешь рядом, я снова уступлю.
– И что в этом плохого?
– То, что потом однажды проснусь и пойму, что прожила не свою жизнь.
Кольцо всё ещё лежало между нами.
Я развернулась, а он не остановил меня.
Я ждала хотя бы одного слова, хотя бы моего имени.
Но Тамир молчал.
Я вышла из кафе.
Только на улице позволила себе разрыдаться.
Слёзы текли по щекам, я вытирала их ладонью и ничего не видела перед собой.
Люди проходили мимо. Кто-то смотрел. Кто-то отворачивался.
Я шла вперёд.
Впервые за пять лет – без него.
Внутри было пусто.
Я пыталась убедить себя, что это не конец. Просто пауза.
А потом...
Потом мы поговорим.
Я верну кольцо.
Он снова назовёт меня пташкой.
Я снова услышу его голос и пойму, что всё это время любила только его.
Я цеплялась за эту мысль, как за спасательный круг, потому что иначе было невозможно идти дальше.

Я остановилась на светофоре и закрыла глаза.

Передо мной снова возник его взгляд.

Боль.

Растерянность.

Обида.

– Прости меня, Тамир...

Я тогда ещё не знала, что иногда полгода способны изменить целую жизнь. И что после них мы уже никогда не станем теми, кем были сегодня.

В тот вечер я была уверена только в одном.

Я люблю Тамира.

Но сейчас мне нужно было уйти.

И я верила, что это временно.

Глава 27

На самом деле Германия не была причиной нашего разрыва.

Я хотела туда. Очень.

Но если бы всё остальное в моей жизни было спокойно, я бы нашла способ объяснить Тамиру, договориться, подождать, перенести поездку, если бы действительно пришлось.

Проблема была в другом.

Я устала.

Просто до такой степени устала, что иногда хотелось выключить телефон, закрыть дверь своей комнаты и исчезнуть хотя бы на несколько дней. От бесконечного ощущения, что двое мужчин одновременно решают, что мне можно, чего нельзя и что для меня лучше.

Мансур не исчез даже после того, как Тамир узнал о том, что произошло.

После того вечера Бараев оказался в частной клинике. Я знала, что с ним всё плохо через маму, которая даже не подозревала ни о чем. Многочисленные переломы. Травмы. Несколько операций. Месяцы восстановления.

Для всех Мансур разбился на мотоцикле.

Его лицо, которое когда-то было главным оружием, больше не выглядело прежним. Остались шрамы, следы травм, изменившиеся черты.

Но самое страшное было не это.

Мансур не изменился.

Даже лежа в больничной палате, восстанавливаясь после переломов, он продолжал писать мне.

Сначала сообщения были короткими, потом снова появились угрозы.

Он говорил, что наша помолвка все еще в силе. Что я никуда от него не денусь. Что Тамир не сможет защищать меня вечно.

Я блокировала номера. Он находил другие.

Но страх никуда не исчезал, потому что я подозревала: Мансур не отпустит меня просто потому, что оказался в больнице. Он будет ждать. И однажды выйдет оттуда.

А ещё был Тамир.

После того, что он узнал, мой горец изменился.

Я понимала почему.

Он увидел мои синяки. Узнал, что меня ударили. Узнал, что человек, которому меня собирались отдать, причинил мне боль. И после этого в нём будто что-то сломалось.

Он стал ещё внимательнее.

Слишком внимательным.

Звонил чаще. Писал чаще. Хотел знать, где я. С кем я. Когда закончу занятия. Когда вернусь домой. Почему задержалась. Кто рядом. Почему не ответила сразу.

Он говорил, что просто заботится.

И я знала, что это правда – он заботился, любил, боялся.

Но его страх становился моей клеткой.

Раньше я могла смеяться:

«Тамир, ты опять параноишь».

Теперь не могла. Потому что за каждым его вопросом я слышала другое:

«Ты опять что-то от меня скрываешь?»

Он больше не доверял мне так, как раньше. Не полностью.

Но я чувствовала: если я не отвечала, он начинал волноваться. Если задерживалась, спрашивал почему. Если рядом оказывался мужчина, его взгляд становился холоднее.

Он не говорил напрямую, что подозревает меня, но я видела это. И от этого мне становилось больно, потому что я ведь ничего не сделала. Я просто пыталась выжить. Мансур считал меня своей. Тамир боялся меня потерять.

А я оказалась между ними.

И постепенно перестала понимать, где в этой истории нахожусь я сама.

Кто я?

Девушка Тамира?

Невеста Мансура?

Чья-то собственность?

Чей-то повод для ревности?

Чей-то повод для мести?

Я не хотела больше быть ничьим поводом.

Мне хотелось просто проснуться утром и не бояться открыть телефон. Пойти на занятия и думать о фармакологии, а не о том, кто может ждать меня у университета.

Хотелось сидеть в кафе и не оглядываться на дверь. Хотелось, чтобы мужчина рядом со мной спрашивал:

«Чего хочешь ты?»

а не:

«Где ты была?»

Поэтому Германия стала для меня больше, чем просто курсы.

Она стала расстоянием до всего, что навалилось на меня одновременно.

Я хотела уехать не потому, что разлюбила Тамира.

Наоборот.

Я любила его настолько сильно, что боялась окончательно раствориться в нём.

Мне нужно было снова услышать собственный голос. Понять, чего я хочу. И, самое главное, понять, могу ли я быть с Тамиром и при этом оставаться собой.

Я надеялась, что полугода хватит.

Полгода учёбы и тишины.

Я думала, что за это время Мансур успокоится, а Тамир перестанет смотреть на меня так, будто в любой момент может потерять. А я перестану чувствовать себя человеком, которого тянут в разные стороны.

Я ошибалась.

Мансур не собирался забывать.

А Тамир не собирался отпускать меня.

И когда я сняла кольцо в том кафе, я на самом деле не хотела заканчивать нашу любовь.

Я хотела спасти себя. Поставить между нами расстояние, чтобы снова научиться дышать.

Я думала, что потом вернусь, возьму его за руку, надену кольцо обратно и мы начнём всё сначала.

Я не знала только одного – иногда люди расходятся на время, думая, что расстояние лечит.

А оно просто показывает, насколько сильно вы друг другу нужны.

И насколько много боли успели причинить друг другу до того, как поняли это.

Глава 28

Полгода спустя

Я не звонила.

Он не звонил.

Сначала я считала дни. Потом недели. Потом вовсе перестала считать.

Мне казалось, что, если я выдержу хотя бы первый месяц, дальше станет легче.

Не стало.

Я подала документы в Германию. Собрала всё необходимое. Сдавала итоговые экзамены. Научилась выглядеть нормально.

Только по ночам всё рушилось.

Я лежала в своей комнате в общежитии, смотрела в потолок и слушала тишину, вспоминая его.

Пташка...

Иногда мне казалось, что я слышу это прямо рядом с собой.

На телефоне никаких сообщений, никаких пропущенных звонков от него.

Ничего.

Я могла часами смотреть на экран, словно от одного моего взгляда он должен был загореться его именем.

Подруги пытались помочь.

– Забудь его.

– Найдёшь другого.

– Значит, просто не судьба.

Я кивала, улыбалась. Иногда говорила:

– Да, наверное, так и есть.

Даже после той ссоры, я всё ещё ждала, что однажды ночью телефон завибрирует.

«Пташка, я за тобой».

И я бы простила.

Однажды я начала думать, что, возможно, он действительно меня отпустил. Эта мысль была почти невыносимой, но всё равно оставалась где-то на краю сознания.

Пока однажды она не стала реальностью.

Сообщение пришло вечером.

От знакомой с Кавказа.

Сначала я увидела фотографию. Потом его.

Тамир сидел в кофейне... Напротив него была девушка.

Красивая такая, с длинными как у меня волосами, только более прямыми.

Она что-то рассказывала, улыбаясь, а Тамир слушал, наклонив голову.

Так, как когда-то слушал меня.

Моё сердце перестало биться в этот момент.

Я перечитала сообщение.

«Видела твоего бывшего. Он вроде с новой девушкой. Говорят, у них всё серьёзно».

Бывшего.

Я зацепилась именно за это слово.

Бывшего.

Значит, всё действительно закончилось?

Я судорожно увеличила фотографию.

Зачем?

Не знаю.

Будто если рассмотреть её лицо достаточно внимательно, там найдётся какой-то обман.
Может, они просто друзья.
Может, это деловая встреча.
Может, фотография старая.
Может...

Я остановилась.

Потому что поняла, что начинаю сходить сума.

Тамир живёт без меня.

Я отложила телефон. Через минуту снова взяла. Посмотрела. Снова отложила.

В груди стало больно. Настолько, что я согнулась, прижав ладонь к груди.

– Нет...

Я сама не заметила, как произнесла это вслух.

В ту ночь я не спала.

Рыдала в подушку, зажимая рот рукой, чтобы соседи не услышали. Мне было стыдно за эти слёзы. Стыдно за то, что я всё ещё любила человека, который, возможно, уже научился жить без меня.

Под утро я лежала совершенно без сил и смотрела в потолок.

Впервые я подумала, может быть, Тамир действительно больше не вернётся. И если это правда... то мне тоже пора жить дальше.

Только я не знала как.

Я выглядела так, будто болела несколько месяцев. Только болезнь была не в теле.

Через неделю позвонила мама.

– Ямин, дочка. Приезжай домой.

Её голос был осторожным. Мы стали редко общаться, и мама временно перестала давить на меня.

– Нам нужно поговорить, – сказала она.

Я уже знала о чём.

Мансур. Помолвка. Свадьба.

– Мам...

– Он всё ещё ждёт... После всего, что произошло, я не буду тебя заставлять. Но ты должна понимать: Мансур не отказался от тебя.

Я сжала телефон.

Не отказался он. Конечно!

Даже после больницы. Даже после всех угроз. Даже после того, как его лицо уже никогда не будет прежним. Он всё равно продолжал ждать. Передавал сообщения. Напоминал о себе.

А я всё это время пыталась убежать.

Но теперь у меня не осталось сил.

– Он согласился на Германию? – спросила я хриплым голосом.

– Да.

Я открыла глаза.

– Что?

– После свадьбы вы сможете переехать в Германию на время твоих курсов. Он сказал, что не будет препятствовать твоей учёбе.

В голове вдруг стало тихо.

Моя мечта.

То, ради чего я когда-то спорила с Тамиром. То, из-за чего сняла кольцо.

Я могла получить это.

Только не так. Не от того человека. Но все же могла.

Мне было противно от самой себя.

Я понимала, что Мансур не станет другим мужчиной только потому, что обещает Германию. Понимала, что он всё ещё опасен. Что после свадьбы я окажусь рядом с человеком, которого боялась.

Но в тот момент внутри меня было настолько темно, что я уже не искала счастья. Я искала выход. Любой.

Мне нужно было хоть что-то вернуть себе.

Если для этого придётся воспользоваться помощью человека, которого я ненавидела...

Я была готова.

Потому что у меня больше ничего не осталось.

– Я согласна.

На том конце повисла тишина.

– Правда?

Я вспомнила на фотографию Тамира, где он был с другой. Сердце снова болезненно сжалось.

– Да. Я приеду через две недели.

– Дочка...

– Готовьте свадьбу.

Я положила трубку и несколько секунд просто сидела неподвижно.

Мне хотелось ненавидеть Тамира, но я не могла. Если я продолжу ждать, то окончательно сломаюсь.

А я уже была почти сломлена.

Мне оставалось только сделать последний шаг – выйти замуж за человека, которого я не любила ради той жизни, которую я когда-то обещала себе.

Если для этого придётся использовать деньги и возможности своего врага – я использую.

Пусть это будет моя последняя сделка с прошлым.

Пусть Мансур думает, что получает меня. Только правда такова, что он получал женщину с разбитым сердцем.

Через две недели я вернулась домой. Началась подготовка к свадьбе. Все вокруг были заняты счастьем. Только я ничего не чувствовала.

Иногда Мансур звонил, говорил спокойно, спрашивал, всё ли готово.

Я отвечала односложно. Он говорил о Германии: о том, что арендовал квартиру, о новой жизни в целом.

Я слушала и молчала, потому что для него это была свадьба, а для меня – способ выбраться.

Я не любила его.

Не хотела его.

Не ждала от него счастья.

Я просто была слишком разбита, чтобы продолжать бороться.

Иногда молчание человека, которого ты любишь, способно разрушить сильнее, чем тысяча слов.

Я думала, что сломала свои крылья сама. Только вот птица может отказаться от полёта не потому, что больше не хочет лететь. А потому, что человек, ради которого она хотела взлететь, заставил её поверить, будто больше не ждёт её возвращения.

И поэтому я сказала «да» другому.

Потому что боль стала настолько сильной, что мне было всё равно, каким будет завтра.

Мои дорогие, я завершаю этот длинный рывок в прошлое Тамира и Ясмин, и мы возвращаемся к изначальным событиям.

Глава 29

Возвращение к настоящему времени

Грохот разрывает тишину горной ночи. Отдача бьет в плечо, пистолет падает на пол. Комната расплывается.

Чувствую, как тело Тамира тяжелеет, как он оседает на меня, как его пальцы разжимаются на моих руках.

– Тамир? – еле слышно шепчу я, а затем кричу: – Тамир!

Он падает на пол. Я – следом. Одежда быстро намокает, становится тёмной, липкой. Кровь горячая, скользкая, она заливает мои пальцы, подол свадебного платья, пол.

– Нет, нет, нет, – я прижимаю руки к его плечу, пытаюсь остановить кровь. – Тамир, прости, я не хотела, это вышло...

– Ты... цела? – его голос слабый, но он четко смотрит на меня... и улыбается.

– Я? – я смотрю на него, не веря. – Ты... ты думаешь обо мне? Ты ранен!

– Цела? – повторяет он.

– Да, да, цела, – слёзы текут градом. – Молчи, не говори ничего, я сейчас... что-нибудь придумаю...

– Ясмин, – он берёт меня за руку. Пальцы холодные, но сжимают крепко. – Я люблю тебя, ты же веришь?

– Верю, дурак, – рыдаю я. – Только не вздумай умирать. Пожалуйста.

– Куда там... – он улыбается, но видно, что боль берет вверх. – У нас свадьба завтра... Ты... будешь моей женой?

– Нашел время спрашивать! – кричу я, ища в его карманах телефон. – Буду! Только живи!

Держу его за руку, набирая скорую другой. Гудки идут, смотрю, как закрываются его глаза, как бледнеет лицо.

– Тамир! Не смей! Не смей закрывать глаза! Слышишь? Тамир!

Он теряет сознание.

Я кричу, зову на помощь. В комнату врываются его люди. Шум, крики, кто-то оттаскивает меня, кто-то вызывает вертолет, кто-то пытается остановить кровь. А я сидит в углу в свадебном платье, залитом кровью любимого, и смотрю на свои руки.

Ночь. Реанимация. Запах лекарств и паники.

Сажу в углу коридора на пластиковом стуле, обхватив себя руками. Свадебное платье порвано у подола, на подоле – его кровь. Пальцы до сих пор дрожат. Я смотрю на свои руки и не понимаю, как в них оказался пистолет, как я нажала на спуск.

Дверь реанимации то открывается, то закрывается. Врачи несутся. А в коридоре постепенно собираются все Сайдулаевы. Вся его семья.

Отец – Идрис Сайдулаев – высокий, седой, с лицом закаленного вояки. Мать Фатима – женщина невероятной красоты и стати, но сейчас её лицо искажено ужасом.

Первым из сыновей приезжает Алихан. Он влетает в отделение, как ураган, на ходу задавая вопросы персоналу. За ним, едва поспевая – Амаль. Его жена. Бледная, испуганная, крепко держится за его руку.

Ни с кем из Сайдулаевых я не знакома лично. Только Алихана знаю заочно.

И это событие отвратительное начало.

– Где он? Что с ним? – голос Алихана гремит под больничными сводами.

Ему что-то объясняют. Слова долетают до меня как в пузыре. Алихан в ярости сжимает кулаки, его лицо каменеет. У них с Тамиром много общих черт, только внешность Алихана куда мягче.

Через какое-то время его взгляд падает на меня. Они шепчутся с Амаль и у меня возникает ощущение, что он все понял.

Мне хочется открыть рот, сказать хоть что-то, но я не могу выдавить ни звука.

В этот момент из лифта выходит старший сын, полковник МВД Анзор Сайдулаев, в сопровождении двух полицейских.

Он уже что-то кричит по телефону и заметив на противоположной стене коридора охранника Тамира, допрашивает его. Неразборчивый шепот и все взгляды устремляются на меня.

В ушах отдаются тяжелые звуки приближающихся шагов. Анзор угрожающе нависает надо мной, приказывает встать.

Я не шевелюсь и тогда меня грубо поднимают за подбородок.

– Ты стреляла в моего брата?

Резкий голос врывается в мою пустоту, как нож. Анзор смотрит на меня так, будто я хуже монстра. Больно давит на подбородок, заставляя смотреть в глаза.

– Где пистолет?

Я молчу. Не могу говорить. Во рту пересохло, язык прилип к нёбу. Я смотрю на него и вижу того же бешеного горца, что и Тамир. Только в его глазах нет любви. Только ненависть.

– Ты будешь говорить, – цедит он сквозь зубы. – Ты мне всё расскажешь. Про пистолет. Про то, кто тебя послал. А если нет, я лично прослежу, чтобы ты сгнила в такой дыре, откуда тебя никто не достанет.

Я даже не вздрагиваю, потому что знаю, он может сделать со мной что угодно. Мне всё равно, потому что я уже стреляла в его брата. Я уже переступила черту. Стала той, кого ненавидят.

На запястьях защёлкиваются наручники. Холодный металл обжигает кожу. Я смотрю на них и почему-то думаю о кольце с пером, которое Тамир подарил мне. Оно осталось в его доме. На тумбочке. Я не успела надеть его. Я не успела сказать ему, что люблю.

Двери реанимации открываются, и оттуда выходит врач. Я слышу, как он говорит: «Ваш сын будет жить». Слова доходят до меня сквозь вату. Жив. Он жив.

Я закрываю глаза и тихо плачу. Внутри всё разрывается от облегчения.

Он жив. Он не умер. Я не убила его.

Меня ведут по коридору. Наручники звенят, когда я делаю шаг. Понимаю, что эта кровь останется со мной навсегда.

Но главное, что за дверью в конце коридора – он. Живой.

Глава 30

Меня привезли в участок через полчаса после того, как вывели из больницы. Ко мне не прикасались, но и я не сопротивлялась. Просто шла, куда вели, смотря на свои руки в наручниках.

Стальные кольца большие для моих запястий, но стоит дернуться, как они больно царапают кожу.

Если бы год назад кто-то сказал, что меня заключит под стражу старший брат моего Тамира, я бы рассмеялась ему в лицо.

Я знаю его семью лишь со слов. Тамир показывал фото, делился со мной значимыми для Сайдулаевых новостями.

Он с первых дней считал меня одной из своих.

Теперь его брат, известный тяжелым характером, лично сопровождает меня в камеру и смотрит так, что у меня поджилки трясутся. А ведь этот мужчина с суровыми глазами каждый вечер возвращается к своей жене с детьми... как они это делают? Как так легко переключаются?

Мы останавливаемся напротив одной из дверей в длинном коридоре. Скрипит замок и меня мягко подталкивают внутрь. Спасибо, что хоть без грубости.

Камера оказалась маленькой, без окон, с одной лампой под потолком. Я села на жесткий стул, поджала ноги кое-как и уставилась в стену. На мне все еще свадебное платье, теперь уже грязное, мокрое, в пятнах, которые я не могла смыть.

Первый допрос начался сразу, как меня привели.

Анзор вышел. Вместо него двое мужчин в гражданской одежде сели напротив, включили диктофон. Они были вежливы, но настойчивы. Спрашивали про пистолет, про Тамира, про то, что нас связывает. Я смотрела в стол и молчала. Внутренне даже радовалась, что Анзор не стал меня унижать еще больше.

– Девушка, вы понимаете, что от ваших показаний зависит ваша судьба? – спросил один из них.

Я не ответила.

– Вы стреляли в человека. У нас есть свидетели. Есть оружие. Если вы не сотрудничаете, мы будем вынуждены...

– Мне всё равно, – сказала я тихо.

Мужчины переглянулись, но допрос продолжался. Я не говорила им ничего. Наверное, потому что боялась, что мои слова могут использовать против меня и... наверное, потому что боялась, что мне не поверят.

Каждое слово было бы предательством.

Через какое-то время тщетных попыток они ушли.

Я осталась одна.

Второй допрос начался примерно через пару часов. На этот раз следователь был жестче. Мне жутко хотелось спать, а он кричал, стучал по столу, угрожал, что меня посадят надолго, что я сгнию в тюрьме, что никто не придет за мной. Я слушала, не поднимая глаз.

– Если он умрёт, это будет убийство. Ты сядешь пожизненно.

Я знала, что Тамир жив. Я слышала слова врача. Он жив. Я не убила его. И пока он жив, я выдержу всё.

Следователь тоже ушел, оставив меня в тишине. Я сидела в холодной комнате и чувствовала пустоту. Кажется, я так и уснула в неудобной позе, не совладав с усталостью. Не знаю какое время суток было, когда дверь распахнулась в следующий раз.

Свет ударил в глаза, и я зажмурилась. Когда открыла глаза, увидела Анзора.

Он стоял на пороге, в форме, с погонами полковника. Лицо было каменным. Глаза холодными. Он вошел в комнату, оперся руками о спинку стула, которое закрипело под его весом.

За полковником никто не вошел. Только он.

– Ты думаешь, что сможешь молчать вечно? – спросил он. Его голос был тихим, но в нем слышалась сталь. – Думаешь, что я позволю тебе уйти, если ты стреляла в моего брата?

Он наклонился вперед, уперся огромными кулаками в стол.

– Я думал, что потеряю брата. Из-за тебя, – в голосе Анзора появилась боль, которую он не мог скрыть.

– Я не хотела, – прошептала я.

– Тогда зачем ты это сделала?

Я подняла голову. Впервые за весь день я посмотрела ему в глаза.

– Он сказал, что завтра мы поженимся... Держал меня в доме в горах, не выпускал. Я испугалась... Я не хотела... У меня была свадьба с другим, но Тамир ворвался в мою комнату... он похитил меня.

Слова сыпались из меня сумбурной бессвязной речью, я и сама понимала, что таким образом ничего не добьюсь, лишь усугублю свое положение.

В глазах Анзора мелькнуло что-то... что-то похожее на сомнение.

– Как тебя зовут? – спросил он вдруг.

Я не ожидала этого вопроса. Меня держат здесь почти сутки, а до него только дошло спросить мое имя.

– Ясмин... Мы встречались с Тамиром... Пять лет.

Полковник больше ничего не спрашивал. Он встал, подошел к стене, ударил по ней кулаком. Я вздрогнула, но не отвела взгляда. Анзор выглядел так, словно взвешивал мои слова в своей голове.

Долго взвешивал, расхаживая по комнате, нервируя меня каждым тяжелым шагом.

Он снова оперся об стол, смотрел на меня долго исподлобья. Потом его телефон во внутреннем кармане кителя зазвонил. Он взял звонок, сказал коротко:

– Да.

Я видела, как с каждой пройденной секундой менялось его лицо. Хмурое становилось напряженным, потом удивленным, потом... мягче.

– Понял, – сказал он. – Выезжаю.

Полковник сжал в руке телефон, посмотрел на меня так, будто что-то изменилось.

– Тамир очнулся.

Сердце пропустило удар.

– Что?

– Он очнулся, – повторил Анзор. – Мы сейчас же едем в больницу.

Я не верила своим ушам. Неужели полковник действительно собирается отпустить меня?

– Идём, – сказал он, выпрямляясь, но обернулся в дверях. Окинул брезгливо мое испачканное платье. – Я не повезу тебя в больницу в этом. Но времени на шоппинг у нас нет. Переоденешься в то, что даст сотрудница. Усекла?

Я не могла двигаться. Стояла как вкопанная и смотрела на него, пока по щекам текли слезы облегчения.

– Ясмин. Тамир хочет тебя видеть. Ты ему нужна. Давай, девочка, пошевеливайся.

Я кивнула. Поднялась со стула, чувствуя, как подкашиваются затекшие ноги. Анзор тут же оказался рядом, подхватил меня за локоть.

– Теперь ясно к чему он нас готовил месяц назад.

Глава 31

Я шагала вслед за полковником по коридорам больницы, сжимая в пальцах штапельную ткань платья, которое «одолжила» у сотрудницы участка.

Людей перед палатой меньше не стало. Здесь были родители и братья Тамира вместе с женами. Алихан стоял у стены, сжимая руку Амаль. Рядом с ним – пожилая женщина с красными глазами. Мать Тамира. Фатима.

Анзор шел впереди, рассекая путь, как бульдозер. Как только из-за его спины появилась я, на меня тут же обрушилась волна взглядов.

– Ты? – голос Фатимы сорвался. На лице смесь ужаса и гнева.

Она шагнула ко мне, и я инстинктивно отшатнулась.

– Ты стреляла в моего сына! – закричала она. – Ты чуть не убила его! Как ты смеешь приходить сюда?!

– Мама, – Алихан попытался остановить мать, но она отмахнулась.

– Не смей! – она снова шагнула ко мне, и я увидела в ее глазах столько боли, что мне стало стыдно. – Убейся!

Я не могла вымолвить ни слова. Стояла, опустив голову, чувствуя на себе ее ненависть, и знала, что она права. Я заслужила это. Каждое слово.

– Фатима, – раздался твердый, не терпящий возражений голос отца. – Остановись.

Она замерла, глядя на мужа, но снова набросила на Анзора, который привел меня сюда.

– Ты с ума сошёл? Она чуть не убила его!

– Мама, твой сын очнулся и первое, что сказал: «Где Ясмин?» – Анзор сделал паузу. – Я не буду перечить ему. Не сейчас.

Фатима смотрела на него, и я видела, как в ней одновременно борется ярость и любовь к сыну. Потом она перевела взгляд на меня, и в нем было столько ненависти, что я почувствовала, как земля уходит из-под ног.

– Иди, – сказал Анзор, кивнув в сторону палаты. – Он ждет.

– Спасибо, – прошептала я, почти не слыша собственного голоса.

Я сделала осторожный шаг. Второй. Фатима не двинулась, но я чувствовала ее взгляд на своей спине. Я не оглядывалась. Боялась, что если увижу ее лицо, то не смогу войти.

Палата была полупустой. Белые стены, капельница. Тамир лежал на кровати, весь бледный, с перевязанным плечом. Глаза были закрыты, и на секунду мне показалось, что он спит. Но когда я остановилась у порога, он медленно повернул голову и открыл глаза.

У меня сразу подкосились ноги.

На нем нет той привычной брони – ни наглой усмешки, ни стального взгляда. Он просто раненый мужчина. Моей рукой.

– Пташка, – хрипит он севшим голосом.

– Ты... ты как? – выдавливаю я, стоя у двери, вцепившись в ручку, готовая сбежать в любую секунду.

Тамир усмехается, но тут же морщится от боли.

– Рука не поднимается, а так жив. Спасибо, что не в сердце целила. Или целила, но промахнулась?

Вздрагиваю, как от пощечины.

– Я не целила! Я просто... испугалась. Ты украл меня! Ворвался с пистолетом, увез в горы. Ты не спрашивал, Тамир! Ты просто брал!

– Потому что ты бы не согласилась! – он пытается приподняться, но боль прибавляет обратно к подушке. – Ты бы сбежала! А я не могу без тебя, Ясмин, понимаешь? Не могу!

Это так не похоже на того жесткого, уверенного Тамира, что я знала все эти годы. Он всегда был скалой. А сейчас... он просто мужчина, который признает свою слабость.

– Ты должен был отпустить, – шепчу сквозь слезы. – Когда любят – отпускают.

– Кто тебе эту чушь сказал? – он кривится. – Москвичи? Подруги твои умные? В горах по-другому. Если любят – борются. Ждут. Крадут, в конце концов.

– Это по-твоему любовь?

– А это? – он кивает на свою перевязанную руку. – Ты могла убить меня. Значит, тоже любишь.

Поднимаю голову вверх, слезы стекают по щекам.

– Ты сумасшедший...

– Я думал, что уже умер... Полгода без тебя – хуже, чем любая война. Я на войне был, Ясмин. Видел смерть. Но то, что было без тебя... это хуже. А когда узнал, что ты выходишь замуж... Все. Сорвало крышу. Я собирался жениться честно. По нашим обычаям. Пригласить гостей, позвать муллу, сделать все красиво, чтобы ты была моей.

Останавливаюсь возле кровати, смотрю на него сверху вниз.

– А если бы я не согласилась? Если бы отказала на виду сотен гостей?

– Спросил бы снова. Ты же знаешь, я настырный.

– Наглый, – поправляю сквозь слезы, но уже улыбаясь.

Присаживаюсь на край кровати, беру его руку в свои. Пальцы у меня ледяные, а у него, напротив, горячие. Острое желание требует зарыться лицом в его здоровое плечо и выплакать все.

Что я и делаю.

Тамир гладит меня по голове здоровой рукой, путается в длинных волосах, которые до сих пор держат свадебную укладку.

– Прости меня, – шепчет он вдруг. – По-другому не умею. Я же горец. Упрямый как баран. Но я тебя люблю, Ясмин.

Поднимаю голову, смотрю на него заплаканными глазами.

– Если ты еще раз выкинешь что-то подобное, я пристрелю тебя точно в сердце. Честное слово.

– Договорились, – он улыбается. – Только сначала выйди за меня. По-настоящему. Со всеми церемониями. Чтобы родня не шушукалась за стеной.

– Какая родня? – шмыгаю носом. – Твоя мать меня уже чуть не линчевала в коридоре.

– Моя родня будет тебя на руках носить, когда узнает, что ты согласилась. – Он гладит меня по щеке и я лащу как довольная кошка. – Ну что, пташка? Рискнешь еще раз? Выйдешь за горца?

– Только при одном условии.

– Все что скажешь.

– Германия. Мы едем вместе. Ты, я и моя учёба.

Он закрывает глаза. Выдыхает.

– Черт с тобой. Куплю клинику в Берлине. Будешь моим личным фармацевтом.

– Я буду лучшим фармацевтом. А ты будешь мной гордиться.

– Я уже горжусь, – говорит он тихо. – Обожаю твой характер. Наши дети такими же будут – горными орлами.

– И пташками.

– И пташками.

Глава 32

Тамир ненавидел больницу, запах лекарств, ненавидел дурацкую больничную пижаму, ненавидел, что не может нормально двигаться. Но больше всего он ненавидел утренние обходы.

Каждое утро в палату врывалась процессия: главный врач – мужчина лет пятидесяти, серьезный, лысоватый, с руками хирурга и лицом человека, который видел слишком много глупостей. А за ним, как хвостик, таскался молодой помощник лет двадцати пяти, с чересчур *смазлив*ым лицом.

Этого помощника Тамир возненавидел с первого взгляда.

Я еле сдерживала улыбку, когда он скрипел зубами, говоря, что у помощника глаза постоянно *куда-то* смотрели.

– Доброе утро, – говорил главврач, осматривая шов. – Заживает хорошо, Тамир, ты молодец.

– Угу, – бурчал он, косясь на помощника.

А тот стоял сзади и делал вид, что записывает что-то в планшет. Но Тамир же видел, *куда* смотрят эти наглые глаза.

Я сидела у окна с медицинским учебником, который у него одолжила и даже головы не поднимала.

– Давление в норме, – продолжал врач. – Температуры нет. Еще неделька и на выписку.

– Хорошо, – отвечал Тамир.

Но я-то знала, что у него в голове. Врач придет завтра на обход, и он начнет требовать выписку раньше.

Вся семья теперь в курсе что между нами двумя произошло. Сайдулаевы не приняли меня с распростертыми объятиями, но хоть отнеслись с пониманием.

Мать Тамира – женщина гордая, вспыльчивая. Когда она встала после того, как я впервые вышла из палаты, я думала, она меня ударит. Но Фатима на удивление взяла мое лицо в ладони и мягко спросила:

– Та самая Ясмин? Дерзкая, красивая, с глазами как звезды?

Щеки зарделись там же. Она сказала это на слуху у всех мужчин.

– Он... говорил обо мне?

Женщина грустно усмехнулась:

– Я понимала, что мой сын что-то затевает. Только не думала о масштабе. Теперь этому засранцу придется расхлебывать последствия, ведь Бараевы уже ищут тебя.

Слова окатили меня холодом.

– И кстати, твои родители звонили.

Фатима протянула мой телефон, который остался в горном домике Тамира. Десятки пропущенных от мамы и несколько от папы. Ужас...

А еще... там было одно сообщение от Мансура, открыть которое я не сразу осмелилась.

– Мне не привыкать к выходкам сыновей. Считай, что я закаленная.

Она загадочно улыбнулась и отпустила меня. Идрис и Фатима вместе с младшим сыном Керимом вошли в палату после меня. В коридоре остались Алихан с Амаль. Полковник стоял в конце у окна, с кем-то напряженно ведя диалог по телефону.

Ситуация набирала плохие обороты. Если позвонить домой, ничем хорошим это не закончится, я понимала. Мать, наверное, сумма сошла, ведь репутация в обществе – для нее все. А тут я сбежала со свадьбы, получается.

Бараевы уже ищут тебя...

Это хуже всего. Мансур не остановится. А значит, свадьбу нужно сыграть как можно скорее. Вот только Тамир еще не скоро поправится.

Поток мыслей прервал женский голос.

– Привет. Рада, наконец, познакомиться вживую.

Амаль улыбалась мне и было что-то теплое в ее улыбке, что заставило меня также отвечать.

Мы недолго разговаривали. Алихан хмуро косился на меня, думая, что я не замечаю. Может быть, братья и разные, но их всех объединяет один взгляд.

Из палаты раздался голос отца Идриса:

– Свадьба, говоришь? Ну что ж... Похоже, невесту мы все-таки нашли. Осталось уговорить ее не убивать нашего сына в первую брачную ночь.

И впервые за весь напряженный вечер в коридоре слышался смех. Нервный, усталый, но семья Сайдулаевых начала верить, что все будет хорошо.

Глава 33

На следующий день выздоровления Тамир ворчал, что молодой помощник врача теперь задерживался в палате дольше положенного.

– Температуру измерим?

Спрашивал тот, заходя с градусником, а Тамир в ответ рычал.

– Измеряли уже.

Я сидела на подоконнике, прятала улыбку за книжкой и наблюдала, как один из них просто старается выполнять свою работу, а другой сходит сума из-за придуманных у себя в голове мыслей.

– А давление?

– Тоже.

– А повязку сменить?

– Вчера меняли.

– А...

– Тебе заняться нечем? – не выдерживал Тамир.

Помощник краснел, бормотал что-то и уходил, но на следующий день снова возвращался вместе с врачом.

Я делала вид, что ничего не замечаю и продолжала читать свои медицинские книжки, иногда что-то конспектировала и вообще вела себя так, будто вокруг меня не горец-ревнивец.

Заботу и моральную поддержку за больным благополучно предоставили мне, но Сайдулаевы приходили каждое утро проводить Тамира. Я даже успела подружиться с Керимом. Юморной парень. Совсем не похожий на старших братьев.

Хотелось еще познакомиться с Элиной, женой полковника, у которой история свадьбы ничуть не уступает моей. Но, как я поняла по разговорам в коридоре, семья Сайдулаевых ожидает первого внука и племянника, так что девушку старалисьшний раз не тревожить.

– Ты бы хоть посмотрела на него, – не выдержал Тамир как-то вечером, когда нам в палату принесли ужин.

– На кого?

– На этого... хвостика врачебного.

– На кого? – я удивленно подняла брови. – Ты про Юсуфа?

– Его Юсуф зовут – взорвался Тамир, подскакивая с постели. – Ты даже имя его знаешь

– Ну, он представлялся, когда температуру мерил, – невинно пожала плечами. – А что такого?

– А то, что он на тебя смотрит! Каждый день! Глазами своими...

– Тамир, ты опять? У тебя паранойя. Он просто работает.

– Я знаю, как смотрят работающие мужчины. И как смотрят те, кто хотят... – он сжал челюсть. – Не работают они так!

Я вздохнула и молча вернулась к книге. Клянусь, больше ни то, что стрелять, я ему даже заболеть гриппом не позволю. Таким несносным становится.

Последней точкой его кипения стало, когда я немного задержалась в буфете.

Тамир лежал в палате и мучительно ждал, пока я не куплю ему те самые булочки с нутеллой. Их пекли только утром, поэтому я сварила два чая и попросила Юсуфа сбежать в пекарню, за углом больницы.

Нет, я не пользовалась тем, что симпатична ему. Он просто выходил по своим делам.

Признаюсь, мы чуть задержались, болтая в коридоре о всяком. Чай остывал.

– А потом профессор говорит: «Это не ампутация, а педикюр!» – рассказывал помощник и сам ржал как конь.

Я хохотала, запрокинув голову.

Эффект от появления тамира был как от появления привидения.

Юсуф едва не поперхнулся смехом и весь побелел. Я перестала смеяться и уставилась на этого неугомонного горца с открытым ртом.

– Тамир? Ты как... ты зачем встал? Тебе нельзя!

Я поставила стаканы с чаем на подоконник и подбежала к нему, схватила за руку, помогая стоять.

– Я вижу, – сказал он ледяным тоном, опираясь на костыль. – Развлекаетесь тут?

Юсуф попятился:

– Я пойду, наверное... вечерний обход...

– Стоять.

Помощник замер. Даже у меня глаз дернулся.

Тамир проковылял ближе. Посмотрел на парня сверху вниз (даже полусогнутый на костылях он был выше).

– Слушай меня, мальчик, – сказал он тихо, но так, что у Юсуфа, кажется, волосы на макушке зашевелились. – Эта женщина – без пяти минут моя жена. У нас свадьба завтра. Если я еще раз увижу, что ты на нее смотришь, или услышу, что вы тут смеетесь вместе... – он сделал паузу. – Я найду тебя. И сделаю так, что ты будешь смеяться только фальцетом. Понял?

Юсуф судорожно кивнул, развернулся и буквально убежал по коридору.

Я смотрела на Тамира круглыми глазами.

– Ты... ты серьезно? – сквозь смех выдавила я. – Ты пришел сюда на костылях, с простреленным плечом, чтобы приревновать меня к студенту-медику?

– Он не студент, а помощник, – мрачно поправил Тамир.

– Какая разница! – я уже рыдала от смеха. – Тамир, ему двадцать пять! Он младше тебя на десять лет!

– И что? Молодой, здоровый, глазами стреляет...

– Ты идиот, – я подошла к нему, осторожно обняла, стараясь не задеть плечо. – Самый ревнивый идиот на свете.

– А что вы обсуждали? – буркнул он, но в голосе уже слышалось сомнение

– Медицинские байки. Мы же почти коллеги, понимаешь? Я пять лет училась, мне интересно с профессионалами общаться!

– Он не профессионал. Он помощник.

– Тамир.

– Что?

– Заткнись и води меня обратно в палату. У тебя шов разойдется.

Он позволил увести себя, но на полпути остановился.

– Я все равно ему морду набью, если еще раз посмотрит.

– Обязательно, – подбодрила я. – Только сначала вылечись. А то неудобно будет на костылях, с одной рукой... Он же тебя сделает.

Тамир как будто бы даже задумался.

– Тогда я Алихана попрошу.

– У Алихана своя жена есть, ему не до твоих разборок.

– Значит, сам. Потом. Когда поправлюсь.

– Договорились. А сейчас – шагом марш в кровать.

Я завела его в палату, уложила, поправила подушки. Тамир с жадностью набросился на свежие булочки и чай. Говорить о том, что их купил Юсуф было сродни самоубийству. Поэтому я тихо наблюдала за тем, как крафтовый пакет пустел с каждой минутой.

А потом вспомнила кое о чем.

– Тамир, а что значит «свадьба завтра»?

Он разом перестал жевать.

– Это... Щас объясню.

Напоминаю, что истории про других братьев вы можете прочитать у меня на странице.

Книга про Анзора и Элину "Строптивая любимая для горца"

Книга про Алихана и Амаль "Фиктивный брак по-кавказски"

Глава 34

Тамир

Три дня в больнице превратились для меня в сущий ад.

Не из-за боли. Плечо заживало медленно, но врач обещал полное восстановление.

Не из-за скуки даже. Ясмин почти не отходила от меня, и даже в больничной палате умудрялась устраивать скандалы, мириться и снова доводить меня до белого каления.

Ад был в другом.

Свадьба.

Я готовил ее месяц. Лучший ресторан в регионе, список гостей на двести человек, лично отобранное меню, тамада, музыканты, танцоры. Хотел, чтобы в этот день моя птичка была королевой.

А теперь я лежал в палате с простреленным плечом, и бронь в ресторане потерял.

На утреннем обходе (помощника с ним не было) я сказал врачу:

– Мне надо быть на ногах через пару часов. У меня свадьба сорвалась!

Врач посмотрел на меня как на сумасшедшего.

– Тамир, у вас пулевое ранение. Через неделю вы только начнете разрабатывать руку. Ни о какой свадьбе с танцами и тостами не может быть и речи.

– Я не танцевать собираюсь, а жениться.

– Вам даже стоять долго нельзя. Максимум – посидеть час-два и то под присмотром.

Я выругался так, что медсестра за дверью покраснела.

Но сдаваться Сайдулаевы тоже не привыкли.

Ходить мне понемногу разрешили, но рука висела на перевязи, и от каждого резкого движения я морщился. Вот же зараза, Ясмин... это ж надо было так в меня попасть.

Сама сидела на подоконнике, болтая ногами, и смотрела, как я мерил шагами палату. Ну просто сама невинность.

– Там, сядь уже, – сказала она. – Нервничать будешь потом.

– Потом будет поздно, – я остановился, посмотрел на неё. – Я не смогу провести свадьбу, Ясмин. Не смогу стоять, не смогу танцевать, не смогу носить тебя на руках. Всё, что я планировал – коту под хвост.

– Ну и что? – она спрыгнула с подоконника, подошла ко мне. – Свадьба – это мы, а не ресторан и гости.

– Ты не понимаешь. Для меня это важно. Я хотел, чтобы всё было идеально. Для тебя.

– Для меня идеально, чтобы ты был жив, – она осторожно коснулась перевязанного плеча.

– А всё остальное – детали.

За это я ее люблю. Мы с Ясмин умеем находить радость в мелочах. Притянув её здоровой рукой, я поцеловал в макушку.

Паршивое чувство съедало изнутри. Я не для того выкрал Ясмин, чтобы так скучно обойтись с главным событием в жизни девушки. Шестеренки в голове без остановки крутились, пересматривая разные планы как это все устроить.

Пока мы стояли так несколько минут, в палату ворвался Алихан. Ясмин тут же разжала объятия и убежала на подоконник.

– Я придумал! – объявил брат с порога, ничуть не смущенный.

Я поднял бровь:

– Ты о чем?

– О свадьбе. Есть вариант.

А вот уже разговор.

– Ты не можешь идти в ресторан? Значит, ресторан приедет к тебе.

– Поясни.

– У тебя дом в горах, большой двор. Шатры поставить, гостей пригласить, столы накрыть. А ты будешь сидеть в кресле, как падишах, и принимать поздравления. Никакой нагрузки на ноги, рука в покое. Ясмин выйдет к тебе и все дела.

Я смотрел на брата и медленно понимал, что это гениально.

– Заново оплатить ту же сумму? Они и так не вернули предоплату.

– Не разоришься, – отмахнулся он, хотя речь шла о нескольких миллионах. Но да, для Ясмина мне ничего не жалко.

– А гости? Двести человек в горы тащить?

– Можно самых близких, – вмешалась Ясмин. – Твои родители, мои... родители, если примут приглашение. Братья с женами, дяди, тети, пара друзей. Никто не обидится – ты же герой, чуть не погиб.

Я злился из-за того, что все перекраивают и чувствовал тепло в груди одновременно.

– Ты правда согласна на свадьбу в горах? Без пафоса?

– Тамир, – она закатила глаза, – я вообще не хотела эту свадьбу. Я хотела сбежать. Но раз уж ты меня украл, будь по-твоему. Хоть в горах, хоть в пещере. Мне всё равно, где официально стать твоей женой.

Я усмехнулся:

– Боюсь, в пещере не получится. Там холодно.

– Значит, в доме. С отоплением.

Алихан кашлянул:

– Я, наверное, пойду, организую шатры. А вы тут... милуйтесь.

Близимся потихоньку к финишу. Хочу предупредить, что книга пишется бесплатно в черновом варианте. Как только закончу основные проекты, возьмусь за эту и доведу до конфетки)